

Эрвин В. Люцер КРЕСТ ГИТЛЕРА

Это рассказ о реальном конфликте между двумя спасителями и двумя крестами.

Личность Гитлера по праву считается одной из самых зловещих, но и наиболее загадочных в истории человечества. Кровавый след, оставленный Третьим Рейхом — концлагеря, Холокост, десятки миллионов отнятых и искалеченных жизней, — едва ли будет когда-нибудь забыт. Как случилось, что в стране, где большинство населения считали себя христианами, творились столь чудовищные преступления? И где же была в это время церковь?

В книге «Крест Гитлера» автор исследует те уроки, которые можно извлечь из истории церкви Третьего Рейха, а также очевидные параллели между эпохой Гитлера и грядущим приходом Антихриста.

Для Того, Чтобы Зло Восторжествовало,

Достаточно, Чтобы Хорошие Люди

Ничего Не Делали.

— Эдмунд Бёрке (1729-97)

Предисловие автора к русскоязычному изданию

Уроки, которые мы можем извлечь из истории нацистской Германии, применимы ко всем культурам и во все времена. Книга, которую вы держите в руках, рассказывает о двух крестах — кресте Христовом и нацистском кресте, свастике, который в тот период красовался в церквях Германии. В ней мы увидим, что мы всегда оказываемся в состоянии конфликта между нашими обязательствами как граждан земной страны, и той ответственностью, которой обладаем как граждане небес, живущие по вере здесь на земле.

Я писал эту книгу, поскольку хотел понять, почему столь многие люди были согласны поменять на ломаный крест Гитлера крест Иисуса Христа. Я задавался вопросом, почему германские пасторы в один бесстрашный голос не осудили Гитлера. Меня интересовало, почему церковь соблазнилась лживыми обещаниями великой и славной Германии. Поиски этих ответов, возможно больше, чем что-либо другое, заставляют нас пытаться прояснить вопрос нашей преданности правительству и еще большей преданности Богу.

Я надеюсь, что, прочтя эту книгу, вы станете лучше понимать многие параллели описанным событиям, которые существуют в нашем сегодняшнем мире. Церковь всегда колебалась между двумя богами и двумя крестами. С одной стороны находится наш Господь и Спаситель Иисус Христос, который умер на римском кресте, казненный за грехи мира. С другой стороны — множество мелких божков и других крестов, обещающих ложное спасение.

Христиане, живущие в государстве, враждебном религии, сталкиваются с чрезвычайно трудной проблемой. Независимо от того, является ли государство коммунистическим, нацистским или атеистическим, оно всегда вступает в конфликт с религиозной свободой. Этот конфликт принимает особо тяжелые формы, когда перед людьми встает вопрос их собственного выживания. Гитлер с пренебрежением относился к германским пасторам, которые, по его словам, с готовностью приспособлялись к нацизму, чтобы «сохранить свое жалкое жалование». Таким образом, перед миллионами людей, живущих при тоталитарных режимах, стоит вопрос: как выжить в государстве, в котором отвергается свобода вероисповедания?

Я имел редкую возможность посетить разные части Советского Союза до падения коммунистического режима. Я слышал множество тяжелых рассказов о христианах, которые ставили преданность Христу выше преданности государству. Их верность Христу стоила им работы, жилья, а в некоторых случаях и жизни. Они, безусловно, будут вознаграждены Господом нашим Иисусом Христом. Они не жертвовали Господу того, что ничего им самим не стоило.

Однако нужно осознавать, что даже сегодня мы сталкиваемся с искушением преклониться перед другими крестами. Возможно, это искушение объединить христианство с другими религиями, умаляя тем самым крест Христов. А может быть, мы хотим соединить крест с евангелием преуспеяния, которое отрицает, что мы должны страдать подобно Христу. Или же мы подвергаемся искушению преклониться перед тайными крестами национализма или материализма.

Итак, я приглашаю вас совершить путешествие в нацистскую Германию и обнаружить, что это также и наше путешествие. Путешествие, которое принесет большее понимание и осмысленность нашей вере в Иисуса как Царя царей и Господа господствующих.

Это путешествие, которое побуждает нас твердо выбрать Иисуса Христа.

Пастор Люцер

Церковь Муди

Чикаго, канун Рождества 2003 г.

Предисловие

Это — книга, которую необходимо было написать.

Четыре года назад я получил хороший урок, когда в один промозглый день побывал в концентрационных лагерях Освенцим и Бжезинка. Неприятные ощущения от погоды отошли на второй план, когда я проходил через комнаты этого человеческого ада, одна за другой являвших, насколько низко падает разум человека, когда совесть умирает. Гитлер сам сказал об этом: «Я хочу взрастить поколение молодых людей, лишенных совести — деспотичных, безжалостных и жестоких».

В безмолвии я всматривался в фотографии детей, пострадавших и униженных от произведенных над ними экспериментов. Вдруг я осознал, что из этой комнаты уже все вышли, кроме еще одного человека, который, как и я, выглядел потрясенным и нуждался в

том, чтобы с кем-то поговорить. Он повернулся ко мне и спросил, кем я работаю.

Я сказал: «Служитель Евангелия».

В его ответе откликнулось эхо истории: «Наводит на множество размышлений, не так ли?». Смысл вопроса был ясен — где была церковь при всем этом? Я сделал паузу и затем так же спросил, кем он работает.

Он немного помедлил, а затем сказал: «Я — судья из штата Нью-Йорк». — «Думаю, нам *обоим* есть о чем подумать», — сказал я.

Об эпохе нацизма было написано много, однако у меня часто возникало желание, чтобы кто-нибудь проницательный и компетентный помог нам глубже постичь тот ужасный период истории. Мы нуждаемся в глубоком анализе, который мог бы справедливо оценить случившееся и соотнести это с тем, как на него реагировали основные учреждения государства — даже церкви — и общество в целом.

Как раз об этом данная книга. Эрвин Люцер дает продуманный и в то же время пылкий ответ на все вопросы «как», «почему» и «что, если бы», вызываемые этой трагедией. Перед нами — библейская интерпретация того, как Адольф Гитлер спровоцировал самую кровавую, самую ненужную и самую разрушительную войну за всю историю человечества и, возможно, непоправимо изменил саму структуру нашего мира.

У многих возникает очевидный вопрос: «Как обычные люди могли сознательно или неосознанно стать пешками в руках Гитлера, исполняя самые бесчеловечные приказы?». Главный охотник за скрывавшимися после войны нацистами Питер Малкин рассказал о захвате Адольфа Эйхмана.¹

Он признался, что был шокирован, когда во время операции по захвату прикрыл рот Эйхмана своей рукой и осознал, что тот был просто обыкновенным человеком. Чем больше он всматривался в него, тем больше удивлялся, как настолько хрупкий человек мог обладать таким сатанинским могуществом. Малкин при этом заметил: «Я хотел проникнуть в его мысли и спросить: «зачем?», — но не смог».

В недавней статье, опубликованной в «Журнале современной истории», профессор Майкл Маррус из университета города Торонто пытается открыть тайну нацизма в очерке под названием «Размышления над историографией Холокоста».²

Насколько блестящей ни была бы его попытка, в этом вопросе все равно кроется глубокая тайна. Цитируя известного историка и исследователя Холокоста Кристофера Браунинга, который настаивал на том, что в этом было нечто большее, чем фанатичное послушание, он пишет: «Эти люди, похоже, были совершенно порабощены своими должностями гражданских чиновников. Какие бы другие личные чувства или желания у них ни возникали, любое действие, которое могло бы запятнать их репутацию как беспрекословно исполнительных и надежных, было для них невыносимо. Над ними довлело маниакальное стремление хранить свой послужной список незапятнанным. Оно было настолько сильным, что уничтожало всякое чувство личной ответственности». Маррус добавляет: «Эти и подобные им люди стали убийцами за рабочим столом».

Подобные объяснения не удовлетворяют нас. Можем ли мы оставить всякий предсказуемый анализ и достичь понимания того, чем же все это было в действительности? Можем ли мы обойти бюрократические столы, чтобы принять уроки истории и больше не повторять ее ошибок?

Вот почему это исследование Эрвина Люцера является столь важным для нынешнего поколения. Начав читать эту книгу, вам будет трудно оторваться от нее. Она заслуживает самого серьезного внимания и размышления. Открывающееся на этих страницах не оставит равнодушным никого, кто заботится о будущем, помня о прошлом. Фактически, если меня не подводит память, подобное высказывание запечатлено на стенах музея Холокоста в Иерусалиме. Именно к этому побуждает книга Эрвина Люцера, а потому имеет монументальное значение для человечества.

Рави Захариас

Введение

Прогуливаясь по Берлину дождливым днем, я уже собирался было оставить свои поиски **Бендлерблока** — здания, в котором в эпоху нацизма размещалось Военное министерство Гитлера. В моей карте было указано, что необходимая улица уже не называется Бендлерштрассе, а переименована на Штауффенбергштрассе в память о человеке, имевшем мужество попытаться убить Гитлера. Я знал, что во внутреннем дворе этого здания он, вместе с полдюжиной других участников неудавшегося заговора, был безжалостно расстрелян. Это жестокое убийство было заснято на пленку, чтобы принести садистское удовлетворение Фюреру. Я хотел постоять на том месте, где все это происходило, и почтить героизм павших.

Выйдя из метро, я потерял ориентацию и вскоре с неохотой признал, что двигаюсь в неверном направлении. Однако провидению было угодно, чтобы я все же нашел эту улицу и, по подсказке мальчика, проезжавшего мимо на велосипеде, вскоре оказался во внутреннем дворе, рядом с мемориалом Штауффенбергу и его коллегам.

О чем я не знал, так это о том, что в здании бывшего Военного министерства теперь находится музей Сопrotивления, подробно рассказывающий о десятках мужественных людей, подобных Штауффенбергу, Нимёллеру и Бонхёфферу. Здесь было доказательство (если вообще нужны доказательства) того, что не все, жившие в Германии во времена Третьего Рейха, поддерживали Гитлера. Некоторые оказывали сопротивление в самом начале, другие поняли, каков Фюрер на самом деле, после начала зверств. Однако намного больше людей, чем я себе представлял, были готовы отдать свою жизнь ради того, чтобы остановить его.

Мое внимание привлекли фотографии, на которых протестантские пасторы и католические священники отдавали честь на манер нацистов. Еще более меня удивили фотографии знамен со свастикой, украшавших христианские церкви, — знамен со свастикой, в центре которой был крест Христов!

Находясь в этом музее, я решил разобраться, каким образом Гитлер увлек за собой христианскую церковь (я знал, что 95 процентов населения Германии были либо протестантами, либо католиками). Я хотел узнать, почему христиане в Германии в едином порыве смело и единогласно не осудили Гитлера. Меня интересовало, почему миллионы охотно приняли **гакенкройц** (крючковатый или ломаный крест) Гитлера и наложили его на крест нашего распятого Искупителя. Только позднее я смог понять, до какой степени это смешение крестов ввело в заблуждение церковь в Германии и навлекло суд Божий.

Я вышел из музея и поймал такси, чтобы доехать до Мемориальной церкви кайзера

Вильгельма, которую видел во время предыдущего визита в Германию. На этот раз я смотрел на фрески, картины и исторические рельефы в совершенно новом свете. Какие факторы в истории Германии подготовили эту страну (и ее церкви) к такому массовому обольщению? Может ли это произойти еще раз? Какие признаки должны были предупредить церковь о настоящих планах Гитлера?

Нет никакого сомнения в том, что Гитлер был богом для многих. Ему поклонялись миллионы, и он считал себя непогрешимым и непобедимым. Он обольстил массы и верил в то, что может править миром. В конце концов, он оказался ложным богом, разделившим участь со всеми, кто восстает против Всемогущего. Я думаю, что Гитлер является прообразом антихриста, который тоже однажды поднимется и произведет экономические и политические чудеса. Он так же очарует миллионы и будет требовать поклонения от мира. Он будет способен совершить завоевания, о которых Гитлер не мог даже и мечтать. В процессе анализа данной эпохи я буду кратко указывать на некоторые поразительные параллели между этими двумя людьми.

Церковь всегда балансировала. С одной стороны — наш Господь и Спаситель Иисус Христос, Который умер на римском кресте, будучи казнен за грехи мира. С другой стороны — многочисленные ложные боги и вместе с ними другие кресты — тех, кто обещает избавление, предлагая ложное спасение.

Да, мы также сталкиваемся с искушением склониться перед тленными богами, соблазняющими нас объединить Христа с другими религиями, Христа с политическими планами, Христа с мирскими стремлениями. Опыт церкви в нацистской Германии напоминает нам о том, что Христос всегда должен быть Единственным. Ему необходимо поклоняться не как Тому, Кто стоит рядом с политическими лидерами этого мира, но как Тому, Кто стоит над ними — как Царю царей и Господу господствующих.

Я верю, что, как сказал Сантаяна, тот, кто не уважает историю, обречен повторить ее. Поэтому я думаю, что мы нарушим свой долг, если не будем изучать эпоху нацизма, чтобы извлечь всевозможные уроки для церкви в настоящее время. И, как мы увидим в дальнейшем, поступая таким образом, мы сможем приготовиться и к тому, что уготовано нам самим.

Мы обнаружим, что эпоха нацизма взывает своими уроками к современной церкви. Она предупреждает нас, бросает вызов и предвосхищает то, что может произойти в будущем. Прислушаемся ли мы к ее предупреждениям, примем ли ее вызов, осознаем ли возникшие в ней тонкие обманы — зависит от нас.

С Библией в одной руке и книгами по истории в другой мы отправляемся в путь. Дойдя до конца, нам следует опуститься на колени и попросить Бога сохранить нас верными кресту Христову, чего бы это ни стоило. И мы должны быть мудры, чтобы увидеть указатели, ведущие нашу собственную страну вниз. Возможно, по тому же пути.

Итак, мы начинаем...

Глава 1

В ОЖИДАНИИ ГИТЛЕРА

Рудольф Гесс, сын немецкого оптового торговца и студент Мюнхенского университета, написал отмеченный наградами очерк, отвечающий на вопрос: «Каким будет человек, который возведет Германию к ее прежним высотам?». Встретившись в 1920 году с Гитлером,

он был поражен тем, насколько сказанное им подходило к этому человеку. Гитлера очерк заинтересовал, да и автор, который обладал такой сверхъестественной пронизательностью, произвел на него благоприятное впечатление. Неудивительно, что они стали близкими друзьями.

Первое и самое главное, писал Гесс, это должен быть человек из народа, укорененный в массах настолько, чтобы знать психологию обращения с ними. Именно такой человек может заслужить доверие народа, что должно, однако, быть только внешней видимостью.

Во-вторых, в действительности этот человек не должен иметь ничего общего с массами, потому что в случае необходимости ему не должно стать дурно от вида крови. Великие вопросы всегда разрешались «огнем и мечом». Образ для общества должен поддерживаться независимо от фактических деяний.

В-третьих, он должен быть человеком, готовым ради достижения своих целей растоптать ближайших друзей. Ему следует быть чрезвычайно суровым, в случае необходимости, способным раздавить людей сапогами гренадеров.³

Гитлер поклялся, что будет таким человеком — по наружности как выходец из народа, но с характером совершенно другим. Когда потребуется жестокость, он сможет действовать сильно и решительно. Он сделает то, что люди из масс не смогут. Он не будет уклоняться от жестокости.

Неофициально Гитлер готовился к войне; публично он произносил речи о своем стремлении к миру. Неофициально он наслаждался порнографией; публично он настаивал на правильном поведении — никакого сквернословия, никаких скабрёзных шуток в его присутствии. Временами он мог быть очаровательным и прощающим, но в большинстве случаев он был чудовищно жесток, как, например, когда настойчиво потребовал, чтобы заговорщики были «повешены на крюках для мяса и медленно задушены при помощи струны от пианино. При этом удушение должно периодически слабеть, чтобы усилить агонию смерти». Неофициально (и иногда публично) он с гордостью высказывался о своей честности, хотя часто наслаждался своим умением лгать. «Если потребуется поддержка масс, немецкий народ должен быть введен в заблуждение», — рассуждал он.

Гитлер изобрел зверства, показанные в фильме «Список Шиндлера» — представлении средствами кино всего лишь небольшой части «окончательного решения». («Окончательное решение еврейского вопроса» — так называлось физическое уничтожение евреев как народа в официальных документах Третьего Рейха. — *прим. ред.*)

Он был комком противоречий. В Вене он сохранял черствый хлеб, для того чтобы кормить белок и птиц, и всего лишь через несколько месяцев после прихода к власти подписал три части закона о защите животных; и в то же время получал неистовое наслаждение от фотографий великих европейских столиц в огне. Особый восторг он испытывал от бомбардировок Варшавы и Лондона, и был рассержен на коменданта Парижа за то, что тот не предал этот город огню.

Он мог растрогаться до слез, разговаривая с детьми, и радоваться завершению строительства еще одного концентрационного лагеря. Сострадательный и даже великодушный для семьи и друзей, он исполнялся мстительной ярости ко всем, включая близких, кто становился на пути осуществления его замыслов. Он мог быть очаровательным и жестоким, великодушным и беспощадным. «Тот, кто произносил слова Иисуса, — сказал о нем Роберт Уайт, — ненавидел все человечество».

Гитлер интересен для нас тем, что его диктатура пользовалась весьма широкой поддержкой

народа. Возможно, никогда еще в истории диктатора не любили так сильно. Он обладал редким даром побуждать народ следовать за собой. Коммунистические лидеры типа Ленина и Мао Цзедуна взойшли к власти при помощи революций, совершенных ценой миллионов погибших людей, и как следствие, были ненавидимы массами. Гитлер завоевал поддержку не только среднего класса, но также студентов и профессоров университетов. К примеру, даже великий психолог Карл Юнг рос, одурманенный «великим феноменом национал-социализма, на который весь мир смотрит с изумлением».

Гитлер поднялся в Германии в те времена, когда форма правления этой нации была демократической. Он обрел свою власть законным путем, хотя и незаслуженно. Нация ожидала его, готовая принять любого демагога, внешне обладающего талантом, необходимым для того, чтобы вывести ее из пропасти. *Народ тосковал о вожде, который мог бы сделать для него то, чего не могла сделать демократия.*

ПЕРВЫЕ ЧУДЕСА

Послужной список Гитлера был заполнен такими поразительными достижениями, что многие верующие видели в нем ответ на свои молитвы. Некоторые христиане (да, я не ошибся — именно христиане) сняли изображения Христа со стен в своих домах и повесили вместо них портрет Гитлера. Уинстон Черчилль, понаблюдав за Гитлером в 1937 году, сказал, что его достижения были «одними из наиболее выдающихся за всю историю мира». Ниже представлен неполный список того, что он смог сделать без ограничений, присущих демократии.

1. За пять лет он возродил разрушенную экономику.
2. Он стер позор поражения Германии в Первой мировой войне, вернув Рейнскую землю и расторгнув несправедливый Версальский договор.
3. Он обеспечил миллионам немцев занимательный досуг в рамках культурно-спортивного движения «Kraft durch Freude» («Сила через радость»).
4. Он основал школы профессиональной подготовки для тех, кто не имел квалификации, и полностью обеспечил занятость населения.
5. Он обуздал преступность.
6. Он построил автострады и пообещал начать выпуск «народного автомобиля», доступного по цене рядовому немцу.
7. Он дал немцам основания поверить в себя, поверить в то, что они еще раз смогут стать великими.

Если бы он умер до Второй мировой войны, — размышлял один историк, — то остался бы запечатлен в истории как «Адольф Великий, одна из выдающихся личностей в истории Германии».

Но Гитлер не умер до Второй мировой войны. Он не умер до того, как немецкий народ отказался от своих личных прав; до того, как были приняты законы, приведшие к истреблению более чем 8 миллионов человек; и до того, как Германия и ряд других стран оказались разбитыми в войне, унесшей 50 миллионов жизней в ходе крупнейшего массового убийства за всю историю человечества. Он не умер до того, *как тысячи пасторов*

присоединились к отрядам СС в клятве о личной верности ему.

Конечно же, немцы не знали, что все обернется именно так. Но давайте не будем упускать из виду тот факт, что они хотели диктатуры. Они тосковали по сильному лидеру, который мог бы преодолеть медленный темп демократических реформ. Народ голодал, политическая преступность умножалась, и Германия оказалась покрытой облаком национального позора. Демократический процесс тормозился более чем двумя десятками различных партий, наперебой рвущихся к политической власти. Демократия могла быть приемлемой в хорошие времена, а диктатура работает лучше в плохие. Для Германии времена были плохие. Очень плохие.

Но перед нами все еще стоит насущный вопрос. Почему пути немецкого народа, и особенно церкви, не разошлись с путями Гитлера после того, как его замыслы стали известны? Мы можем понять то, что они были обмануты вначале, однако почему многие сотни тысяч немцев прямо или косвенно приняли участие в зверствах, ставших большей частью планов нацистов? Эти тысячи, в других случаях благопристойных, немцев бойкотировали еврейские предприятия, принимали участие в фальшивых судах и проявляли чудовищную жестокость в концлагерях. Другими словами, у Гитлера были помощники — миллионы помощников, исполнявших его распоряжения, какие бы презренные цели они ни преследовали.

Действительно ли, как многие предполагают, немцы эпохи Гитлера были где-то полулюдьми и полубесами, подобные которым на земле больше никогда не появятся? Был ли прав историк Фридерих Майнеке, когда предположил, что нацисты были «случайностью» или «катастрофой», которая в будущей истории, по всей вероятности, больше никогда не повторится? И были ли немцы не только людьми, а всецело людьми — просто людьми без показного лоска, людьми, не знающими запретов общества и Бога?

Ответ, как мы обнаружим, заключается в том, что немцы эпохи нацизма (и конечно же, самого Гитлера) были действительно обычными людьми. Просто прочитайте сегодня заголовки о Боснии, о зверствах в Югославии или об убийствах детей в ваших окрестностях, и станет очевидно, что необузданная человеческая природа не очень привлекательна. Зло, которое держится под контролем, часто в благоприятных условиях вырывается наружу. Когда снимают ограничения, когда люди находятся в состоянии отчаяния и когда власть никому не принадлежит, человеческое сердце разоблачает себя со всей очевидностью. ***Мы наивны, если полагаем, что нацистская Германия больше никогда не повторится. Фактически, Библия предсказывает то, что это еще случится.***

КОНФЛИКТ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА

Без сомнения, история о том, как Гитлер разрушил церковь в Германии, является центральной темой этой книги. По ходу дела необходимо отметить, что он запретил молитву в школах, заменил христианские праздники языческими празднествами и, в конце концов, принудил лидеров церкви принять его возмутительные требования. Его политическая машина сделала церковь совершенно поверхностной, потому что церковь потеряла свою библейскую миссию. Таким образом, государство не только вмешивалось в религиозные установления, но и контролировало их. Могущественное государство всегда было угрозой существованию и влиянию церкви. Какой бы ни была эта угроза — нацистской, коммунистической или гуманистической — государство, враждебное по отношению к религии, всегда будет пытаться подтолкнуть церковь к вынужденной бесполезности.

Даже без диктатуры государство может изолировать влияние церкви. Когда оно расширяет свою власть, то может ввести законы, ограничивающие свободы церкви. Подумайте над

выражением «церковь отделена от государства». По одной интерпретации оно может означать, что церковь должна быть свободной в том, чтобы оказывать свое влияние и практиковать религию без вмешательства со стороны государства. Именно в таком виде отделения отчаянно нуждалась церковь в Германии.

Тем не менее, в Америке выражение «церковь отделена от государства» было угрожающе искажено борцами за свободу граждан. Для них оно означает, что религиозным людям не должно разрешаться практиковать свою религию в сфере, принадлежащей государству. Нам говорят, что религия должна практиковаться в частном порядке; государство должно быть «очищено» от любого признака религиозного влияния. Настаивая на том, что государство должно быть «свободно от любой религии», организации, наподобие Общества по защите гражданских прав (ACLU), на самом деле сводят эту свободу к нулю!

Здесь, в Америке, где церковь отделена от государства, наш конфликт полностью отличается от трудностей церкви в нацистской Германии, где религия и политика всегда были сочтены в тесном, если не сказать бурном, союзе. В дальнейшем это исследование Германии вынудит нас столкнуться с теми же вопросами, которые стояли перед немецким народом более полувека назад.

- Какова ответственность церкви, если государство проводит несправедливую политику?
- Где для христиан заканчивается патриотизм и начинается гражданское неповиновение?
- Является ли молчание пред лицом несправедливости тем же, что и соучастие? Оправданы ли небольшие компромиссы, если они могут предотвратить разрушение религиозной свободы государством?
- Как может церковь эффективно распространять Евангелие во время сражения в непопулярной битве за социальную справедливость?
- Какие существуют предупреждающие знаки, когда церковь погружается в культуру своего времени и больше не может противостоять превалирующему злу?
- Какая взаимосвязь между теологией церкви и ее способностью противостоять разрушительной силе светского государства?

Ответы на эти вопросы непросты. Будь то Европа или Америка, между церковью и государством всегда существует напряжение. Для того чтобы оценить борьбу в Третьем Рейхе, мы должны узнать историю Первого и Второго Рейха, во время которых были посажены семена обмана церкви. А Третий Рейх поможет нам осмыслить грядущий Четвертый Рейх, который намного превзойдет Гитлера по своему размаху и жестокости.

Лучшим переводом слова *Reich* — «рейх» является «империя» или «царство». Для немецкого уха оно имеет почти священный оттенок. Я так хорошо помню, как наши родители, немцы, эмигрировавшие в Канаду, учили нас молитве Господней: «Dein Reich komme, dein Wille geschehe...» («Да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя», Матфея 6:10). Нацистами слово «рейх» использовалось для обозначения мистического и вечного царства Германии.

Давайте совершим краткий экскурс во взаимоотношения между церковью и Рейхом в истории Европы.

ПЕРВЫЙ РЕЙХ (800-1806 ГГ.)

Карл Великий был коронован Папой Римским Львом III в день Рождества в 800 году. Пока Лев пел мессу, Карл Великий молился перед склепом в базилике Святого Петра в Риме. Затем без предупреждения Лев возложил корону на голову Карла, в то время как собрание произнесло благословение. Карл был одновременно удивлен и обрадован. Он вышел из базилики Святого Петра императором, полным решимости использовать меч для построения единой вселенской католической церкви. Его завоевания принесли Европе единство и положили начало Священной Римской империи (империи, которая, по словам Вольтера, не была ни священной, не римской и вовсе не империей).

Тем не менее, Карл Великий укрепил возрастающее единство церкви и государства, зародившееся во дни императора Константина (274—337). В течение первых двух веков нашей эры церковь была гонима Римской империей. Когда же Константин в 312 году завоевал Рим, то церковь вступила в брак со своим врагом. Союз этот стал роковым. Отныне стальной меч (держава) существовал ради поддержки меча Писания (церкви). Коронация Карла Великого стала высшей точкой этого пагубного союза.

Несмотря на то что Карл имел наложниц и был малообразован, он видел себя в роли защитника учения церкви. Так как крещение младенцев стало законом страны, то каждый, кто принимал водное крещение взрослым, открыто заявляя о своей вере во Христа, преследовался и даже предавался смерти. Нельзя сказать, что Карла интересовало богословие, скорее он полагал, что вселенская церковь должна оставаться вселенской, включая в себя каждого в пределах империи. Религия объединила различные страны, а крещение младенцев должно было сохранить будущие поколения «христиан».

Конечно же, государство также преследовало тех, кто отличался в трактовке мессы и отвергал власть Папы. Подобных «еретиков» пытали, заключали в тюрьму и даже предавали смерти. Интересно то, что многие истинные верующие заявляли, что после того, как Римская империя стала «христианской», мало что изменилось. Раньше их преследовал языческий Рим, теперь же их преследовал религиозный Рим. В любом случае, меч ранил с точно такой же силой!

Эти непростые взаимоотношения между церковью и государством (иногда удобные, иногда соперничающие, и часто порочные) не закончились вместе с Реформацией 1517 года. Даже сегодня церковь в Европе (как католическая, так и протестантская) поддерживается в том числе за счет налогов. Несомненно, часто применяется так называемое Золотое правило: «У кого золото, тот и правит!». По моему мнению, союз церкви и государства всегда пагубен для миссии церкви. Либо церковь изменит свое послание в угоду политическим целям государства, либо политические правители используют церковь для своих собственных целей. В любом случае чистота церкви подвергается опасности.

Это порочное единство способствовало параличу церкви в эпоху Гитлера. В тот самый момент, когда ей следовало осудить политиков того времени одним единым голосом, существование церкви оказалось зависимым от благосклонности государства. Церковь уже имела историю верности своим милитаристским героям Пруссии. В четвертом веке Константин украсил крестом Христа щиты своих солдат; в двадцатом веке нацисты обернули крест свастикой, сделав его оружием для дальнейших планов Гитлера. Но мы забегаем наперед.

Возвращаясь к истории Первого Рейха, отметим, что с 1273 по 1806 годы Святыми Римскими императорами были, по большей части, немцы из Австрии, известные как династия

Габсбургов. Конфликт между церковью и государством продолжался вплоть до последних веков империи, когда императоры потеряли большую часть своей власти, и по всей Европе возникли конкурирующие царства.

Каким во всем этом было место Германии? В течение шестнадцатого и семнадцатого веков территория Бранденбурга (Пруссии) увеличилась, и ею управлял ряд могущественных королей. Бранденбургские ворота в центре Берлина были построены в честь территории, носившей это название. Прекрасные дворцы прусских королей в предместьях Берлина и сегодня могут приводить в восхищение. Пруссия, как мы узнаем позже, была вовлечена в ряд войн и в конце концов принесла единство народу Европы, говорящему на немецком языке.

В 1804 году Папа Римский попытался короновать Наполеона Бонапарта в Парижском соборе Нотр-Дам, однако Наполеон вырвал корону из рук священнослужителя и короновал себя сам, показав этим, что в отличие от Карла Великого он сам заслужил право быть императором! Цель Наполеона состояла в замене Германской империи, доминировавшей в Европе много веков, империей Французской. После сокрушения Австрии он повернул на Пруссию и, войдя победным маршем в Берлин, положил конец Первому Рейху.

Тем не менее, после поражения Наполеона при Ватерлоо Прусское государство было воссоздано, а господство Франции вскоре завершилось. Фактически Пруссия вышла из-под правления Франции с углубившимся духом национализма и, после ряда войн, с духом единой Германии. Так сформировались подходящие условия для возникновения Второго Рейха.

ВТОРОЙ РЕЙХ (1871-1918 ГГ.)

Представьте себе Германию как скопление почти трех сотен независимых государств, каждое из которых имело свою собственную организацию, часто — свою собственную денежную единицу и даже различные меры веса и единицы измерения. Что можно было сделать, чтобы объединить разрозненные государства Германии?

Отто фон Бисмарк (1815—1898), новый проницательный премьер-министр Пруссии, имел достаточно политической смекалки, чтобы понять, что объединить немецкоговорящие народы Европы может только война. Он извлек урок из поражения, нанесенного Наполеоном, и подготовил могущественную армию. Как превосходный политик, он спровоцировал войну с Австрией и подчинил эту страну Пруссии. Затем он развязал войну с Францией, поменявшись местами с той самой страной, которая некогда нанесла поражение Пруссии под умелым руководством Наполеона. Наконец, Германия стала единой и могущественной!

Чтобы морально добить Францию, Бисмарк привез туда короля Пруссии Вильгельма I для коронации в версальском Зале зеркал в качестве главы новой, объединенной империи. Кайзер (цезарь) Вильгельм дал ясно понять, что в его планы входит возвращение каждой страны, некогда принадлежавшей древней Священной Римской империи, под германское правление. Так благополучно стартовал Второй Рейх.

Если Первый Рейх подготовил путь Гитлеру через объединение церкви и государства, то Второй Рейх способствовал параличу церкви через учение о том, что должен быть разрыв между частной и общественной моралью. Бисмарк заявлял, что однажды пережил обращение в христианство во время посещения дома каких-то набожных друзей. Однако он столкнулся с осознанием того, что как политический государственный деятель вынужден нарушать нравственные принципы, управляющие его личным поведением как христианина. И потому Бисмарк доказывал, что, поступая как слуга государства, человек не связан той же моралью, которой он должен обладать как личность. *Государство, утверждал он, не должно быть*

судимо в соответствии с обычным законом, так как его ответственность выходит за рамки обычных человеческих ценностей.

Такому двухуровневому представлению о морали государственной и морали личной (которое, как утверждают, исходит еще от Лютера, настаивавшего на том, чтобы крестьяне подчинялись своим лидерам независимо от того, насколько те тираничны) учили в немецких церквях. Особый акцент ставился на учении Павла о том, что мы должны быть покорны политическим властям (Римлянам 13:1-2). Законам государства необходимо подчиняться, не спрашивая о нравственном обосновании того, что они повелевают исполнять.

Как сказал Бисмарк: «Я верю, что повинуюсь Богу, когда служу моему кайзеру». Посвящение высшей чести нации было священной обязанностью.

Те, кто был причастен к зверствам Третьего Рейха, часто обращались к этому разграничению, чтобы оправдать свои действия. Когда им задавали вопрос, как они могут согласовывать свою жестокость со своими гуманистическими ценностями, те часто отвечали: «Но это была война, и, очевидно, кто-то должен был исполнить свой долг, насколько бы тяжел он ни был». Говоря словами печально известного Эйхмана: «Я должен повиноваться законам своей страны и своему флагу».

Бисмарк соглашался со своим прусским предшественником Фредериком Великим, который однажды хвастливо заявил: «Спасение — это дело Бога, все остальное принадлежит мне!». Этот двойной стандарт стал известен как доктрина о «двух сферах» — вопрос, к которому мы вернемся во время обсуждения роли церкви в нацистской Германии. Эта доктрина и сегодня все еще используется среди политиков, которые говорят, что как частные лица они против абортот или наделения гомосексуалистов правами в обществе, однако они не думают, что их личные взгляды должны оказывать влияние на их вклад во всенародное законодательство.

При Бисмарке был сформирован *Рейхстаг* (немецкий парламент), сам он был назван премьер-министром, а позже — канцлером. Несмотря на то что была написана новая конституция, парламент практически не имел власти, а был просто форумом для обсуждений и дебатов относительно политических вопросов. Как Бисмарк, так и кайзер, были едины в своем презрении к личной свободе и демократии. Они были уверены, что только монархия может справиться со всеми проблемами непрочно скрепленной Германии, в которой должен поддерживаться порядок. Бисмарк был глубоко уверен в правильности того выражения, которое он придумал в день своего вступления на должность премьер-министра: «Великие насущные вопросы не будут разрешены при помощи резолюций и голосов большинства... а только мечом и огнем».

В 1871 году, когда был коронован кайзер Вильгельм, он заложил краеугольный камень в основание массивного здания Рейхстага в Берлине. Если вы когда-либо были в этом городе или видели фотографии этого строения, то наверняка помните, что оно стоит как монумент Второму Рейху. Сейчас, когда Германия объединена, парламент страны вернулся в здание Рейхстага.

Когда в 1914 году началась Первая мировая война, большинство немцев изголодались по боевым действиям, веря в то, что война, по словам прусского генерала фон Мольтке, является частью Божьего творения, «собирая воедино благороднейшие качества мужества, самоотречения, верности и готовности пожертвовать своей жизнью». Они также верили в то, что война, которая началась летом, будет выиграна «до Рождества».

Едва ли кто хотел войны больше, чем Адольф Гитлер, которому в то время было двадцать пять лет. Он пошел в армию добровольно и позже размышлял: «Мне не стыдно сказать, что

охваченный восторженным энтузиазмом, я упал на колени и поблагодарил от всего сердца Небеса за счастье жить в такое время».⁴

Вскоре после того, как Америка вступила в войну,

9 ноября 1918 года Германия капитулировала. Кайзер Вильгельм II был унижен и, чтобы спасти свою жизнь, бежал в Нидерланды, где провел остаток дней своих, изучая оккультные науки в попытке понять, почему Германия проиграла войну. В конце концов его прорицатели, включая знаменитого Хьюстона Чемберлена (с ним мы встретимся еще раз в следующей главе), заверили его, что немцы как высшая раса предрасположены к победе.

Когда Гитлер услышал новость о поражении Германии, выздоравливая после атаки горчичным газом, у него было мистическое видение, которое, как он верил, было «призывом» в политику. Он плакал впервые после смерти своей матери. Затем он понял, что предназначен сыграть какую-то роль в будущем Германии. Мир еще будет вынужден справляться с последствиями этого решения.

С поражением Германии и формированием нового конституционного правительства Второй Рейх подошел к бесславному концу.

ТРЕТИЙ РЕЙХ (1933-1945 ГГ.)

Германия в условиях воинствующего милитаризма и положения, когда государство поставлено выше обычной морали, ожидала диктатора, который вывел бы ее из униженного состояния. Давайте исследуем корни дерева, принесшего столь горькие плоды.

Философские корни

Некоторые думают, что философы сидят в башнях из слоновой кости и плетут теории, которые имеют мало общего с жизнью обычного, тяжело трудящегося гражданина. Однако факт заключается в том, что философы часто управляли целыми государствами (Карл Маркс — лишь один из примеров). В то, что сегодня изучают в классах на уроках философии, завтра поверит человек на улице.

У Германии также были свои философы, выдающиеся люди, снискавшие широкое признание через свои учения и труды. Они подготавливали почву и даже насаждали семена национализма, а также разжигали ненависть к евреям. Знали они об этом или нет,— они подготавливали путь Гитлеру. Давайте познакомимся по крайней мере с двумя из них.

Георг Гегель (1770—1831) возглавлял кафедру философии в Берлинском университете. Его диалектическая философия, вдохновлявшая Маркса, учила о прославлении государства, называя его «Богом, ходящим по земле». Личные права, по его мнению, были просто помехами на пути государства как верховной власти. Государство, как он говорил, является «нравственной вселенной... и имеет наивысшее право по отношению к человеку, наивысшим долгом которого является быть членом государства... Так как право мирового духа превышает всех особых привилегий.»⁵

Война, как учил Гегель, стала великим очистителем, который был необходим для душевного здоровья народа. Что касается личных нравственных качеств, наподобие смирения и терпения, то они никогда не должны становиться на пути государственных интересов, и без сомнения государство должно растаптывать подобные «невинные цветы». Это — полное

оправдание доктрины двух сфер: личная нравственность должна оставаться личной! Государственная нравственность — это нечто совершенно другое.

Гегель предсказал, что Германия опять расцветет, так как она представляет собой высшую форму диалектического развития. Пусть Франция поступает как ей угодно; пусть Россия и Британия усиливаются, говорил он. Законы истории — на стороне Германии. Она заслуживает того, чтобы опять подняться, и она поднимется.

Как можно было ожидать, Гегель отрицал уникальность христианства и утверждал, что Ветхий Завет должен быть отвергнут из-за его еврейских корней. Чистой христианской верой должна обладать только чистая раса, а именно — немцы. Таким образом, новое христианство должно было включать в себя то, что соответствовало высшему немецкому духу.

Фридрих Ницше (1844—1900), сын лютеранского пастора, выступал с резкими нападками на христианство, обвиняя его в слабости и в том, что оно является причиной неприятностей Германии. В своей книге «Антихрист» он написал: «Я называю христианство единственным огромным проклятием, единственным чудовищным и глубочайшим извращением, единственным моральным изъяном человечества... Я рассматриваю христианство как наиболее обольстительную ложь из когда-либо существовавших»⁶. Христианство, сказал он, с его ударением на достоинствах милости и прощения, сделало Германию слабой.

Помните — Ницше заявил, что Бог мертв. Он писал: «Разве мы не слышим ничего, кроме шума лопат гробокопателей, хоронящих Бога? Разве мы не чувствуем ничего, кроме запаха разложения Бога? Боги тоже разлагаются. Бог мертв, и мы убили его.» Церкви, сказал он, являются надгробиями и гробницами Бога.

Ницше и глазом не моргнул, представляя ужасающие последствия атеизма. Вот как он описал, что означает смерть Бога для человека: «Как можем мы, убийцы из убийц, утешить себя?.. Кто сотрет с нас кровь? Где эта вода, чтобы очистить себя? Какие празднества искупления, какие священные игры мы должны изобрести? Не является ли величие этого дела слишком великим для нас? Не должны ли мы сами стать богами хотя бы для того, чтобы понять достоинства этого положения?»⁷

Ницше знал, что со смертью Бога чувство вины человека останется безответным, никто не сотрет кровь с наших рук. Так как Бог мертв, то должен быть найден преемник. Ницше знал, что в атеистическом государстве сильный правит слабым. Он провозгласил о приходе высшей расы и сверхчеловека, который объединит Германию и, возможно, весь мир. Будет править грядущая элита, из которой и появится этот сверхчеловек. Он и те, кто будут его окружать, станут «господами земли». Этот человек должен быть «великолепным белокурым животным, неистово жадным к добыче и победе».

Ницше, который умер в 1900 году, не дождался того, чтобы увидеть подъем Третьего Рейха или распространения атеистического коммунизма. Однако его предсказание о том, что двадцатый век будет кровопролитным, к сожалению, исполнилось слишком точно. Убрав Бога с пути, люди могли быть необузданными. Больше не было страха суда и веры в нравственные добродетели. Когда люди осознали, что история основана на грубой силе, могло начаться вселенское безумие. (Обратите внимание на тот факт, что сам Ницше за одиннадцать лет до своей смерти сошел с ума.) Как отметил Рави Захариас, Ницше понимал, что человек, «раня сердце Бога, в действительности пускает кровь себе»⁸.

Ницше укрепил господствующее в Германии философское представление о том, что гений выше закона и что он не должен быть связан нравственными нормами обычных людей. Личные качества просто стали на пути более великих достоинств управления и власти. Сострадание делало государство слабым; необузданная власть делала государство сильным.

И не кроткий, а беспощадный наследует землю. Сверхчеловек должен сокрушить заботливо соблюдаемые добродетели, и тогда он сможет править миром. Прислушайтесь еще раз к этим ужасающим словам, вышедшим из-под пера Ницше:

Сильные люди, повелители, снова обретают чистое сознание хищной бести. Чудовища, исполненные веселия, они могут возвратиться после ужасных убийств, поджогов, насилия и пыток с той же радостью в своих сердцах... Для того чтобы судить нравственность правильно, она должна быть заменена двумя концепциями, позаимствованными из зоологии: приручение животных и выведение особых видов.⁹

Разве можно удивляться тому, что Гитлер был настолько очарован Ницше, что подарил экземпляр его трудов своему другу Бенито Муссолини? Гитлер часто навещал музей Ницше в Веймаре и позировал фотографам, с восторгом глядя на бюст этого великого человека. По мнению многих историков, Ницше, возможно, испытывал бы отвращение к произволу Гитлера, особенно к его антисемитизму. Возможно, так бы и было, однако Гитлер воспринимал Ницше как духовного брата и истолковывал его книги таким образом, чтобы они соответствовали его целям. Правильно или нет, но труды Ницше были использованы, как выразился один историк, «для того, чтобы дать волю всем силам ада». Гитлер воспринимал себя как сверхчеловека из философии Ницше. Он ликовал от того, что доктрина о Боге, которая всегда стояла на пути жестокости и обмана, теперь была устранена. Когда человек занял место Бога, сверхчеловека Ницше, ведомой сверхчеловеком, был открыт путь к мировому господству.

Возможно, сейчас мы можем лучше понять причину появления концентрационных лагерей. Идеи имеют последствия, и представление о том, что Бог мертв, дало людям свободу действовать так, как им нравится. Отбросив Бога, человек мог беспрепятственно подняться и последовать за своей неограниченной жадой власти.

Виктор Франкль, переживший Холокост, написал следующие резкие слова:

Газовые камеры Освенцима были конечным следствием теории, согласно которой человек — это не что иное, как продукт наследственности и воздействия окружающей среды, или, как любили говорить нацисты, — «крови и почвы». Я абсолютно убежден, что газовые камеры Освенцима, Треблинки и Майданека были изначально подготовлены не в каком-то министерстве или кем-то в Берлине, а, скорее, за рабочими столами и в лекционных аудиториях негилистических ученых и философов.¹⁰

Некто сказал, что после смерти Бога в девятнадцатом веке, человек умер в двадцатом. Потому что, когда Бог мертв, человек становится диким животным.

Богословские корни

Германия была (и все еще остается) рассадником либеральной учености, срывающим с христианства его уникальность. Влиятельный теолог по имени Людвиг Фейербах мог бы согласиться с современным движением «Нью Эйдж» в том, что доктрина о Боге должна быть более корректно истолкована как доктрина о человеке. Воплощение, по его словам, учит нас тому, что Личность, Которой поклонялись как Богу, теперь воспринимается как человек. Человек больше не должен быть вторым в религии, он — первый. Согласно Фейербаху, то, что человек является Богом, — это наивысшая нравственность и поворотный момент мировой истории. ***Если Христос и был божественен, то только потому, что мы все являемся таковыми.***

Немецкие ученые «демифологизировали» Новый Завет, чтобы лишить его вымыслов и таким образом обнаружить суть истины. Некоторые богословы открыто заявляли, что о чудесах

Нового Завета следует забыть, а сконцентрировать внимание масс на чуде подъема Германии на позицию мирового лидерства. Неудивительно, что они были согласны спрятать крест Христа внутри свастики.

Вместе с очеловечиванием Бога началось обожествление человека. В Веймаре Гёте красноречиво доказывал, что человек должен занять место Бога как центр искусства, философии и истории. Дитя Просвещения, он полагал, что религия должна быть пересмотрена и построена таким образом, чтобы прославлять человека, а не Бога. Он, однако, не мог даже и предполагать, что, превознося человека, он открывал дверь необузданному злу. То, что Бухенвальд, один из нацистских концентрационных лагерей, находился всего лишь в шести милях от Веймара — центра Просвещения, — не историческая случайность. Как я уже упоминал, Гитлер испытывал извращенное наслаждение, воздвигая лагерь смерти возле города, который гордился своей терпимостью и человеческой славой.

Если, как выразился Франкль, печи Освенцима были подготовлены в лекционных аудиториях Европы, то мы можем также сказать, что эти печи разжигались либеральной ученостью, прославлявшей человека и заявлявшей о неуместности Бога. Подобные доктрины подорвали способность церкви противостоять зверствам Третьего Рейха. Заменяя человеческими идеями откровение Божие, *Третий Рейх изменил понимание креста Христова, дабы обеспечить успех язычеству.*

Политические корни

Германия была сильно уязвлена своим поражением и унижением после Первой мировой войны. Во всех крупных городах бушевал политический хаос. В Мюнхене коммунистическая партия, вдохновленная успешной революцией в России, в 1918 году попыталась захватить власть. Создавались как левые, так и правые политические организации. Из-за восстаний и социальной нестабильности в Берлине Парламент был вынужден оставить Рейхстаг и переехать в Национальный театр в Веймаре, чтобы сформировать новое правительство на основании демократических принципов и идеалов.

Таким образом 9 ноября 1918 года была провозглашена Республика. Через шесть месяцев обсуждений была принята конституция, которая (по крайней мере на бумаге) выглядела способной принести устойчивую демократию. Она вместила в себя идеи, заимствованные из Англии, Франции и Соединенных Штатов. Правителем стал народ, и конституция заявляла, что «все немцы равны перед законом». На Рейхстаге была выгравирована фраза «Немецкому народу», которую там можно увидеть и сегодня.

Попытка установления демократии могла бы быть успешной, если бы не Версальский договор, составленный Антантой. Согласно ему Эльзас и Лотарингия были возвращены Франции, а территории, завоеванные Бисмарком, — Бельгии, Дании и Польше. Вдобавок ко всему, Германия должна была выплатить военные компенсации в размере 132 миллиардов марок (что составляло около 33 миллиардов долларов) — сумму, которую выплатить было невозможно.

Этот договор фактически обезоружил Германию. Он ограничил армию до ста тысяч человек и запретил ей иметь танки или самолеты. Военно-морской флот был уменьшен до чисто символического размера. Кроме того, как завершающий акт унижения, Германия должна была согласиться взять на себя ответственность за начало войны, и договор требовал, чтобы кайзер Вильгельм II был выдан Антанте вместе с восемьюстами других военных

преступников.

Британия предупредила, что если Германия не подпишет договор, она начнет блокаду и, по существу, заморит немцев голодом. Антанта требовала от Германии незамедлительного ответа — крайним сроком при этом было названо 24 июня 1919 года.

В конце концов, с согласия временного лидера Республики фельдмаршала фон Гинденбурга и с одобрения Национальной Ассамблеи договор был утвержден. Четыре дня спустя он был подписан в Зеркальном зале Версальского дворца — том самом месте, где было положено впечатляющее начало Второго Рейха коронацией кайзера Вильгельма I в 1871 году. Германия не только проиграла войну — она также потеряла свое достоинство.

Экономические корни

Республику, несмотря на все ее благие намерения, теперь укоряли за соглашение с несправедливыми условиями договора и последовавший экономический кризис. Курс немецкой марки, которая в одно время оценивалась к доллару в отношении четыре к одному, упал до 75 марок за доллар, а затем — до 400 марок за доллар. К 1923 году курс упал до 7000 марок за доллар. Когда Германия не смогла выполнить свои обязательства по выплатам военных компенсаций, президент Франции приказал своим отрядам оккупировать область Рура. Таким образом, промышленный центр Германии был отрезан от остальной страны.

Этот акт привел к окончательному удушью задыхающейся немецкой экономики. Сразу же после акции Франции в январе 1923 года курс марки упал до 18 000 за доллар, а к ноябрю составлял 4 миллиарда марок за доллар. Фактически, марки не стало.

Есть история, возможно вымышленная, об одной женщине, которая наполнила немецкими марками свою тачку и оставила ее у дверей магазина, уверенная, что никто не будет даже пытаться украсть эти деньги. И действительно, когда наступил момент расплатиться за бакалейные товары и она вышла на улицу, то обнаружила, что пачки денег лежали на земле, но тачка исчезла! Услышав эту историю, мы можем улыбнуться, однако немцам было не до смеха. Их сбережения были полностью потеряны. Они потеряли веру в свое правительство. Народ страдал безмерно, и самое худшее еще только надвигалось.

В 1923 году попытка Гитлера сбросить правительство Баварии потерпела неудачу (этот путч будет кратко описан в следующей главе). Он был обвинен в измене и, после того как оказался в Ландсбергской тюрьме, решил в будущем добиться власти политическим путем. ***Он использовал демократию как путь к власти, а затем, сразу же после получения власти, растоптал эту демократию.***

Экономические перспективы улучшились в 1925—29 годах, когда уменьшилась безработица и оживилась торговля. Через десять лет после окончания войны Веймарская республика, похоже, добилась желаемого. Партия нацистов была почти мертва, однако, пылая жаждой завоевания мира, Гитлер не мог сдаться просто так. Он выжидал в надежде, что в Германии наступят еще более тяжелые времена.

Мировая депрессия 1929 года предоставила Гитлеру возможность, которую он искал. Будучи революционером, он мог преуспеть только в тяжелые времена, когда была высока безработица, бушевала инфляция и вся Германия была наполнена гневом и сомнением. Это было его время для захвата нации — не при помощи войны, а конституционным путем.

Когда потерпел крах крупнейший банк Австрии, это привело к временному закрытию банков и в Берлине. Германия была неспособна выплатить свои военные компенсации, миллионы

людей не имели работы и тысячи небольших предприятий прекратили свое существование. Лишенные рабочих мест и умирающие от голода немцы были согласны на все, чтобы только выжить.

Гитлера этот экономический кризис приводил в восторг — это были благоприятные времена для того, чтобы склонить на свою сторону массы и получить их голоса. Он организовал кампанию против Версальского договора и заверил немцев, что если ему дадут шанс, страна опять сможет стать великой. В конце концов, его время настало.

Конституционные корни

«Мои родители голосовали за него, потому что ситуация была очень плоха, и они полагали, что хуже уже просто быть не может»,— рассказывала мне женщина, пережившая эпоху нацизма. «Они думали: «А почему бы не дать ему шанс?». Миллионы немцев согласились. Итак, в 1932 году нацисты оказались самой большой партией в стране, но они еще не составляли большинство. В том же году произошли вторые выборы, однако из-за своего скверного поведения нацисты недосчитались голосов, хотя все еще оставались самым большим отдельным избирательным блоком. Эксперты предсказывали, что пора расцвета нацистов прошла.

Тем не менее, безработица была высока, а коммунисты все еще представляли угрозу. Из-за того, что было множество партий и ни одна из них не составляла большинство, правительство застыло на мертвой точке. В отчаянии 30 января 1933 года Гинденбург назначил Гитлера премьер-министром. *Человек, который тогда принимал присягу на верность Веймарской конституции, вскоре уничтожит ее.*

Гитлер знал, однако, что в соответствии с конституцией срок его полномочий зависел от его способности обрести поддержку большинства в Рейхстаге. Парламент мог проголосовать против него, или же его мог уволить Гинденбург. Ему было необходимо большинство, которого у него не было. То, в чем он нуждался,— это пара чудес, и он совершил (или создал) их.

В преддверии выборов в марте 1933 года, которые, как он понимал, он не сможет выиграть, Гитлер, по-видимому, решил создать кризис. 27 февраля 1933 года здание Рейхстага в Берлине охватило пламя. Были очевидные признаки поджога, и наиболее вероятно, что люди Гитлера принудили голландца по имени Маринус ван дер Люббе проникнуть в здание через проем, используемый для системы отопления. Под дулом пистолета он развел в подвале здания огонь, и вскоре огромное строение было охвачено пламенем.

Гитлер обвинил в поджоге тайную организацию коммунистов и побудил Гинденбурга подписать указ, временно отменяющий личные свободы «для защиты народа и государства». Нацисты могли теперь обыскивать дома без ордера на обыск, конфисковывать имущество и запрещать собрания групп, которые могли им помешать. Подписав этот указ, Гинденбург фактически действовал в соответствии с Веймарской конституцией, в которой было оговорено, что президент в случае крайней необходимости может предпринимать действия в обход парламента. Не удивительно, что Гитлер назвал поджог Рейхстага «подарком богов».

Несмотря на то что Гитлеру все еще не удавалось достичь большинства, при помощи убийств, угроз и обещаний он смог получить две трети голосов большинства в Рейхстаге — достаточного для того, чтобы внести поправку в конституцию. Этой поправкой все законодательные функции были переданы ему лично. С этого момента уже он, а не Рейхстаг, устанавливал законы.

14 июля он постановил, что нацисты должны быть единственной политической партией в Германии.

Когда возник конфликт между армией и буйными «коричневорубашечниками» Гитлера (штурмовыми отрядами СА)¹¹, он заключил сделку с армией: если она поддержит его как преемника Гинденбурга, то он ликвидирует Версальский договор и восстановит армию в ее былой силе. Более того, он собирался убрать долой своих коричневорубашечников, которые сейчас бродили по улицам и агитировали за право заменить собою армию.

Генералы согласились с его планом, а он сдержал слово. За одну ночь («ночь длинных ножей») по его приказу было уничтожено около тысячи человек, среди которых были его коричневорубашечники и близкие друзья, которые помогли ему прийти к власти. Гитлер взял на себя полную ответственность за массовые убийства и сказал Рейхстагу: «Если кто-либо упрекнет меня и спросит, почему я не прибегал к помощи обычных судов, то все, что я могу сказать, это: «В тот момент я был ответственен за судьбу немецкого народа». Я стал верховным судьей немецкого народа.»¹²

Пожилой Гинденбург в конце концов умер, и лишь только его тело остыло, Гитлер, едва сдерживая эмоции, провел церемонию, в которой все армейские офицеры произнесли клятву о личной верности ему, и он провозгласил себя Фюрером и канцлером Рейха.

Вселенское безумие, предсказанное Ницше, началось.

ИСТОРИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

В общем и целом, немцы не оказали большого сопротивления тоталитаризму. Об общем равнодушии народа я расскажу подробнее, когда речь пойдет о взятии Гитлером под свой контроль церкви. Вот что пишет Джеральд Састер: «Многие приветствовали отмену личной ответственности за свои действия, потому что повиниться проще, чем согласиться с опасностями свободы. Рабочие теперь имели гарантированную работу, медицинское обслуживание, оплаченные отпуска, и если свобода означала голод, то рабство было предпочтительнее.»¹³ ***Человек, которого ожидали немцы, пришел.***

Поскольку экономика была крепкой, людей не заботило, имеют ли они свободу слова, свободу перемещения и свободу голоса. Во времена Республики народ голодал в больших городах, и потому хлеб на столе был более важен, чем избирательный бюллетень в будке для голосования.

«Это же экономика, глупец!» — гласил лозунг одного из кандидатов на пост президента Америки в 1992 году. Хотя это утверждение было слабым как для государственного деятеля, с точки зрения политики оно было превосходным. В нацистской Германии, как и в любую другую эпоху, существовала экономика, которая была ключом к политическому успеху отдельной партии или диктатора. Даже антихрист учтет, что большинство из нас поступает так, будто наши тела более ценны, чем души.

Одна женщина, жившая в Германии в эпоху нацизма, отметила: «Гитлер за год сделал больше, чем Веймарская республика за десять лет».

Во времена кризиса проще действовать быстро и решительно сильному лидеру, чем решить почти невыполнимую задачу достижения согласия и организации законодательного процесса в лабиринте комитетов. Библия предсказывает, что наступит время, когда мир будет

нуждаться в человеке, который сможет действовать решительно и в обход медленного и непредсказуемого процесса законодательной безвыходности.

Если экономика является ключом к физическому выживанию, и если тело считается более важным, чем душа, то нравственность вскоре будет принесена в жертву интересам выживания. Немецкий народ (по крайней мере, в начале) был согласен простить Гитлеру его чистки и беспощадные бои взамен на право жить. Немцы говорили просто, что до прихода Гитлера у них была свобода, но вместе с ней пришла и свобода голодать.

Когда существование Бога было стерто из сознания правящей элиты, а государство было превознесено над законами обычных людей, Гитлеру уже ничто не мешало достичь своей цели. Достоевский был прав: *«Если Бога нет, то все позволено»*.

То, что описал в своем очерке человек по имени Рудольф Гесс, стало реальностью. К власти пришел бог, и миллионы попали на удочку его соблазнов. Он взял крест Христов с Его вестью о любви и прощении и заменил ломаным крестом, который имел силу опять сделать Германию великой. Гитлер не успокоился до тех пор, пока его крест не стал во главе.

Теперь мы переходим к рассмотрению этих событий через призму Писания. Бог не просто наблюдает с небес. Он, в конце концов, — Тот, Кто поднимает лидеров и низлагает их. Мы должны увидеть следы Его рук даже в ходе истории нацизма.

Глава 2

БОГ И ГИТЛЕР - КТО ЖЕ В ОТВЕТЕ?

Счастливым предзнаменованием кажется мне теперь тот факт, что судьба назначила мне местом рождения именно городок Браунау на Инне», — написал Гитлер в первой строке своей многим известной книги *«Майн Кампф»* («Моя борьба»).¹⁴ Человек, который, наверное, был самым известным диктатором всех времен, неоднократно объяснял свою роль в мире как бремя ответственности, данной ему «высшими силами». Его труды пестрят упоминаниями о «Божественном провидении» или о том, что он называл просто судьбой.

Он верил, что место его рождения имело особое значение, так как находилось на границе между Германией и Австрией. Хотя он об этом не говорил, нам также известно, что местность та была очагом всякой бесовщины, и очень возможно, что юный Адольф был представлен воздействию мощных духовных сил еще в раннем возрасте. Подробнее об этом мы поговорим в следующей главе.

Упоминания о провидении или судьбе звучали почти во всех речах Гитлера. После запугивания канцлера Австрии Гитлер без единого выстрела маршем вошел в Вену, а затем заявил радостно восклицавшей толпе: «Я верю, что была воля Божия на то, чтобы отправить одного юношу отсюда в Рейх, взрастить его как вождя народа для того, чтобы он смог ввести свою родину в Рейх. Это — руководство свыше... Я чувствовал призыв провидения. И то, что произошло, можно только постичь как исполнение предначертания и воли этого провидения».¹⁵ Это предопределенное «руководство свыше» управляло им.

Он часто благодарил провидение за свои успехи. Произнося речь в 1937 году в Вюрцбурге, он сравнил человека с превосходящей силой провидения. Человек может быть слабее по сравнению «со всемогуществом и волей провидения, и все же в тот момент, когда он действует так, как если бы провидение руководило им, он становится безмерно сильным.

Тогда потоком нисходит на него сила... И когда я оглядываюсь назад всего лишь на пять прожитых лет, то чувствую, что вправе сказать: это не была работа только человека».16 Нас не должно удивлять, что в книге «Майн Кампф» он написал, что исполняет «волю Господню».

Еще более интересным является мнение Гитлера о том, почему он в первую очередь занялся политикой. Во время Первой мировой войны Гитлер был посыльным и ослеп в результате атаки горчичным газом. Находясь на излечении в госпитале, он и другие раненые слышали 10 ноября 1918 года из уст посетившего их пастора невероятную новость: Германия проиграла войну, в Берлине сформировано новое правительство и провозглашена республика! У Гитлера возникло чувство, что его совершенно предали. Он затем пережил состояние внутреннего преображения — призыв в политику, который он позже описал как «давление судьбы».

Там, в госпитале, в слепом мраке, со жгучей болью в глазах, он получил духовное видение о том, что позже описал как «таинственную связь между человеком и целой Вселенной».17 Судьба «призывала» его сыграть роль в восстановлении Отечества.

Целью этой главы является попытка ответить на вопрос о том, как понимание Гитлером провидения должно быть истолковано в свете того библейского утверждения, что Бог управляет делами людей. Мы должны ответить на так или иначе задаваемый вопрос о том, что делал Бог во дни Третьего Рейха. Решил ли Бог просто отказаться от Своей ответственности как Правителя Своего мира? Или была некая причина, возможно, не совсем понятная нам, однако приведшая к тому, что произошло?

Бог совершал многое в нацистской Германии, однако я думаю, что наиболее важным было очищение Его церкви. Точно так же, как фараон был возвышен Богом, дабы явить силу Всемогущего, Гитлер был поднят для того, чтобы сила Божия вновь могла быть познана. Эти ужасные события осудили не только наглых нацистских вождей, но и отступивших от истины руководителей церкви. Кроме того, эти события очистили веру истинно верующих, которые могли засвидетельствовать о Божией верности даже посреди тяжелых испытаний.

Пастор Вильгельм Буш, евангелист, выживший при нацистском терроре, рассказывает о том, как его арестовали после проведения евангелизационных собраний в Дармштадте. Пастора вывели из толпы и втокнули в полицейскую машину рядом с сотрудником Гестапо. Эсэсовцу за рулем было приказано ехать, однако двигатель не заводился. «Ну, давай!» — кричал офицер, как будто машина могла ответить на его команду. В тот же момент один молодой человек посреди толпы, стоя на ступеньках церкви, начал громко петь:

Возрадуйся — Спаситель правит,
Бог истины и любви.
В нас ни пятна Он не оставил,
Воссев на Престоле в конце пути.
Сердце воодушеви свое и голос возвысь!
Радуйся, и еще говорю: радуйся!

Этот молодой человек затерялся в толпе, и машина завелась. Повернувшись к офицеру Гестапо, пастор Буш сказал: «Мой бедный друг! Я — на стороне Победителя!».

Тот человек вздрогнул, а затем прошептал: «Много лет тому назад я был членом

Христианского союза молодежи».

«Что ж, — ответил пастор, — и теперь вы арестовываете христиан! Несчастный, не хотел бы я оказаться на вашем месте». Уже через несколько минут они подъехали к тюрьме, но евангелисту был явлен триумф Христа.¹⁸ Восстановленная уверенность в Божием владычестве ободряла его в трудный час. Тот в нацистской Германии, кто видел только бессмысленность страданий, оказался затянут волной нацизма; те же, кто видел Бога, имели силу противостоять ей.

Двое сидели в тюремной глуши.
Один видел грязь, другой — звезды в тиши.

Да, Спаситель царствовал даже в нацистской Германии! Библейская доктрина о божественном провидении дала христианам, подобным пастору Бушу, твердость веры в то, что страдания немецкой церкви не были тщетными. Если мы правильно понимаем Божие провидение, то можем убедиться, что для Божия народа страдания никогда не являются бессмысленными. Те, кто мог увидеть владычественную руку Бога даже в нацизме, имели мужество выдержать гонения. Они были уверены, что Бог никогда не подводит Свой народ, даже когда от них потребовалось заплатить за свою веру высочайшую цену.

Как понимать то, что Бог царствовал в Германии, если кажется настолько очевидным, что на самом деле правил Гитлер? И к чему можно отнести те поразительные действия провидения, которыми Гитлеру было позволено терроризировать мир?

Давайте вместе совершим путешествие, которое начнется с ряда событий, подтверждающих веру Гитлера в судьбу и провидение, и закончится осознанием того факта, что Бог правит, совершая «все по изволению воли Своей». Мы попытаемся проанализировать Третий Рейх с точки зрения Библии. В конце мы увидим, почему Богу можно доверять, даже если однажды нам самим предложат пройти через подобную долину страха.

Возможно, вас, так же как и меня, удивят изгибы и повороты провидения или «руководства свыше» в жизни Гитлера. У него были все причины верить в то, что он был предопределен к величию. Высшие силы постановили, что он сыграет особую роль в мире, и казалось, что все карты легли в его пользу.

ЧУДЕСА ПРОВИДЕНИЯ

Не раз Гитлеру надлежало погибнуть. Бывали времена, когда он настолько дискредитировал себя, что заслуживал скорее изгнания, чем поклонения как Фюреру. Проверьте его жизнь — и вы неоднократно удивитесь тому, сколько раз только по благоприятному стечению обстоятельств происходило его примечательное движение к верхам власти.

Его рождение

Гитлер родился в австрийском городе Браунау в 6:30 вечера 20 апреля 1889 года. Какое неподходящее место рождения для крестьянина, который, в конце концов, добьется поклонения миллионов немцев, в других случаях сдержанных и уравновешенных! Даже в том прослеживается зигзаг удачи, что ему суждено было выжить в младенчестве и прожить,

получив короткое, запоминающееся имя.

По всем правилам Адольфу Гитлеру должно было бы именоваться Адольфом Шикльгрубером. Его отец Алоис был внебрачным сыном, принявшим имя своей матери Марии Шикльгрубер. Мария, в конце концов, вышла замуж за странствующего мельника, который временами исчезал на целые годы. Этот человек не усыновил ребенка своей жены, и потому фамилия Алоиса, отца Гитлера, продолжала оставаться такой же, как и девичья фамилия его матери, на протяжении тридцати девяти лет.

Непостижимым образом этот странствующий муж неожиданно объявился в возрасте восьмидесяти четырех лет и решил стать отцом внебрачного сына своей жены (многие считают, что он фактически мог быть отцом Алоиса изначально). Во всяком случае, в своем преклонном возрасте отчим принял тридцатидевятилетнего сына своей жены как своего собственного и дал ему новое имя. Алоис Шикльгрубер стал Алоисом Гитлером. Если бы этот пожилой человек не появился неизвестно откуда, то перемена фамилии не произошла бы.

Уильям Ширер в своем монументальном труде «Подъем и падение Третьего Рейха» говорит, что тяжело представить немцев, использующих курьезное приветствие «Хайль Шикльгрубер!».¹⁹ Восклицание «Хайль Гитлер!» не только хорошо запоминалось, но было воинственным и прекрасно подходило для помпезности многолюдных нацистских сборищ. Даже сам Гитлер смотрел на перемену фамилии своего отца как на еще одно подтверждение «предрасположенности providения».

Что касается его отца Алоиса, то он вначале работал сапожником, а затем — таможенником, и за это время сменил много женщин. Его третьей женой была Клара Пёльцль, ставшая матерью Адольфа Гитлера. Поскольку Алоис был троюродным братом Клары, для того чтобы пожениться, им было необходимо получить специальное разрешение.

Таким образом, Гитлер стал третьим ребенком третьего брака своего отца. Первые два ребенка Клары умерли в младенчестве; Адольф, конечно же, был сохранен судьбой или providением; а четвертый ребенок умер в возрасте шести лет. Только пятый ребенок, Паула, пережила своего печально известного брата.

Подумайте о том, насколько бы другой была мировая история, если бы Адольф умер в детстве, как его двое братьев и сестра. Если бы вместо него выжил кто-либо из остальных детей, то, говоря по-человечески, Германия избежала бы поражающих высот величия и будущего опустошения, столь дорого обошедшихся большей части Европы и миру. В этом случае, как мы понимаем, Холокоста никогда бы не было.

Может ли кто-либо отрицать то, что это Бог, по крайней мере косвенно, определил Гитлеру имя, которое звучало приятно для немецкого народа, и сделал так, что он выжил в детстве?

Гитлер был уверен, что его направляет рука свыше.

Первая мировая война

Когда началась Первая мировая война, Гитлер с радостью воспользовался возможностью положить конец жизни впроголодь (к тому времени он уже переехал из Вены в Мюнхен) и присоединился к немецкой армии. Как австриец, он должен был обратиться за особым разрешением поступить добровольцем на военную службу. В его первом сражении против Британии у Ипра в живых осталось только 600 из 3500 человек его полка. Он провел большую часть войны на фронте и пережил несколько самых жестоких схваток. Несмотря на

то что снаряды разрывали и убивали других, его жизнь всегда оставалась неприкосновенной.

Как посыльный, он добровольно шел на сложные задания, веря в то, что обладает сверхъестественной способностью избегать несчастий. Как-то обедая в бункере, он неожиданно встал из-за стола и пошел завершить обед в другое место. Мгновения спустя туда, где он перед этим сидел, попала бомба, убив наповал его товарищей.

Он добровольно шел на рискованные задания, но не столько по причине своей храбрости, сколько из-за веры в то, что Судьба определила ему быть непобедимым. Бегая под градом пуль, он «испытывал провидение», убеждаясь, что не может умереть до тех пор, пока не исполнит свою миссию. Его дважды награждали за храбрость. За четыре года сражений только раз он был ранен в ногу и ослеп на некоторое время, о чем уже упоминалось ранее.

Неудивительно, что в своих личных письмах он утверждал, что своей жизни обязан чуду, или точнее — целому ряду чудес. Он верил, что призван исполнить роль, избранную для него высшими силами.

Путч

Социалистическая революция в России произошла в 1917 году; немногим позже Германия капитулировала, завершив Первую мировую войну. Коммунистическая партия в Германии возрастала в силе, готовясь к тому, чтобы взять власть в свои руки. Солдаты, возвратившиеся с войны, были злы и не могли найти работу. Гитлер в дальнейшем описывал их как людей, поддерживающих революцию как таковую и «жаждущих видеть революцию, установившуюся как неизменное состояние». Мы уже увидели, что к демократическому правительству, сформированному в Веймаре, относились с презрением.

Когда Гитлер вернулся в свой приемный город Мюнхен, он был принят на работу в издательство и службу новостей политического отдела армейского командования округа. Его пригласили на собрание маленькой социалистической партии, однако оно не произвело на него впечатления. Он решил туда не возвращаться, однако, когда был приглашен в следующий раз, пересмотрел свое решение.

С некоторыми опасениями он был внесен в партийный список как седьмой член комитета Партии немецких рабочих. Позже по его предложению они добавили к своему названию слова «национал-социалистическая», и таким образом была рождена Национал-социалистическая партия немецких рабочих, которая позже стала называться просто «нацистской». Гитлер маневрировал, чтобы занять лидерскую позицию и использовать ее для построения своего политического плацдарма.

В 1923 году, когда в Германии бушевал политический хаос и галопировала инфляция, Гитлер решил, что подоспело время для путча (революции), который позволил бы ему захватить власть в Германии. 8 ноября того же года он взял под контроль трехтысячную толпу, собравшуюся в пивной «Бюргербраукеллер» в Мюнхене, выстрелив в воздух из своего пистолета, взобравшись на сцену и заявив о том, что его революция началась! Все должны были присоединиться к нему, иначе им бы пришлось иметь дело с шестьюстами его молодчиками, окружившими здание. Он ходил по сцене, крича о том, что правительство Баварии свергнуто и что армия и полиция теперь маршируют под знаменем со свастикой. Он, конечно же, блефовал, однако люди этого не знали.

Гитлер захватил трех политиков, которые проводили собрание в соседней комнате, и под дулом пистолета приказал им присоединиться к его партии. Когда они отказались, он выбежал обратно в зал и объявил, что только что было сформировано новое правительство с

уважаемым Людендорфом (проигравшим, но популярным армейским генералом Первой мировой войны) во главе армии. Пивная наполнилась громкими приветственными восклицаниями, в то время как три лидера все еще были заперты в маленькой комнате рядом со сценой.

Был вызван помощник, чтобы привести на собрание генерала Людендорфа. Когда генерал прибыл и услышал, какой сюрприз преподнес Гитлер, он рассердился. Он осерчал еще больше, когда услышал, что во главе нового правительства будет Гитлер, а не Людендорф. Тем не менее, принуждаемый политическими событиями того времени и под давлением сложившихся обстоятельств, генерал убедил трех лидеров присоединиться к революции. Мгновение спустя они вышли на сцену и объявили охваченной благоговейным трепетом толпе, что они торжественно обещают поддерживать новый режим!

Из-за плохой организации «новое правительство» было разоблачено в ту же ночь. Трое лидеров, пообещавших под дулом пистолета быть верными, обратились против Гитлера. Чтобы не ударить в грязь лицом, Гитлер на следующий день согласился с планом, предложенным генералом Людендорфом, по которому коричневорубашечники должны были промаршировать к центру Мюнхена и захватить в нем власть. Эти два человека вместе повели колонну из трех тысяч штурмовиков к центру города. Во главе колонны развевался флаг с изображением свастики, за которым следовали вооруженные люди. Их сопровождали толпы народа.

Когда они маршировали по узкой улице Резиденцштрассе, выходящей на просторную площадь Одеонсплац, их встретил отряд полиции. Никто не знает, кто первый открыл огонь, однако с обеих сторон раздавалось множество выстрелов, и в течение шестидесяти секунд были поражены шестнадцать нацистов и трое полицейских. Гитлер шел, сжимая правой рукой левую руку одного из своих товарищей. Его товарищ упал, сраженный пулей, и повалил Гитлера на мостовую. Свидетели говорили, что Гитлер был первым, кто вскочил и подался вспять, покинув на улице своих мертвых или умирающих товарищей.

Гитлера быстро увезли на машине в загородный дом его друга для отдыха, объясняя это тем, что у него была вывихнута рука. Он был полностью дискредитирован и знал об этом. Во всем мире газеты провозгласили, что его карьере пришел конец. Неудивительно, что он помышлял о самоубийстве, часами просиживая с пистолетом, направленным себе в голову. От этого шага его отговорили жена и дочь друга, которые ухаживали за ним до полной поправки. И опять-таки, мы можем только догадываться, какой была бы история Германии, если бы ему хватило мужества нажать на курок.

Даже друзья Гитлера были смущены тупостью его попытки свергнуть правительство Баварии. Если бы она и увенчалась успехом, он никогда бы не смог овладеть остальной Германией. Однако Гитлер, как мы уже знаем, похоже, всегда бросал вызов обстоятельствам.

Два дня спустя Гитлера арестовали и обвинили в измене. Судьбе было угодно, чтобы судебный процесс в течение двадцати четырех дней сделал его знаменитым, поместив в заголовки газет по всему миру. Ему представили неограниченную возможность выступить с речами, и он использовал цветастое краснобайство для того, чтобы разнести свое послание по всей Германии и, если на то пошло, по всему миру. Его обвинили в измене и посадили на десять месяцев в Ландсбергскую тюрьму, где вместе с Рудольфом Гессом он написал библию нацистов — книгу «Майн Кампф».

Как он смотрел на эти события годы спустя? Гитлер видел в них руку providения. Он верил, что если бы его путч в Мюнхене был успешным, то ему бы наступил конец, так как в то время у него не было силы осуществить революцию по всей Германии. Его неудача была ему

во благо.

Вот как сам Гитлер истолковал свою первую неудачу:

Мы знали, что исполняем волю провидения, и были направляемы силой свыше... Судьба была к нам благосклонна. Она не позволила быть успешной акции, которая в случае успеха в конце концов неминуемо потерпела бы крах в результате внутренней незрелости движения в те дни и отсутствия организационного и интеллектуального основания.²⁰

Однажды судьба привела его к неудаче, чтобы он смог достичь успеха в другое время. Позже он получил пост канцлера именно тогда, когда партия нацистов находила все меньше поддержки. Таким образом, ему была дана возможность манипулировать, убеждать и угрожать Рейхстагу с тем, чтобы получить диктаторские полномочия — изгибы и повороты судьбы, без сомнения, просто поразительны. Неудивительно, что он принимал поклонение немецкого народа. Он верил, что в его карьере нет такой преграды, с которой судьба бы не справилась.

Покушения

К 1944 году судьба защитила Гитлера по крайней мере от шести покушений. Одно из них потерпело неудачу, когда не сработала бомба с часовым механизмом, установленная в его самолете. Когда впоследствии был проверен ее механизм, то не было обнаружено никакой причины, почему она не взорвалась.

Горько разочарованные заговорщики решили, что в следующий раз они достигнут успеха. Полковник Герсдорф согласился выполнить миссию самоубийцы. Он должен был спрятать в своей шинели две бомбы, поджечь фитили и стать во время церемонии в Берлине так близко к Гитлеру, насколько это было возможно. Он должен был взорвать себя вместе с Фюрером и его свитой.

По плану, после того как Гитлер скажет свою речь, Герсдорф должен был поджечь фитили и оставаться рядом с Гитлером в течение пятнадцати минут, необходимых для взрыва бомб. Однако судьба распорядилась иначе. Было объявлено, что Гитлер после речи останется только на пять минут вместо запланированного получаса. Очевидно, что фитили не были зажжены. Перемена планов спасла ему жизнь.

Наиболее известную попытку покушения совершил уважаемый в армии офицер по фамилии Штауффенберг. Вначале он с неохотой поддерживал Гитлера, но вскоре присоединился к растущему числу заговорщиков, которые надеялись убить одержимого фюрера.

Когда я посетил здание, в котором раньше размещалось главное военное управление в Берлине, а сейчас — музей движения Сопротивления, то был удивлен тому, насколько подробно были разработаны планы относительно установления нового правительства. Они уже решили, кто будет отвечать за различные министерства, кабинет министров и переговоры с Западом. Эти планы говорили об установлении полного контроля над Берлином в течение двух часов после смерти диктатора. Все, что оставалось сделать, — это убить Гитлера.

К радости заговорщиков, Штауффенберг был повышен в звании до полковника. Это означало, что он теперь имеет прямой доступ к Гитлеру. После нескольких неудачных попыток покушения по причине отмены собраний или непредвиденных обстоятельств, ему, наконец, представилась благоприятная возможность.

Полковник Штауффенберг прилетел на встречу с Гитлером и его генералами в Растенбург. Ему было разрешено пройти через надежную охрану, и вскоре после полудня он попросил

извинения и вышел в туалет, где приготовил бомбу. Он разбил капсулу с кислотой, которая должна была разъесть провод, удерживающий тяжелый ударник, что привело бы к взрыву бомбы.

Когда он вошел в комнату заседаний, Гитлер сидел в центре длинной стороны стола спиной к дверям, окруженный штабными офицерами, внимательно изучая карты. Фюрер сделал паузу, чтобы поприветствовать Штауффенберга, и сказал ему, что скоро хочет услышать его отчет. Штауффенберг занял свое место за столом в нескольких шагах справа от Гитлера. Он поставил свой портфель на пол, пододвинув его под столом, в результате чего тот оказался примерно в шести шагах от ног Гитлера. До взрыва оставалось пять минут.

Штауффенберг извинился и сказал, что ему необходимо срочно позвонить. Полковник Брандт, увлеченный тем, о чем шла речь, наклонился над столом, чтобы рассмотреть карту. Так как ему мешал портфель Штауффенберга, он дотянулся до него одной рукой и переставил в дальний конец стола. Этот поступок спас жизнь Гитлеру и стоил жизни Брандту.

Бомба сработала 20 июля 1944 года ровно в 12:42. Штауффенберг, наблюдавший за происходящим с расстояния нескольких сотен метров, видел тела, вылетающие из окон, и разбрасываемые повсюду обломки. Он ни сколько не сомневался, что каждый, кто был в комнате, либо мертв, либо умирает.

В музее Сопrotивления в Берлине можно увидеть телеграмму, сообщавшую о том, что покушение было успешным. Штауффенберг смог пройти через контрольные пункты и улететь обратно в Берлин, уверенный в своем успехе. После приземления он обнаружил, что заговорщики ничего не сделали для того, чтобы утвердить свою власть. К своему ужасу он узнал, что Гитлер не был убит. Полковник Брандт, переставив портфель в дальний угол комнаты за прочный дубовый стол, спас Гитлеру жизнь.

Погибли четыре человека, однако Гитлер отделался только потрясением — он получил несколько ожогов, ушиб правой руки и надрыв барабанных перепонок. Но вскоре он пришел в себя и даже провел встречу с Муссолини в четыре часа вечера того же дня.

Кому Гитлер приписал эту сверхъестественную защиту своей жизни? Не удаче, но Судьбе. Муссолини он сказал: «Очевидно, что со мной ничего не может случиться. Без сомнения, это моя Судьба продолжает действовать на моей стороне и ведет мою миссию к завершению... Теперь, избежав смерти,.. я более чем когда-либо, уверен, что великое дело, которому я служу, будет проведено через существующую в настоящий момент опасность и что все закончится хорошо».²¹

Через несколько часов после взрыва было установлено, что исполнителем этого акта был Штауффенберг. Он был казнен позже в тот же вечер, а в течение нескольких недель были жестоко убиты тысячи других, заподозренных в участии в этом заговоре. В час ночи Гитлер выступил с обращением к народу, в котором уверял в том, что с ним все в порядке и что он накажет ответственных за это презренное деяние. Он был избавлен потому, что у него есть дело, которое он должен исполнить. Гитлер сказал: «Я расцениваю это как подтверждение задачи, возложенной на меня провидением».²² После он говорил своему камердинеру, что это было еще одним подтверждением тому, что он избран провидением привести Германию к победе.

В январе 1945 года Гитлер обращался к своим солдатам со словами: «Я несу этот свой жребий провидения, которое посчитало меня вполне достойным для того, чтобы выполнить...

завершающее дело в истории немецкого народа».23 В последние дни своей жизни он горько жаловался, что «Судьба лишила его победы», которой он желал. 30 апреля 1945 года он совершил самоубийство в своем бункере в Берлине. Судьба, которой Фюрер приписывал свое величие, была той же судьбой, что привела его к смерти. Та же невидимая рука, которая подняла его, затем и опустила.

Как нам расценивать неколебимую уверенность Гитлера в том, что он был ведом волею Судьбы? Кто стоял за всем происходящим? Каково Божие участие в делах человеческих? Какова в этом роль сатаны? И что можно сказать о самом Гитлере — какой была собственно его роль?

ТОЛКОВАНИЕ ПРОВИДЕНИЯ

Библия содержит упоминания о том, что богословы называют Божиим провидением — факте, который заключается в том, что Всемогущий не оставил мир развиваться самому по себе, а активно участвует в делах человеческих. Беркхоф преподавал это в виде библейского учения. Провидение — это «то непрекращающееся приложение божественной энергии, посредством которого Творец сохраняет все Свое творение. Оно действительно во всем, чему надлежит произойти в мире, и направляет все сущее к уготованному для него финалу».24

Существует пять столпов, на которых мы можем строить доктрину о божественном провидении. Советую вам прочитать эту главу до конца перед тем, как делать выводы. Нам придется совершить плавание по достаточно глубоким теологическим «водам», и я хочу быть уверенным, что мы достигнем пункта нашего назначения вместе!

1. Бог правит в делах человеческих

Когда мистер Клинтон был избран президентом в 1992 году, я услышал, как один христианский проповедник сказал: «Бог не имеет никакого отношения к выборам этого президента — это народ сделал выбор!».

Я нашел это утверждение маловероятным по нескольким причинам. Во-первых, неизвестно, что сказал бы этот учитель, если бы президентом стал человек, глубоко верующий во Христа, сознательно принявший решение руководить страной в соответствии с библейскими принципами. Не сказал ли бы он, что этот президент был поднят Богом для данного часа в истории Америки? Поставим вопрос по-другому. Разве Бог действует только тогда, когда во главе становятся праведные вожди, и непричастен к событиям, когда вождь определенно не имеет христианских качеств либо вообще является воплощением зла?

Во-вторых, мне интересно, как этот учитель объяснит десятки текстов Писаний, которые по сути говорят, что именно Бог поставляет правителей и свергает их? Мы не можем отрицать (и не должны того желать) тот факт, что Бог активно наблюдает за политической структурой мира и направляет ее. Даниил говорит, что Бог изменяет времена и эпохи и «низлагает царей и поставляет царей» (Даниила 2:21). Для того чтобы мы не истолковали его мысль неверно, он повторяет ее более ясно: «Дабы знали живущие, что Всевышний властвует над царством человеческим и дает его, кому хочет, и поставляет над ним униженного между людьми» (Даниила 4:14).

«Господь сил» — это выражение, которое встречается в Ветхом Завете сотни раз в подтверждение того, что за видимыми правителями мира стоит невидимый Бог Вселенной.

Неудивительно, что Бог может говорить о языческом царе Сирии как о Своем помазаннике (Исайи 45:1) и может сказать пророку Аввакуму: «Ибо вот, Я подниму Халдеев, народ жестокий и необузданный, который ходит по широтам земли, чтобы завладеть не принадлежащими ему селениями» (Аввакума 1:6). Новый Завет усиливает такой вывод. Помните, как возмутился Пилат, когда Христос отказался отвечать ему? Он сказал Христу с вызовом: «Не знаешь ли, что я имею власть распять Тебя и власть имею отпустить Тебя?». Христос спокойно ответил с богословской перспективы: «Ты не имел бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше; посему более греха на том, кто предал Меня тебе» (Иоанна 19:10-11).

Когда Павел писал церкви в Риме во дни императора Нерона, он ясно заявил: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены» (Римлянам 13:1). Бог не отказался от Своей роли в земных делах языческого Рима или языческой Германии.

Определенно, что Гитлер не мог бы править, если бы этого «не было дано ему Богом». Он вообще не имел бы никакой власти, если бы не оказался наделен ею свыше. Бог управляет всем!

2. Бог делегирует Свою власть ангелам, сатане и людям

Как нам объяснить постоянные упоминания Гитлера о судьбе или провидении? Более чем очевидно, что голоса, которые он слышал, и силы, у которых он черпал свою силу, были не от Бога, а от сатаны. Как мы узнаем в следующей главе, Гитлер был воистину одержимым, а тело его было только оболочкой для живущего в нем духа. Его предсказание о том, что Третий Рейх продлится тысячу лет, было типичным примером того, как обычно обманывает сатана — он не может предсказать будущее с точностью, потому что не может управлять им. Возможно, ни один человек в истории не был настолько одержим темными и жестокими сатанинскими духами.

В каком же смысле в этом случае мы можем сказать, что именно Бог поднял Гитлера и сверг его? ***Образно говоря, Гитлер был в руках сатаны, однако сатана, несмотря на всю свою злобу, всегда находится в руках Божиих. Лютер напоминал нам, что даже дьявол является Божиим.***

Всемогущий сотворил мир — Он сотворил и Люцифера, который согрешил и стал сатаной. Он — Единственный, Кто наблюдает за всем и направляет опосредованно все происходящее. Ничего не происходит, если только Бог не позволит произойти чему-то и не создаст такие условия, чтобы эти события стали возможны. Таким образом, Бог правил людьми даже тогда, когда хозяйничал Гитлер, сам находившийся под властью сатаны.

Бог установил пределы, в которых должен был оставаться сатана. Бог сказал: «Настолько и не больше». Сатана и люди имеют столько свободы действий, сколько им предписано Всемогущим. С человеческой точки зрения Гитлер сам правил нацистской Германией. Однако он не смог бы править без Божия согласия и присмотра. Как напоминает нам Павел, Бог «совершает все по изволению воли Своей» (Ефессянам 1:11). Некоторые предпочитают называть это Его «допускающей волей», однако это, тем не менее, Его воля. Он направляет все к назначенному концу.

Независимо от вашей богословской позиции, вы должны согласиться с тем, что Холокоста не было бы, если бы Бог не решил допустить его. Образно говоря, Он «подписал директиву», Он дал зеленый свет. Поскольку Он решил допустить это, то мог также принять и не

допускать. Вот почему Библия может сказать, что не существует власти не от Бога и что Бог правит во всех делах человеческих. Он не *делает* зла, однако Он решает допустить зло.

Это — достаточно сложный момент. Даже если зло противно Божией природе и Его явленному Слову, Бог, тем не менее, допускает его. Очевидно, что Всемогущий поступает так для достижения Своей конечной цели. Бог готов не принять во внимание некоторые из собственных желаний, чтобы осуществить более великие намерения. Бог допускает и санкционирует все, когда-либо происходящее. Он даже допускает то, что ненавидит.

Если вас это не убеждает, то вспомните, что однажды поднимется еще один человек, который возродит планы Гитлера. Ему будет поклоняться не просто одна страна, но весь мир. Он произведет экономические и духовные чудеса. Он будет преследовать Израиль, отчаянно пытаясь уничтожить еврейское государство. Он, подобно Гитлеру, будет верить, что его подняла Судьба. Его головокружительный взлет будет приписываем тому факту, что он был «призван высшими силами».

В 13-й главе книги «Откровение» антихрист назван «зверем». Там написано: «И дал ему дракон силу свою и престол свой и великую власть... И поклонились дракону, который дал власть зверю» (Откровение 13:2-4). Четыре раза в нескольких стихах написано, что «ему была дана» власть.

Несмотря на то что многие из нас верят, что будут вознесены, чтобы быть со Христом, еще до начала правления антихриста степень его власти заставит нас содрогнуться в изумлении.

«И дано было ему вести войну со святыми и победить их; и дана была ему власть над всяким коленом и народом, и языком и племенем. И поклонятся ему все живущие на земле, которых имена не написаны в книге жизни у Агнца, закланного от создания мира» (Откровение 13:7-8).

Власть антихриста дана ему сатаной, однако сатане власть дана Богом.

Причина, по которой Бог может предсказывать, что власть антихриста будет длиться только сорок два месяца, заключается в том, что влияние этого нечестивца зависит от Божией воли. То, что ему «было дано», будет точно так же у него отнято. Он не сможет править, если только «не будет дано ему с неба» (Иоанна 3:27).

Бог ненавидит идолопоклонство антихристу точно так же, как Он ненавидел идолопоклонство немецкого народа. Однако Бог, тем не менее, допускает его. Очевидно, что Он направляет события в мире к назначенному концу. Он использует войны и гонения для суда над неверующими и для дисциплинирования церкви. В конце концов, Его намерения будут осуществлены и Его имя будет прославлено.

Христиане в нацистской Германии, которые верили, что зло торжествует потому, что Бог слишком слаб, чтобы идти против течения, не могли обрести надежду в своих страданиях. Однако те верующие, которые знали, что Бог все еще правит, даже когда у власти находился Гитлер, могли быть уверены в том, что им воздано будет за все принесенные ими жертвы. Их поддерживало следующее библейское убеждение:

Посему мы не унываем; но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется. Ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу, когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое: ибо видимое временно, а невидимое вечно. (2 Коринфянам 4:16-18).

Как Павел сказал в другом месте: «Ибо думаю, что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас» (Римлянам 8:18).

Всякая власть от Бога. Это дает нам уверенность даже в тех случаях, когда ко власти приходят нечестивые правители. Гонения всегда отделяли овов от козлов — они либо подталкивают людей в руки Божии, либо оставляют их на воздаяние по заслугам. Бог совершал в нацистской Германии больше, чем мы можем осознать.

3. Бог возлагает на ангелов, сатану и людей ответственность за то зло, которое Он допустил им совершать

Здесь мы, похоже, зашли в тупик. Если всем правит Бог, то является ли Он соучастником в злых делах людей? Эта дилемма, очевидно, стала причиной того, что Эйнштейн отверг веру в Бога как Личность. Он заявлял, что если Бог действительно всемогущий, то все человеческие мысли и поступки также являются Его работой. Таким образом, делая вывод о том, кто прав и кто виноват, Эйнштейн сказал: «Он до определенной степени должен был бы подвергнуть суду Самого Себя. Как это может быть объединено с приписываемыми Ему благостью и праведностью?».25

Эйнштейн выразил то, с чем борется большинство из нас. Как Бог мог возложить ответственность на человеческие существа, если они просто исполняют Его волю? Полное обсуждение данного вопроса определенно выходит за рамки этой главы, однако в общем мы можем сказать, что созданные Богом существа с личностными качествами имеют достаточно независимости, чтобы нести ответственность за свои поступки.

Обратите пристальное внимание на то, что заголовок этой главы звучит не как «Бог *или* Гитлер — кто же в ответе?», а «Бог и Гитлер — кто же в ответе?». Бог исполнял Свою часть — Он *делегировал власть*. Гитлер и сатана исполняли свою часть — они *разрушали*.

Бог в ответе потому, что Он — Творец и устанавливает пределы. Гитлер ответственен за то, что он избрал в рамках этих божественных пределов. Бог не совершал зла, когда делегировал власть Гитлеру, однако Гитлер совершал зло, неверно используя эту власть. Более того, Бог не подвергает суду Самого Себя, так как вне Его не существует стандарта, которому Он должен был бы соответствовать.

Таким образом, если мы рассмотрим общую картину, то Гитлер (хотя он и был направляем сатаной) правил в соответствии с разрешением и свободным избранием Бога Всемогущего. Бог дал сатане свободу обмануть Гитлера, а Гитлер сам принимал решения, приведшие его к подобному заблуждению.

4. История завершится в соответствии с Божиим планом

У нас не может быть сомнения в том, что история завершится так, как предсказано Богом. Обращаясь к верующим, Павел написал, что мы были «предназначены по определению Совершающего все по изволению воли Своей» (Ефессянам 1:11). Очевидно, что бунт против Бога бесполезен. Независимо от того, кто выглядит победителем сегодня, в итоге побеждает Бог.

Просматривая отрывки кинохроники о Германии времен Гитлера, я не мог отделаться от мысли о том, насколько все это могло бы выглядеть по-другому, если бы христиане помнили, что вечность важнее времени! Это — урок, который мы должны запомнить еще до того, как в нашу жизнь придут гонения.

5. Мы можем положиться на мудрость Божиих путей

Эта доктрина о провидении со всей ее таинственностью является не чем иным, как «подушкой», на которой мы можем успокоить свои усталые души.

Гитлер использовал термины «судьба» и «провидение» попеременно, однако, в свете его карьеры, он был бы более точен, если бы использовал только исключительно термин «судьба». Дело в том, что он вверил себя сатане, который смог дать великие обещания, однако, в конце концов, не смог их осуществить. И Гитлер, его пешка, передал эти лживые обещания немецкому народу.

Слово «судьба» лучше всего подходит для описания силы, которая ограничена; силы, которая не гарантирует исхода; силы, планы и стремления которой могут быть расстроены. Судьба, о которой говорил Гитлер, не могла знать конечных результатов Второй мировой войны. Эта Судьба сделала Гитлера жертвой сил, которыми он не мог управлять. Эта Судьба могла контролировать только те события, к которым ей было позволено иметь доступ высшим провидением.

Говоря точнее, только христиане могут полагаться на доктрину о провидении, которая заключается в том факте, что весь мир управляется Богом, Который способен все довести до назначенного конца. Это то провидение, которое видит, как воробей падает на землю и знает количество волос на наших головах.

Христиане не верят в судьбу с ее тупиковыми путями и разбитыми надеждами. Те, кто пришли к познанию Христа, уверены в том, что они находятся в руках Божиих, а Он знает конец от начала и все обращает во благо.

Мы живем не по *Судьбе*, а по *вере*. Судьба ведет к осуждению, вера ведет к предопределенному уделу. «Дабы испытанная вера ваша оказалась драгоценнее гибнущего, хотя и огнем испытываемого золота, к похвале и чести и славе в явление Иисуса Христа» (1 Петра 1:7).

ВАШ ОТВЕТ НА БОЖЕСТВЕННОЕ ПРОВИДЕНИЕ

Существует три возможных ответа на божественное провидение.

Во-первых, это *атеизм*. Мы встречаем тех, кто говорит нам о том, что Бога, который может видеть жестокость этого мира (например, Холокост) и вмешиваться в ход событий, не существует. Мы должны быть внимательны к подобной реакции, так как действительно тяжело понять, как благой Бог может допускать (и таким образом предопределять) такое зло. Однако атеизм не приносит удовлетворения. Он утверждает не только то, что в нашем мире есть ужасающая несправедливость, но и то, что справедливость никогда не восторжествует.

У меня есть один друг еврей, который не верит в Бога как Личность именно по причине Холокоста. Но он выглядел смущенным, когда я однажды напомнил ему о том, что, согласно его точке зрения, Гитлер и его приспешники никогда не будут судимы за то, что они сделали. В атеистическом мире не только существует несправедливость этого мира, но и вообще не может быть справедливости. Атеизм учит о том, что наша молитва о справедливости никогда не будет удовлетворена.

Вторая реакция — это *гнев*, мстительный гнев на Бога. Некоторые люди из-за ужасов этого мира испытывают настолько сильную горечь по отношению к Богу, что не допускают Его в свою жизнь. Один такой обозленный человек сказал мне: «Если Бог есть, то он, должно быть, дьявол!».

Опять-таки, давайте будем достаточно искренни для того, чтобы признать, что мы все боремся с подобными мыслями. Мы спрашиваем, почему Гитлер не умер в детстве вместе со своими братьями и сестрой? Почему он вышел из столовой и не погиб от бомбы? Почему покушения на него были неудачными? Почему Бог «подписал директиву», которой Он фактически сказал: «Тебе разрешено творить зло, которое ты задумал»?

Подобный гнев объясним, однако он разрушителен. Гнев по отношению к Богу бесполезен и истощает силы. Тот, кто изливает свой гнев на Бога, никогда не победит. Нам может не нравиться то, что Он делает, однако, поскольку Он не спрашивает нас о том, как управлять Своей вселенной, мы только раним самих себя. Вы не можете потопить линкор при помощи игрушечного ружья.

Хуже всего то, что люди, гневающиеся на Бога, не могут быть утешены такими Его качествами, как любовь, милость и прощение. Лучше просто признать, что мы не можем охватить тайну Божьих путей, чем отвращаться от Того единственного, Кто может помочь нам. Поскольку Он знает больше нас и поскольку Он видит вечность, а мы — нет, лучше поверить в то, что мы бы согласились с Ним, если бы все знали наперед.

Третий вариант реакции на присутствие Бога, Который правит нашим жестоким миром, это *благоговение*. Тот факт, что Бог столь страшен, что позволяет свершаться в Своей вселенной всякой жестокости, должен служить для нас поводом приготовиться ко встрече с Ним один на один после смерти. Неудивительно, что «страшно впасть в руки Бога живого».

Либеральные богословы выдвигают безрассудные теории, которые учат о том, что Бог Ветхого Завета был жестоким, в то время как Бог Нового Завета любящий и добрый и никогда не пошлет кого-либо в ад. Мы можем ответить им, сказав: «Просто взгляните на Холокост!». Вам не нужно верить в Библию для того, чтобы увидеть, что существует сторона Бога, отличная от безграничной любви.

Из-за ужасов, которые Он допускает на этой планете, из-за того, что Его пути лежат за пределами нашего понимания, из-за того, что Он свят, нам следует принять дар нашей планете — Его Сына. Только Христос может укрыть нас от гнева Божия, который падет на всех грешников после смерти. «Верующий в Сына имеет жизнь вечную, а не верующий в Сына не увидит жизни, но гнев Божий пребывает на нем» (Иоанна 3:36).

Мятежникам не дает покоя тот факт, что ничего в мире не происходит без божественного изволения. Но для тех, кто может назвать Бога своим Отцом, великое утешение знать, что все происходящее на нашем пути происходит именно так по причине Божия предопределяющего руководства. Не только великие события истории, но даже самые мелкие происшествия являются предметом Божия направления. И Он знает, как обратить зло во благо.

Христианам, противостоявшим нацистскому режиму, давали утешение слова Жана Кальвина: «Позвольте напомнить им, что дьявол и вся когорта нечестивцев полностью удерживается Божией рукой как уздой, так что они неспособны ни замыслить каких-либо козней против нас, ни, даже замыслив их, подготовиться, ни, даже если они полностью спланировали их, пошевелить пальцем для их выполнения, если только Он не позволит им, и действительно не будет управлять ими». Зверства нацизма дали неверующим больше причин для неверия; у верующих же, крепко держащихся за Божии обетования, укрепилась вера.

Будь то Третий Рейх или последний Рейх — вселенной правит Бог. Да будут благословенны те, кто отдает всего себя прямо в Его руки, а не в руки тех подверженных ошибкам созданий, которым Он делегировал власть.

История о нацистской Германии — это реальная история конфликта между двумя

спасителями и двумя крестами. В конце концов, церковь была вынуждена сделать выбор, так как в результате только один крест мог восторжествовать.

Глава 3

РЕЛИГИЯ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА — ТОГДА И СЕЙЧАС

Предсказание было удивительным и в то же время точным. В 1834 году, за сто лет до появления Гитлера, поэт по имени Генрих Гейне сделал оценку тогдашних настроений в Германии и пришел к заключению, что немецкую «страсть к войне» сдерживал только крест Христов. Это предсказание было еще более поразительным по той причине, что Гейне был евреем, который, тем не менее, верил, что только христианство может укротить то, что он называл «отвратительной немецкой радостью от сражения».

Гейне, который, возможно, и не понимал, почему Крест является сверхъестественной силой, называл его «талисманом» — объектом, обладающим магической силой, держащей агрессию в немецком народе под контролем. И как только Крест будет сокрушен, жестокие силы вырвутся на свободу и мир будет исполнен «ужаса и изумления».

Прочитайте до конца его оценку, которая оказалась намного точнее, чем он мог предполагать:

Как только подчиняющийся талисман, Крест, будет сокрушен, то наружу с ревом вырвется дикое безумие древних победителей — безумная ярость берсеркеров (свирепых скандинавских воинов), которых воспевали северные поэты. Этот талисман хрупкий, и наступит день, когда он, к сожалению, будет сокрушен. Старые каменные боги восстанут из давно забытых руин. Они отрут с глаз своих пыль тысячелетий, и Тор, стремительно ворвавшийся в жизнь, сокрушит своим гигантским молотом готические соборы.²⁶

Это предсказание, несомненно, исполнилось с приходом Гитлера. Крест Христов был сокрушен. Ему придали форму ломаного креста «гакенкройц», ставшего символом нацизма. Когда этот языческий крест заменил крест распятого Искупителя, языческие боги вышли из укрытия, и мир всколыхнулся. Тор, древний скандинавский бог грома и войны, взял свой молот, и немецкие соборы были сокрушены как в буквальном, так и в символическом смысле. Если церковь в Америке примет какой-нибудь фальшивый крест, то нас ждет участь ничем не лучше.

Гитлера приводил в восторг Гвидо фон Лист, который, будучи еще мальчиком, поклялся перед алтарем собора Святого Стефана в Вене, что когда вырастет, то воздвигнет храм древнему немецкому богу Вотану. Лист использовал для своей оккультной религии свастику, веря в то, что она является связующим звеном с древним родом германских священников. Она также была символом, который использовался в древности в индуизме и буддизме. Он основал тайное кровное братство под названием «Арманен», которое в ритуалах, включающих в себя сексуальные извращения и элементы средневековой магии, заменило Крест свастикой.

Члены этого братства использовали приветствие «Хайль!», которое впоследствии стало отличительным признаком нацистского приветствия. Лист был ярким антисемитом, поносившим евреев и поклонявшимся величию чистой крови арийской (немецкой) расы. Перед своей смертью в 1919 году он предсказал, что в Германии будет расово чистое общество, которое уничтожит демократию и евреев.²⁷

В годы своей юности, проведенной в Вене, Гитлер встречался с Листом и знал о его тайном обществе, которое обещало «открыть тайны вселенной». Когда нацисты Гитлера сформировались организационно, он выбрал в качестве их символа свастику, перебрав

несколько ее вариантов и остановившись в конце концов на том, который ему понравился. Три цвета (красный, белый и черный), по его словам, «составляют самую выдающуюся гармонию в бытии».

«Это действительно символ! — восклицает он в книге «Майн Кампф». — В *красном* мы видим общественную идею движения; в *белом* — националистическую идею, а в *свастике* — миссию борьбы за победу арийца».28 Хотя крест Христов позже и был расположен внутри свастики, украшавшей церкви в Германии, Гитлера это не удовлетворило. *Им был утвержден план полной замены креста Христова свастикой*. Новый «мессия» требовал нового креста.

Значение этого нового креста нельзя понять отдельно от «мессианского призвания» Гитлера. Новый крест символизировал новую религию.

НОВЫЙ "МЕССИЯ"

«Следуйте за Гитлером! Танцевать будет он, но музыку заказываю я! Я посвятил его в «Тайное учение», открыл ему центры видения и дал ему способ общения с Силами. Не плачьте обо мне — я повлияю на историю больше, чем любой другой немец».29

Это слова, сказанные Дитрихом Эккартом на смертном ложе в 1923 году. Эккарт был одним из семи основателей партии нацистов и посвященным сатанистом; человеком, погруженным в черную магию и весьма близким к группе оккультистов «Туле».

Эккарт искал учеников, тех, кого он мог бы представить духовным силам, кто мог бы стремительно вознести Германию на головокружительные высоты завоевания мира. Через несколько спиритических сеансов он заявил, что имеет «уведомления от сатаны» о том, что должен приготовить сосуд для антихриста — человека, который воодушевит мир и поведет арийскую расу к завоеванию мира. Встретив Гитлера, он сказал: «Вот тот, для кого я был всего лишь пророком и предтечей».30

После смерти Эккарта духовным наставником Гитлера стал Карл Гаусхофер. Он провел Гитлера через глубочайшие уровни оккультного преображения, пока тот не превратился в совершенно одержимого. Гитлер изменился даже в сексуальном плане — он стал садомазохистом, практикующим различные формы сексуальных извращений. Его возбуждало насилие, жестокость и кровь. Герман Раушнинг, друг Гитлера, который позже переметнулся в лагерь союзников по антигитлеровской коалиции, сказал о нем: «Ненависть была для него как вино — она опьяняла его... У него были инстинкты садиста, находящего сексуальное возбуждение в пытках других людей».31

Гаусхофер совершил несколько путешествий в Индию и хорошо разбирался в восточном оккультизме. Он также побывал в Японии и был принят в тайное буддистское общество под названием «Зеленый дракон». В результате этих контактов в Берлине обосновалась колония тибетских лам. Когда в 1945 году советские войска захватили город, они обнаружили тысячи трупов тибетцев в немецкой униформе. Гаусхофер больше, чем кто-либо другой, повлиял на идею Гитлера о завоевании мира.

Таким образом зародилась новая религия с новым крестом — для объединения народных масс был использован древний ломаный крест. Гитлер открыто заявлял о том, что его целью было формирование новой религии, которая совершила бы то, что не смогло осуществить

христианство. Христианство, почитая милость и прощение, ослабило немецкий народ. В отличие от него, религия Гитлера была «радостной вестью, освобождающей человека от того, что обременяло его жизнь. Мы больше не должны иметь какого-либо страха смерти и нечистой совести». Эта новая религия должна была восстановить величие Германии, отомстить за прошлые неудачи и составить план для грандиозного будущего. Люди «смогут довериться своим инстинктам и не будут более гражданами двух миров, а укоренятся в единственно вечной жизни этого мира».32

Гитлер выдвигал себя как «мессию» с божественной миссией спасения Германии. Однажды он продемонстрировал свой хлыст, который часто носил с собой, показывая тем самым, что «выгоняя евреев, я напоминаю сам себе Иисуса в храме». Он заявлял: «Подобно Христу, у меня есть долг перед своим народом». Он даже хвастал тем, что так же, как рождение Христа изменило календарь, так и его победа над евреями будет началом новой эры. «Что начал Христос, — говорил он, — то я закончу». В речи, произнесенной через несколько дней после восхождения на пост канцлера, он спародировал Молитву Господню, пообещав, что через него новое царство придет на землю, и что оно будет «в силе и славе. Аминь». Он добавил, что если он не исполнит свою миссию, «тогда вам следует распять меня».33

Гитлер делал и другие заявления, напоминающие о Христе. Если у Христа были Свои «избранные», то у Гитлера также были свои. Он обещал: «Кто бы ни заявил о своей верности мне, таковой по самому содержанию и характеру этого заявления является одним из избранных». Как Иисус пострадал от рук евреев, так и нацисты верили, что они страдали, распяты предательством евреев в Первой мировой войне, а теперь новая Германия воскресла в силе и надежде.

Мы уже знаем, что у Гитлера было видение, мистический «призыв» в политику, с которого началась его выдающаяся карьера. Эта дата была важна для него, так как ему было почти тридцать лет — тот же возраст, что и другого Мессии, пришедшего спасти человечество. В июле 1937 года он отметил: «Этот народ был создан Богом и возрос в соответствии с Его волей. И по нашей воле («nach unserem Willen») он будет и никогда не исчезнет». Он представлял себя вождем не только христианского, но и нехристианского мира, который собирался завоевать. «Я намерен стать религиозной личностью. Вскоре я буду великим правителем татар. Арабы и марокканцы уже упоминают имя мое в своих молитвах».34

Гитлер стал богом для миллионов. Начальник Освенцима Рудольф Гесс заявил перед своей казнью в 1947 году, что, если бы только Фюрер приказал, он мог бы отравить газом и сжечь собственную жену, детей и даже самого себя. Большая часть нации была околдована человеком, которого провозглашали долгожданным Спасителем народа, уставшего от нищеты и унижения.

На одном из съездов в Нюрнберге на гигантской фотографии Гитлера было написано: «В начале было Слово». Молитва Господня была изменена и теперь звучала как «Отче наш, Адольф, сущий в Нюрнберге. Да святится имя твое, да придет Третий Рейх...». Если вы не восклицали «Хайль Гитлер!», когда входили в ресторан или учреждение, вас могли не принять.

Миллионы были согласны с Альфредом Розенбергом, который сказал: «Будь что будет, но я верю в Гитлера. Над ним — счастливая звезда».35 Несмотря на то что диктаторов большинство людей обычно ненавидит, этот, по большей части, встречал обожание, повиновение и поклонение.

Светские историки признавали, что Гитлеру нельзя дать объяснение единственно как

проницательному политику, появившемуся в Германии тогда, когда народ созрел для диктатуры. Аллан Буллок, написавший исчерпывающую биографию Гитлера, скрупулезно перечислил все, что Гитлер изучал в молодости: йога, гипнотизм, астрология и другие различные формы восточного оккультизма. Тем не менее, Буллок не видел большой связи между этими занятиями и удивительными духовными способностями Гитлера. Он признает: «Что касается меня, то чем больше я узнаю об Адольфе Гитлере, тем сложнее мне кажется объяснить и осознать то, что произошло. Каким-то образом причины неадекватны степени последствий... Именно в бреши между событиями и их объяснением заключается то, что завораживает в карьере Гитлера».³⁶

Очевидно, Буллок так никогда и не обнаружил, что могло быть этой «брешью». Он сделал предположение, что Гитлер до своих последних дней обладал сверхъестественным даром не поддающегося анализу личного обаяния, и добавляет: «Его способность пленять аудиторию была сравнима с оккультным искусством африканского знахаря или азиатского шамана». Однако Буллок никогда не рассматривал это как источник непостижимой силы Гитлера.

Эта «брешь» может быть объяснена только личным знакомством Гитлера с сатанинскими силами, наделившими его способностью очаровывать массы и придавать нацизму почти неотразимую гипнотическую привлекательность. На съезды в Нюрнберге тысячи приезжали скептиками, а возвращались ревностными поклонниками «Фюрера». Короче говоря, мы не сможем понять нацизм, не поняв «религию» Третьего Рейха.

Какой же была эта новая религия? Многие из ее фундаментальных положений широко принимаются и сегодня, особенно теми, кто, возможно, не понимает единство в главном всех оккультных религий. И, конечно же, эти учения станут религией грядущего антихриста. Это — религия единства, силы, надежды и чудес. Однажды появится тот, кого Райнхольд Керстан называет «обновленным» Фюрером. Антихрист, как мы узнаем, совершит такое, что Гитлер по сравнению с ним будет выглядеть просто жалким неумехой.

Невозможно удержаться, чтобы не спросить, предупреждала ли церковь народ об этом сатанинском оккультизме, охватившем Германию? В ложь, говорящую о том, что христианство можно объединить с эзотерическим мистицизмом других религий, легко верят те, кто невежествен в библейских предупреждениях относительно подобных компромиссов. Явное молчание церкви о таком возмущении является предупреждением для нас, живущих в эпоху, когда те же самые идеи преуспевают, хотя и в другой форме.

РЕЛИГИЯ НАЦИЗМА

Давайте рассмотрим эти учения более подробно. Какими были доктрины новой религии Гитлера? Как мы увидим, эти учения были как очень древними, так и очень современными.

Преображение сознания

В библиотеке музея Хофбург в Вене находится копье, которое, как многие верят, было тем самым копьем, которым пронзили бок распятого Иисуса Христа.

Однажды, когда Адольфу Гитлеру было немногим больше двадцати лет, он случайно услышал, как экскурсовод указал на это копье группе туристов и сказал: «Это копье покрыто тайной. Тот, кто откроет его секреты, будет править миром». Позже Гитлер признался, что эти слова изменили всю его жизнь.

Вскоре Гитлер обнаружил множество копий, соперничающих за сомнительную честь называться тем копьём, которым ударили в бок Христа. Тем не менее, он был уверен в том, что только копьё из библиотеки Хофбурга обладало удивительными силами добра и зла. Он заметил, что, когда короли или императоры владели этим копьём, они были победителями, а потеряв его, проигрывали сражение. Стоя перед этим копьём, Гитлер дал вечную клятву следовать за сатаной.

Гитлер рассматривал этот предмет часами, приглашая скрытые в нем силы захватить душу его. Он верил, что это древнее оружие было мостом между миром чувств и миром духа. Ему казалось, будто он держал это копьё в своих руках в первые века.

Вальтер Штайн, приятель Гитлера в те дни, сказал, что Гитлер стоял перед копьём как в трансе, словно человек, плененный каким-то ужасным колдовством... Даже само пространство вокруг него, казалось, было оживлено каким-то едва уловимым сиянием — чем-то вроде призрачного света эктоплазмы. Он выглядел преображенным, как будто в этот момент саму его душу наполнял могущественный дух, создававший внутри и вокруг него нечто наподобие зловещего преображения своей силы и природы.³⁷

По словам доктора Штайна, стоя там, в зале библиотеки Хофбурга, Гитлер переживал некое подобие «помрачения сознания». Когда он вошел маршем в Вену, то был уверен, что Судьба постановила, чтобы он лично стал владельцем магического копья, на которое смотрел много лет тому назад. Согласно Тревору Равенскрофту, Гитлер вытащил копьё из-под стекла, и оно стало для него копьём откровения. «Мне казалось, — говорил Гитлер, — что я держал в своей руке весь мир».³⁸

Если кому-то эта история кажется неправдоподобной, то не следует забывать о том, что каждый предмет, посвященный сатане, может стать средством проникновения в духовный мир. Несмотря на то что именно это копьё, скорее всего, и не было копьём, пронзившим бок Христа, оно стало мостом, который короли и императоры использовали для входа в контакт с сатаной. Для Гитлера оно не только символизировало противление Рима Христу, но также являлось путем к демоническому преображению.

Доктрина о преображении сознания, такая же древняя, как и язычество, состоит в том, что мы можем достигнуть нечеловеческих знаний и получить от них мудрость и силу. Эти существа, которых сегодня часто называют «властелинами мудрости», доступны тем, кто готов уплатить цену посвящения. Детали варьируются для различных культур, однако суть остается одной и той же: измененные состояния сознания достижимы тогда, когда мы согласны расширить свои умственные горизонты и войти в контакт с «силами». Это, почти буквально, «второе рождение», эзотерическое переживание озарения. Иметь подобные переживания означает принадлежать к элитной группе посвященных.

Хотя Гитлер и был очарован восточным оккультизмом, ему не хватало терпения на то, чтобы заниматься трансцендентальной медитацией, и потому он предпочитал более быстрый путь установления контакта с духовными силами — прием наркотиков. Его приятель, некий букинист по имени Эрнест Прецше, познакомил его с психоделическим наркотиком, дающим ясновидение и повышенную духовную восприимчивость. Так он обретал силу творить дела, которые, как он верил, были предписаны ему судьбой.

Даже тот, кто знал Гитлера с самых первых дней, был хорошо осведомлен о его оккультных способностях. Один его друг, Август Кубичек, сказал: «Это выглядело так, как будто из его тела говорило другое существо... Он не был оратором, увлеченным своими собственными словами... Мне казалось, что он сам с удивлением и возбуждением слушает то, что

вырывается из него».39

После того как Гитлер присоединился к группе, ставшей известной как партия нацистов, он опустился на более глубокие уровни оккультного преображения. Через ритуалы и соглашения с демоническими силами он превратился в человека с такой страшной силой, что скептики обычно становились фанатиками, просто прослушав его речи. Когда он заканчивал свои горячие обращения, то зачастую падал в изнеможении, подобно медиуму, вошедшему в контакт с преисподней. Ему требовалось время для того, чтобы отдохнуть и прийти в себя.

Гитлер также верил в восточное учение о перевоплощении, убеждение, которое хорошо послужило ему при попытке истребить евреев (об этом говорится в следующей главе). Гитлер верил, что был воплощением многих древних царей, включая римского Тиберия.

Но даже если мы предположим (и я думаю, должны это сделать), что Гитлер был одержим злым духом (или духами) или, возможно, самим сатаной, перед нами возникает один вопрос: «А как насчет миллионов его последователей?». Что сделало их фанатично преданными диктату «Фюрера»?

Не будем забывать о том, что бесноватый вождь способен высвободить духовные силы, оказывающие влияние на других. Как сказал Хьюстон Чемберлен, который был советником по оккультным вопросам кайзера Вильгельма II: «Гитлер является пробудителем душ, носителем мессианских сил». Служение в качестве сатанинского канала было особенно возможным в стране, которая уже была пропитана оккультизмом.

Эта национальная одержимость оккультизмом подготовила путь для головокружительного взлета Гитлера на вершину мира. Массажист Генриха Гиммлера сказал, что нация была захвачена «мистицизмом политического движения» и что «ни в одной другой стране не было совершено столько же чудес, вызвано столько же духов, исцелено магнетизмом столько же болезней, прочитано столько же гороскопов».40 Обманы Гитлера были замаскированы телепатическими и спиритическими сеансами и самыми разнообразными духовными переживаниями. Как современное движение «Нью Эйдж», вполне возможно, подготавливает мир к принятию чудес антихриста, так и оккультизм Германии привел к тому, что обнаружить массовый обман оказалось значительно сложнее.

Ближайшие соратники Гитлера сами были оккультистами. Рудольф Гесс, который попытался договориться с Западом самостоятельно, провел остаток дней в Берлинской тюрьме вплоть до своей смерти в 1987 году. Хотя за все эти годы он никогда не виделся со своей женой, она заявляла, что они никогда не расставались: «Благодаря телепатии, астрологии и его письмам, мы были вместе... Мы с мужем находимся в постоянном телепатическом контакте... Так мы общаемся друг с другом».41

Гиммлер был законченным оккультистом. То же самое можно сказать о Розенберге и Геббельсе. Увеличиваясь, партия нацистов привлекала тех, кто принадлежал многочисленным сатанинским организациям. Внутренний круг нацистов черпал силу прямо от этих скрытых сил. Однако в нации, которая уже погрязла в оккультных учениях, миллионы других попали под магические чары Гитлера.

Следует помнить, что подчиняющие себя одержимому бесами сами рискуют оказаться обманутыми и попасть под его влияние. Примечательно, что даже тот, кто не соглашался с Гитлером, все равно оказывался под его аурой и так или иначе поддерживал его. Могущественные лжецы могут обманывать других людей, которые затем в различной степени оказываются под контролем бесов. Учитывая духовный вакуум, образовавшийся в Германии, этот народ почти жаждал стать обманутым.

Конечно же, Гитлер должен был платить за свою силу. Никто не может быть в союзе с сатаной «просто так». Раушнинг описывает периодически повторяющийся сценарий: «Он вопит о помощи... схваченный силой, из-за которой он начинал так неистово дрожать, что его кровать качалась... В своей спальне он бормотал... «Это он! Это он! Он здесь!» Его губы синеют... Он обливается потом... Ему делают массаж и дают что-то выпить... Затем он неожиданно закричал: «Там! Там, в углу!»».42

Антихрист, конечно же, также будет верить в личное преобразование сознания. Он будет входить в контакт с нечеловеческими знаниями, особые силы которых приготовят его для правления миром. Кто будет его наставником — мы не знаем, однако мы точно знаем, что он пройдет обучение через суровый процесс демонизации. Его сила будет исходить не от него самого, но от невидимых духовных сил. «И укрепится сила его, хотя и не его силою, и он будет... губить сильных и народ святых» (Даниила 8:24). Как мы уже выяснили в предыдущей главе, антихрист не сможет делать то, что он будет делать, без силы, «данной ему».

Многие из тех, кто сегодня презирает Гитлера, многие из тех, кто гордится собой, порицая нацизм, фактически согласны с доктринами, сделавшими нацизм могущественной мировой силой. Проницательные читатели поймут, что движение с популярным названием «Нью Эйдж» — это древний оккультизм. Я бы даже назвал его духовными доктринами нацизма с дружелюбным американским лицом.

Очевидно, что не все, кто принимает доктрины о личном преобразении, становятся такими же порочными, как Гитлер. Без сомнения, человек может переживать личное усовершенствование, быть более удовлетворенным, больше познать себя и быть более уверенным в будущем. Сатана с разными людьми поступает по-разному. Если вы ищите мира, он попытается дать его вам. Если вы нуждаетесь в совете, он сделает все возможное, чтобы предсказать будущее и открыть вам секретную информацию через звезды или гадалку. Если вам недостает уверенности в себе или даже чуда, то он попытается дать и то, и другое. Гитлер, к примеру, нуждался в силе для того, чтобы править, и сатана сделал ее доступной.

Библия запрещает любые контакты с миром духов по одной простой причине. Бесы выдают себя за ангелов света, пытаясь обмануть как можно больше людей. «Властелины» или нечеловеческие знания, без сомнения, существуют, ожидая случая войти в контакт с человеческими существами. Осуществить подобное преобразование сознания — это именно то, к чему стремится дьявол.

НЕОТЪЕМЛЕМАЯ БОЖЕСТВЕННОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

Однажды Адам и Ева поверили обещанию сатаны, что съев плод с запретного дерева, они станут подобными Богу, зная добро и зло. Начиная с того момента люди всегда пытались установить соперничающее царство. Мысль о подобии Богу приводит в трепет. Человек достаточно разумен для того, чтобы знать, что он — не Творец, поэтому человечество говорит: «Да, я — бог, но и природа тоже. Фактически, все сущее — это Бог, а Бог — это все сущее».

Гитлер говорил по секрету тем, кто был к нему ближе всего, что он в исполнении своей уникальной миссии был руководим высшими существами. «Я открою вам один секрет, — сказал он Раушнингу. — Я устанавливаю новый орден... Человек-бог, величественная личность которого будет объектом поклонения... Но есть некоторые этапы, о которых мне не разрешено говорить».43 Мы можем только догадываться, кто запретил ему открыть больше.

После прочтения книги своего друга, Альфреда Розенберга, под названием «Миф двадцатого века» Гитлер заявил: «Творение еще не приходит к концу. Человек становится Богом... Человек — это Бог в творении».44 Йозеф Геббельс, его министр пропаганды, рассказал,

какой гипнотический эффект произвел на него Гитлер во время их первой встречи. «Он — созидательный инструмент судьбы и божественности. Я был очарован им, глубоко потрясенный,.. признав его как своего лидера... Он настолько же глубок и мистичен, как пророк древности. С таким человеком можно завоевать мир... Мои сомнения исчезли... Германия будет жить! Хайль Гитлер!»⁴⁵

В 1941 году историк Бенуа-Мечин встретился с Гитлером и с благоговением заявил: «Его глаза настолько странные, что поначалу они были всем, что я видел... Он так особенно смотрел на вас, что вас просто притягивало к нему... Вы чувствуете что-то вроде головокружения».⁴⁶ Миллионы тех, кто боялся его, в то же время восхищались им и поклонялись ему.

Просмотрите несколько хроникальных фильмов о Гитлере — обожание толпы просто поразительно. Если приветствие «Хайль!» было позаимствовано у секретного братства Листа, то знаменитое нацистское отдание чести было использовано для вызывания силы земли и почвы в оккультной организации «Орден золотого рассвета». Я слышал, как в одном интервью женщина рассказывала, что после того, как она пожала руку Гитлеру и вернулась в свой родной город, к ней относились как к «богине». Как сказал один крестьянин, она «пожала руку немецкого бога».

Так же как и Гитлер, антихрист будет добиваться поклонения себе. В начале периода великой скорби он заключит завет с Израилем, который, очевидно, будет гарантировать этой маленькой, но весьма значимой стране мирное существование. Однако через три с половиной года у него будет достаточно решимости в том, чтобы прибыть в Иерусалим и нарушить свое соглашение. Он войдет в храм, который будет к тому времени восстановлен, осквернит его и объявит себя Богом. Павел описывает его как «противящегося и превозносящегося выше всего, называемого Богом или святынею, так что в храме Божиим сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога» (2 Фессалоникийц

Мы можем улыбаться, когда гуру рассказывают нам сегодня о том, что мы все — боги, и что нам необходимо просто осознать свой потенциал. Однако божественность человека, в которую в различных формах всегда верили на Востоке, сейчас принимается так же и на Западе. Точно так же, как Германия приняла Гитлера из-за неистового оккультизма, наша нация готовится к появлению лидера, называющего себя богом. В конце концов, если мы — маленькие боги, то почему харизматичный правитель не может быть назван большим богом, олицетворением божества?

Точно так же, как Гитлер подавил соперничающее поклонение и практически разрушил церковь, антихрист уничтожит любую оппозицию. В особенности его целями будут христианство и иудаизм. Перед ним склонятся почти все колени.

Гитлер говорил, что в большую ложь легче поверить, чем в маленькую. В таком случае, самая большая ложь заключается в том, что человек может быть Богом. Эта новая религия будет заявлять о том, что она способна вместить в себя все остальные. Она также объединит науку и религию. Бог будет описан как безликая «сила» или «энергия». Такое представление о Боге допустит существование множества богов, но только до тех пор, пока дирижировать ими будет сатана. В конце концов, мы можем ожидать возникновения новой теологии, которая не только попытается опровергнуть христианское учение, но будет просто игнорировать его.

Если вы услышите, что кто-то, погрузившись в эзотерические учения Востока, говорит: «Я верю, что мы все боги», то вы слышите не что иное, как вероучение сатаны, древнее, как Эдем. Тот, кто верит в него, вероятно, будет удивлен, услышав, что оно составило базовую предпосылку для Адольфа Гитлера, а также для еще более могущественного грядущего

князя.

Глобальное видение

Что вознесло Гитлера на вершину власти? Катализатором стал крах фондовой биржи в 1929 году, приведший к экономическим трудностям в Германии. Но без пылающей в его груди страсти к завоеванию мира Третий Рейх никогда бы не состоялся. Гитлер верил, что установит тысячелетний Рейх — империю, которая в конце концов поглотит весь земной шар. Так как люди типа Карла Гаусхофера верили в миф о том, что немцы (арийцы) принадлежат к высшей расе, то нация в целом имела все права на расширение своей империи и господство над миром.

Гитлер смог зажечь в осажденном народе искру оптимизма. Миллионы ухватились за грандиозную идею вождя, имеющего план вывода Германии из дней унижения в день гордости и силы. Даже скептики предпочитали подавлять свои сомнения. Как выразился один современник той эпохи: «Хотя я не мог принять Гитлера, зная, что он — сумасшедший, в своем сердце я желал быть частью его движения».

Глобализм всегда был долгосрочной целью оккультных религий. В 1993 году шесть тысяч делегатов приехали со всего мира в Чикаго для участия в Парламенте религий мира, чтобы обсудить потребность в объединении мировых религий. При этом подразумевалось, что голод, войны и несправедливость в мире настолько ошеломляющи, что решать эти проблемы может только единая религия и правительство. Была принята глобальная этика, в которой слово «Бог» не фигурирует, но зато повсюду с заглавной буквы пишется слово «Земля». Этот документ гласит, что на земле не будет преобразования до тех пор, пока не произойдет преобразование сознания.

В завершение мы обращаемся ко всем обитателям этой планеты. Земля не может быть изменена к лучшему до тех пор, пока не изменится сознание людей. Мы обещаем работать ради этого преобразования в личном и коллективном сознании, пробуждая наши духовные силы... Вместе мы сможем сдвинуть горы.⁴⁷

Когда люди в отчаянии, они обычно охотнее стремятся объединиться под знаменем человека, чем под знаменем Бога. Как в нацистской Германии, так и в наши дни, Крест отталкивают, меняя его на какой-либо другой флаг. Стремление господствовать над миром не так-то просто умирает внутри человеческого сердца.

Одержимость контролем

Любой диктатор прошлого, настоящего и будущего одержим потребностью держать своих подданных в повиновении. Гитлер принуждал немцев маршировать под бой его барабана при помощи угроз и жестокости. Вначале, благодаря стараниям штурмовых отрядов СА, а затем — элитной гвардии СС⁴⁸, народ стал бояться соперничающих идей и неповиновения. В грандиозной церемонии принятия присяги в Мюнхене отряды СС клялись в личной верности Гитлеру. Они следили за порядком, они наводили страх и они пытали. Каждого, заподозренного в причастности к неповиновению, изгоняли, заключали в тюрьму или устраняли. Гитлер был одержим идеей тотального контроля.

Мой приятель, служивший в армии Гитлера, рассказывал о том, как во время печальной русской кампании 1941—42 годов солдаты приходили к крестьянам за одеждой для войск. Когда у одной женщины вымогали вещи, она гневно спросила: «Сколько это еще будет продолжаться?». Несколько часов спустя перед ее домом остановилась машина — ее

арестовали, и больше ее никогда не видели.

При помощи надзора, подслушивания телефонных разговоров, шпионажа и поощрения доносов на друзей, Гитлер пытался контролировать граждан Германии. Он насаждал во всех своих подчиненных навязчивое стремление к повиновению и поклонению. Конечно же, целью любой черной магии является власть — жажда обладания наивысшей властью над всем миром. Другими словами, это было желание быть Богом. Это был Люцифер, который сказал, что будет «подобен Всевышнему».

Однако у Гитлера не было техники для того, чтобы поставить в ряд всех и вся. Его беспокоили те, кто не восторгался им и отворачивался от него! Многие, кто служил Гитлеру телом, презирали его в душе. Неудачные покушения постоянно напоминали о том, что он был смертным и не смог овладеть поклонением, которого он так отчаянно жаждал.

РЕЛИГИЯ БУДУЩЕГО РЕЙХА

Есть причины, по которым Гитлера часто рассматривают как прообраз антихриста. В Библии предсказано, что в Европе поднимется мировой правитель, который пообещает мир, в то же время готовясь к войне. Он очарует мир, требуя поклонения масс взамен на право покупать хлеб. Он, подобно Гитлеру, будет наполнен бесовскими силами (вполне вероятно, самим сатаной). Параллели настолько поразительны, что Роберт Ван Кампен в книге «Знамение» говорит о своей уверенности в том, что антихрист на самом деле будет воскресшим из мертвых Гитлером.⁴⁹ Несмотря на то что это предположение маловероятно, оно напоминает нам о той мистической ауре, которая окружает имя Гитлера даже сегодня.

Антихрист преуспеет больше, чем Гитлер. Учитывая то, что глобализм уже является могущественной силой в мире, многие организации и лидеры будут сотрудничать с ним в разрешении проблем этой планеты. Он привлечет мир на свою сторону. Взывая о хлебе и мире, отчаявшийся мир откажется от своих личных прав взамен на то, что, в конце концов, окажется пустыми обещаниями. В начале им будут восхищаться, затем его будут бояться, а затем ему будут поклоняться по всей земле.

Антихрист достигнет того, о чем Гитлер мог только мечтать. Его сила в совершении чудес будет настолько велика, что весь мир будет изумляться, когда одна из его голов будет «как бы смертельно ранена, но эта смертельная рана исцелена» (Откровение 13:3). Возможно, это будет сатанинская попытка имитировать воскресение Христа. И это сработает, потому что написано, что «дивилась вся земля, и поклонились дракону, который дал власть зверю».

Об антихристе мы читаем: «И поклонятся ему все живущие на земле, которых имена не написаны в книге жизни у Агнца, закланного от создания мира» (стих 8). Только представьте себе! Гитлер принимал поклонение от миллионов внутри *одной страны*. Антихрист будет принимать поклонение миллиардов в *каждой стране* мира. Даже дальние племена и малоизвестные страны с труднопроизносимыми названиями будут вместе поклоняться ему.

Антихрист найдет лучший способ навязывания своего управления. Он использует в качестве оружия экономику. Мы читаем: «И он сделает то, что всем, малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам, положено будет начертание на правую руку их или на чело их, и что никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его» (стихи 16-17).

Он будет достаточно проницателен, чтобы понимать то, что так хорошо знал Гитлер: люди должны есть, для того чтобы жить. И слова сатаны в отношении Иова подтвердят свою

истинность: «За жизнь свою отдаст человек все, что есть у него» (Иов 2:4). Таким образом, будет установлен орган управления, отвечающий за то, чтобы каждый человек на земле — охотно или неохотно — склонился перед антихристом.

Эрвин Харгафф писал: «Я вижу начало нового варварства,.. которое завтра будет названо новой культурой... Нацизм был не чем иным, как его примитивным, грубым и абсурдным выражением. Однако он стал первым наброском так называемой научной или преднаучной морали, которая ожидает нас в блистательном будущем».50

Хотя сатана и добьется желаемого, его горизонт не безоблачен. Он знает (так же, как и мы знаем), что время его коротко, а грядущие мучения столь велики. Всякий раз, когда он побеждает, он фактически проигрывает, так как последнее слово — за Богом. Шарада будет разгадана, и истинное лицо сатаны будет разоблачено — неудачник, проигравший навсегда.

Описание суда над Гитлером, антихристом и всеми, кто отказывается следовать за Богом, представлено в книге «Откровение» (20:10): «А диавол, прельщавший их, ввержен в озеро огненное и серное, где зверь и лжепророк, и будут мучиться день и ночь во веки веков».

Поскольку этот суд все еще в будущем, то возникает вопрос: «Где Гитлер сейчас?». Он покончил жизнь самоубийством в своем бункере в Берлине. Согласно распоряжению, его тело было тщательно сожжено до полной неузнаваемости. Однако его душа пережила огнестрельную рану и пламя. Сегодня он находится в сознании. Его память яснее, чем в полуденном съезде в Нюрнберге. Его эмоции полностью осознанны. Он испытывает муки своих злых деяний. Его воля, тем не менее, остается непокоренной — его решение противостоять Богу непоколебимо (даже если бы он и изменил свое мнение, это никак не повлияло бы на его вечную участь).

Христос приоткрыл завесу и позволил нам заглянуть в преисподнюю — место, где души неверующих ожидают последнего суда. Один богач, находясь в муках, взывал: «Отче Аврааме! Умилосердись надо мною и пошли Лазаря, чтобы омочил конец перста своего в воде и прохладил язык мой, ибо я мучаюсь в пламени сем» (Луки 16:24). Гитлер сегодня находится в том же пламени, которое является прелюдией того, что еще грядет.

В конце концов Гитлер будет также осужден и брошен в озеро огненное вместе с драконом, зверем и лжепророком. Все бесовские религии будут выявлены как ложные, вводящие в заблуждение и слабые. И всякий язык исповедает, что Христос есть Господь во славу Бога Отца. Бог еще докажет, что человек не может править сам по себе — все попытки забрать скипетр у Всемогущего были тщетными и глупыми.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ЦЕРКВИ

В ходе своего исследования я пришел к выводу, что церковь в Германии была слишком озабочена проблемами нации, чтобы разглядеть происходящее у нее перед глазами. Религия крови и земли заменила религию смирения и молитвы. Несмотря на обремененность безработицей и неустройствами своего испорченного народа, церковь, по большей части, все еще отказывалась покаяться и всецело обратиться к Богу.

Вместо здравого библейского учения и молитвы бурно расцвела народная культура Германии с ее мифами о расе и оккультизмом. Церковь не учла тот факт, что борьба с нацизмом была, по своей сути, не политической, а духовной. *Церковь ошибочно приняла временные*

преимущества свастики вместо духовных преимуществ креста Христова. Желая верить в то, что Гитлер является ответом, она забыла, какие вопросы действительно важны.

Павел предупреждал старейшин в Ефесе: «Итак внимайте себе и всему стаду, в котором Дух Святый поставил вас блюстителями, пасти Церковь Господа и Бога, которую Он приобрел Себе Кровию Своею. Ибо я знаю, что, по отшествии моем, войдут к вам лютые волки, не щадящие стада» (Деяния 20:28-29). Как мы узнаем, в немецкие стада вошли волки. Церковь балансировала между двумя крестами, желая быть верной обоим, однако поняла, что один крест не допускает присутствия другого. *Церковь заключила мир с врагом, с которым ей следовало вести войну.* Призванная к предупреждению и защите, она была терпима, затем — отдавала честь, и в итоге — подчинилась.

Генрих Гейне был прав: когда крест Христов оказался сокрушен, зло вырвалось наружу со всей своей яростью. Никто не пережил более неистового натиска, чем евреи, которые были целью «окончательного решения» Гитлера. Прискорбно, что даже здесь церковь просто не действовала в соответствии со своим высшим призванием.

У антихриста также будет своя программа истребления, однако Христос, совершенный Еврей, Лев из колена Иудина, не допустит, чтобы Его народ был истреблен. Крест Христа в конце концов уничтожит любой другой крест.

Теперь мы переходим к этой загадочной, но, тем не менее, увлекательной истории.

Глава 4

АНТИСЕМИТИЗМ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

Я не воспринимаю евреев как животных — они намного дальше от животных, чем мы... Поэтому истребление их не является преступлением, так как они вообще не относятся к людям».51

Так Адольф Гитлер создал новые законы, лишаящие евреев их статуса людей. Заявив, что они ниже животных, Генрих Гиммлер дал «зеленый свет» использованию своих отрядов СС для истребления евреев. С тех пор СС было позволено убивать, не нарушая при этом законов — они могли истреблять, не будучи обвиненными в убийстве. За уничтожение паразитов не привлекают к суду — земля должна была быть очищена от мерзости, чтобы быть населенной теми, в чьих жилах течет человеческая кровь.

Жонглируя подобными высказываниями, человек, моривший голодом детей, называя это «режимом питания с невысокой калорийностью», теперь убивал евреев, называя это «очищением загрязненной территории». Точно так же сегодня сторонники легализации абортот называют еще не рожденных младенцев «продуктом зачатия». Подобными формулировками искусно манипулируют те, кто желает сделать совесть нечувствительной и повысить значение ценностей гуманизма. Если зло назвать добром, то оно становится добром. Не верите? Да спросите у Адольфа Гитлера!

Третий Рейх нельзя понять независимо от учения о расе — убеждения, согласно которому только через ветвь чистого родословия человечество может достичь праведной божественности. Гитлер цинично смешал расизм композитора Рихарда Вагнера и теорию эволюции Чарльза Дарвина с мифами о крови восточного оккультизма. Он изобрел учение, которое позволяло ему излить свою ярость против евреев, задумав совершенно истребить их с лица земли.

«Каждый, кто хочет понять национал-социалистическую Германию, должен знать Вагнера», — часто говорил Гитлер. Вагнер со своими операми, воспевающими немецких героев, войны, языческих богов и демонов, был ярким антисемитом. Этот удивительно одаренный человек утверждал, что имеет откровение о том, что Иисус Христос был рожден в арийском (немецком) роду. Это был не еврейский Христос Нового Завета, а «Христос», проливший арийскую кровь, и который поведет Германию назад к величию, принадлежащему ей по праву.⁵² В своем произведении «Песнь о Нибелунгах» Вагнер призывает к пробуждению немецкого *Фольк* (народа). В торжественной финальной сцене под названием «Закат богов» он инсценировал конфликт, в итоге которого пробужденная Германия правит миром. Вагнер использовал термин «окончательное решение» задолго до того, как он стал выражением официальной политики Гитлера.

По ходу следует отметить, что на протяжении истории возникало множество «христов». Даже в Новом Завете Иоанн предупреждает о множестве антихристов, существовавших в его время (1 Иоанна 2:18). Павел порицает тех, кто проповедует «другого Иисуса» (2 Коринфянам 11:4) и иное благовестие, заявляя, что таким людям «да будет анафема» (Галатам 1:9). Вагнер фактически был поклонником Люцифера, скрытого под маской арийского «Христа», и люто ненавидел евреев. Неудивительно, что Гитлер обожал Вагнера и даже тогда, когда Третий Рейх подходил к концу, часто вспоминал о том влиянии, которое Вагнер оказал на него.

Гитлер также принял теорию Чарльза Дарвина о «выживании сильнейшего» и утверждал, что человек имеет все права быть «жестоким, как природа». Студентам и эсэсовцам читались обстоятельные лекции, доказывающие неполноценность евреев. Черепа арийцев сравнивались с черепами давно умерших евреев для обоснования вывода о том, что последние безнадежно ниже по уровню развития. Только «наиболее развитые» имели право на выживание.

Ни одно событие в истории современности не обсуждалось более, чем Холокост. Чудовищность его размаха и его вопиющая беспричинная жестокость поражает воображение здравомыслящего человека. Те из нас, кто посетил концентрационные лагеря в Европе, пытались вобрать в себя хоть на малое время ужас увиденного. Лично я, по крайней мере, осознал, что постичь то, что кажется непостижимым, выше моих сил. Музеи Холокоста в Израиле и Вашингтоне показывают размах совершенных преступлений. И, покидая их, мы все еще чувствуем, что не свершили правосудия относительно этой части мировой истории.

Что мне наиболее всего запомнилось о Холокосте, так это личные истории. Письмо, которое я прочитал в музее в Бухенвальде — письмо матери своему сыну, в котором она говорит о том, что с волнением ожидает его возвращения, не зная, что он уже убит. Описание ребенка с коркой хлеба, который рассказывает охраннику, что это особое сокровище он хранит для «мамочки», не зная, что уже никогда не увидит ее. Фотографии охранников, избивающих истощенных заключенных, которых, фактически обнаженных, принуждали носить камни в зимнюю стужу. А затем — ряды детской обуви, напоминающие о тысячах малышей, до смерти замученных с чувством сатанинской мести.

Поговорите сегодня с евреями, и многие из них скажут, что в их избранности как народа нет никаких преимуществ. При всех своих испытаниях избранные кажутся более благословенными. Избранные кажутся проклятыми. Вместе с честью быть отделенными Богом для благословения пришли века слез и преследований. И, как мы увидим, многое еще впереди.

Нравится это евреям или нет, и нравится это нам, язычникам, или нет — еврейский народ без сомнения является избранным. Послушайте, что сказал Сам Бог: «Ибо ты народ святой у

Господа, Бога твоего: тебя избрал Господь, Бог твой, чтобы ты был собственным Его народом из всех народов, которые на земле» (Второзаконие 7:6). Евреи, невзирая на все свои ошибки, являются народом, который Бог избрал для благословения мира. Авраам был язычником, когда Бог приблизился к нему, велел оставить свою семью, сказав: «И Я произведу от тебя великий народ, и благословлю тебя, и возвеличу имя твое, и будешь ты в благословение; Я благословлю благословляющих тебя, и злословящих тебя прокляну; и благословятся в тебе все племена земные» (Бытие 12:2-3).

Божий завет с Авраамом показан как безусловный, то есть всецело зависящий от верности Божьей. В 15-й главе книги «Бытие» завет был утвержден, когда Бог сам прошел между частями рассеченной пополам плоти, в то время как Авраам спал. Так Бог «покаялся Сам Собой», что условия этого соглашения будут выполнены (Бытие 15:12-21). У Иакова, потомка Авраама, было двенадцать сыновей. Одним из них был Иуда, от имени которого и произошло слово «иудей» (еврей).

Язычники унаследовали благословения Божии только по благодати. Используя аналогию Павла, мы привиты к «маслине». Израиль отказался принять Мессию Божия, поэтому объектами Божией любви стали мы, язычники. Однако Бог не прервал Своих отношений с Израилем. Многие из нас верят, что в конце концов Он исполнит Свой завет с ними как с народом.

Перед тем как совершить экскурс по четырем этапам преследований евреев, мы должны сделать паузу и предупредить о тех, кто злоупотребляет этой ужасной трагедией для продвижения своих собственных замыслов. В Америке радикальное общество гомосексуалистов часто ссылается на историю о том, что среди жертв гитлеровского Холокоста были гомосексуалисты. Таким образом всякий, кто противится предоставлению гомосексуалистам особых прав, сравнивается с Гитлером, который злобно преследовал свои жертвы.

Всестороннее исследование Кевина Абрамса показало: несмотря на то что гомосексуалистов и отправляли в концентрационные лагеря, они никогда не подвергались истреблению как класс и к ним относились получше, чем к большинству остальных жертв лагерей. Через два года после победы Гитлера из определения гомосексуализма, данного в Уголовном кодексе Германии, было удалено слово «неестественный». Даже историк гомосексуализма Джонатан Кац указывает на то, что хотя полиция неоднократно задерживала гомосексуалистов актеров и художников, уличенных в содомии, их не подвергали аресту.

Вне всякого сомнения, было бы странно, если бы нацисты подвергали гомосексуалистов каким-то особым гонениям, так как среди них самих процветали самые разнообразные сексуальные извращения. Историк Сэмьюэл Игрэй утверждает, что коричневорубашечники Гитлера, с которых все начиналось, были по началу исключительно гомосексуальной и бисексуальной организацией. Личный секретарь Гитлера Рудольф Гесс был бисексуалом, известным в кругах гомосексуалистов как «фройляйн Анна». Гомосексуализм процветал как в ближайшем окружении Гитлера, так и в СС — из отрядов Гитлерюгенда («Молодежи Гитлера») выбирали юношей для участия в сексуальных оргиях.⁵³

Конечно же, Гитлер выступал с резкой критикой гомосексуалистов, точно так же как и оккультистов, хотя сам был убежденным сатанистом.

Будет ошибочно думать, что в концентрационных лагерях умирали только евреи. Гитлер отправлял в камеры пыток каждого, кого считал врагом. Несмотря на то что подавляющее большинство погибших составляли евреи, к ним присоединили многих коммунистов, интеллектуалов, религиозных лидеров и вообще всех, кто не нравился эсэсовцам. Смерти

были преданы сотни тысяч граждан Советского Союза и Польши, а также политических узников других стран. Истребление евреев было, однако, самой главной целью Гитлера. В соответствии с мечтой Вагнера, это было «окончательное решение».

На следующих страницах будет исследована ненависть к евреям, которая, хотя и была доведена Гитлером до совершенства, не появилась вместе с ним. Христиане часто нетерпимы к евреям по причине их категорического отвержения Христа. Язычникам тяжело понять, почему многие евреи не признают Христа и зачастую (но не всегда) закрыты для какой-либо серьезной дискуссии о Нем как о Мессии. Будучи по происхождению язычниками, мы забываем, что евреи смотрят на Христа как на врага. Одна еврейская женщина рассказывала нам на занятиях по изучению Библии о том, что когда она искала Бога, то боялась изучать Новый Завет, чтобы не оказалось, что там все правда. Она часто молилась: «О, Боже, окажись кем-то другим, но только не Иисусом!».

Ниже мы рассмотрим четыре этапа еврейской истории, кульминацией которых станет возвращение Христа. Будьте готовы на этом пути к некоторым сюрпризам.

ХРИСТИАНСТВО И ИУДАИЗМ

Давайте вместе посетим немецкий город Виттенберг, который стал знаменитым благодаря реформатору Мартину Лютеру. При входе в город мы видим внушительную замковую церковь, к дверям которой Лютер пригвоздил свои девяносто пять тезисов. Внутри этой церкви он был похоронен прямо под кафедрой примерно в четырех с половиной метрах от своего друга Меланхтона.

Пройдя через площадь, мы подходим к городской церкви, где Лютер проповедовал Евангелие простому люду Виттенберга. Но если вы обойдете церковь и взглянете с тыльной стороны на то место, где крыша соединяется со стеной, то увидите сделанный из песчаника рельеф свиньи — скульптуру около метра длиной и сорока пяти сантиметров высотой.

Эта свинья, как я узнал во время своей поездки по местам, связанным с Реформацией, называется *Judensau* («еврейская свинья»). Она была установлена назло евреям и в память об изгнании их из Виттенберга в 1305 году. Надпись на иврите гласит: «Рабин шем ха мфорас», — что означает: «Велико имя Благословенного». Эта фраза использовалась евреями по отношению к Богу, так как они верили, что Его имя нельзя даже произносить вслух. Теперь эти слова с глумлением адресовались им, презрительно сравнивая их со свиньями — животными, которые считались самими евреями наиболее нечистыми!

Наша экскурсионная группа с отвращением отнеслась к тому, что подобный символ ненависти был помещен на христианской церкви. Печаль наша слегка рассеялась, когда мы увидели на земле мемориал, датированный 1988 годом, который, по сути, был извинением за события многовековой давности. Это был крест, лежащий на черном фоне как напоминание о том печальном факте, что миллионы евреев страдали под тем же самым крестом, который должен был стать символом прощения и примирения. Перевод надписи гласит:

Истинное имя Бога,
Оклеветанное «Шем ха мфорас»,
К которому евреи даже до зарождения христианства
Относились как к самому невыразимо святому.
Это имя умерло в шести миллионах евреев

Под символом креста.

Затем следует выдержка из Псалма 130:1: «Из глубины взываю к Тебе, Господи». Так, через пятьдесят лет после *Kristallnacht* («Хрустальная ночь»)⁵⁴ церковь смиренно признала свой грех издевательства и преследования евреев.

Но что можно сказать о самом Лютере? Уильям Ширер в своей классической книге «Подъем и падение Третьего Рейха» называет великого реформатора «убежденным антисемитом». Лютер называл евреев «злыми», «горькими червями» и «мерзкими паразитами». В 1543 году незадолго до своей смерти он написал три трактата, направленных против евреев. На протяжении четырех веков его слова часто цитировались евреями как доказательство того, что Христос не может быть их другом. Послушайте, что советовал Лютер о том, как к ним необходимо относиться:

Во-первых, предать огню их синагоги и школы, а также закопать и засыпать землей все, что не сгорит, чтобы ни один человек никогда не смог опять увидеть оставшийся от них камень или пепел. Это должно быть сделано в честь нашего Господа и христианского мира... Во-вторых, я советую также до основания разрушить и уничтожить их дома...

В-третьих, я советую отобрать у них все молитвенные книги и талмудские писания, которые учат подобному идолопоклонству, лжи, проклятиям и богохульству. В-четвертых, я советую впредь запретить раввинам учить под страхом лишения жизни или конечности. В-пятых, я советую полностью лишить евреев гарантий безопасности на больших дорогах... В-шестых, я советую запретить им заниматься ростовщицеством, и чтобы у них были отобраны и отданы на сохранение все деньги, а также серебряные и золотые драгоценности.⁵⁵

Лютер, как ты мог?

В книге «Майн Кампф» Гитлер хвалит Лютера как великого реформатора, который достоин стоять в одном ряду с Фридрихом Великим и Рихардом Вагнером. Однако, к сожалению, Гитлер не восторгался Лютером потому, что тот открыл Евангелие и провозгласил спасение только через Христа и только по вере. Скорее, он рассматривал его как мужественного человека, противопоставленного церкви, и, без сомнения, как ненавистника евреев. Однако можно быть совершенно уверенным в том, что если бы Лютер жил во времена Гитлера, то он не только противостоял бы ненависти Гитлера к евреям как народу, но и осудил бы Фюрера как антихриста. Очень жаль, что Гитлер не увидел вторую сторону Лютера как человека, который, несмотря на все свои ошибки, понимал значение креста Христова. Гитлер все понимал по-своему.

В последние дни своей жизни, когда над Лютером возобладали присущие для пожилого возраста раздражительность и болезнь, он сказал много того, что лучше было бы не говорить. О чем бы ни шла речь — о папстве, анабаптистах или евреях — Лютер всегда использовал красочные проклятия.

Излишне говорить, что его комментарии являются презренными и антихристианскими. Однако мы должны отдать ему должное, понимая контекст его высказываний. Ниже представлены строки, которые он написал в более ранний период, когда возлагал ответственность за неверие евреев на ошибки средневекового христианства. Хотелось бы, чтобы он повторил эти комментарии и в конце своей жизни: «Мы, без сомнения, должны в молитве и страхе Божиим перед своим взором проявлять к ним (евреям) искреннее сострадание и попытаться спасти некоторых из них от огня. Да не посмеем мстить за себя.

Их уже постигла месть, которая в тысячи раз превосходит то, что мы могли бы им пожелать».

56

Чем вызвана перемена в его сердце? Прежде всего тем, что Лютер был невероятно наивным. Он действительно верил, что после того, как он открыл Евангелие, евреи должны были массово принять Христа как Мессию. Когда же они не проявили никаких признаков обращения в христианство, он в гневе обратился против них.

Как бы ни были непростительны его высказывания, мы должны помнить о двух вещах. Во-первых, его враждебность была *религиозной*, а не *расовой*. В его трудах нет ни одного упоминания о чистоте крови, скорее он говорил о чистоте учения. Тот факт, что евреи отвергли Христа, разгневал его. Что же касается его комментариев относительно их богатства, он был уверен, что все это было нажито незаконным ростовщичеством и, следовательно, должно быть конфисковано и положено в фонд для «верующих евреев». Но в корне лежало средневековое представление о том, что на церкви лежала ответственность ненавидеть тех, кто ненавидел Христа. Евреи — «убийцы Христа» таким образом становились мишенью для злобы и преследований.

Во-вторых, мы должны помнить о том, что Лютер жил во времена, когда свобода вероисповедания рассматривалась противоречащей учению, согласно которому землей необходимо править в соответствии с истиной Библии. Тогда не было свободы вероисповедания, известной нам сегодня не только в Америке. Католики преследовали протестантов и при всяком возможном случае протестанты отвечали тем же. Еретиков сжигали у столбов или топили, а евреев воспринимали как величайших «еретиков».

В своих нападках на евреев Лютер следовал по стопам других знаменитых христианских лидеров. Иустин Мученик в своей книге «Диалог с Трифоном» написал, что злключения евреев были божественным наказанием, и что «бедствия постигли вас заслуженно за то, что вы убили Праведника».

Августин порицал евреев за то, что они виновны в пролитии крови Христа, и как «проклятых Церковью». Иоанн Златоуст в 386—87 годах выступил с восемью проповедями, унижающими религию и обычаи евреев. «Бог всегда ненавидел евреев, — проповедовал он. — На всех христиан возложена обязанность ненавидеть евреев». В средние века евреев убивали крестоносцы во время походов в Святую Землю.

Теперь, вероятно, у вас сложилось общее представление. Неудивительно, что сегодня еврейский народ воздерживается от серьезного отношения к заслугам Христа и молится: «О, Боже, окажись кем-то другим, но только не Иисусом!». Они уверены, что принятие Христа как Мессии — это не только отречение от иудаизма, но и отречение от своего наследия, семьи и культуры. Принять Христа означает обнять врага.

14 ноября 1994 года передовая статья газеты «Чикаго трибьюн» вышла под заголовком «Лютеране публично отрекаются от основателя». Несколько сотен лютеран из Чикаго собрались, чтобы отречься от антисемитских трудов Мартина Лютера. Возглавляемые епископом Евангелической лютеранской церкви Америки (ELCA), они подошли к ближайшей синагоге, чтобы провести совместную церемонию в память о декларации об отречении. «Мы разделяем вину тех, кто, нося имя Мартина Лютера, злословил и поносил еврейский народ... И не важно — мы сами говорили или убивали, или стояли молча, в то время как другие поносили и убивали, мы опять распинали нашего Господа», — сказал пастор.

Мы должны похвалить ELCA за смелость, которую они проявили, предприняв попытку к примирению с еврейским сообществом. Фактически каждый еврей, с которым я

разговаривал, цитировал мне высказывания Лютера как еще одну причину, по которой он или она не может принять христианство. Мы обязаны принести еврейскому народу извинения за то, что было сказано о них и сделано с ними во имя Христа. Мы призваны любить евреев, принимать их как избранный Богом народ и, какими бы ни были их ошибки, смотреть на них как на возлюбленных Богом.

Я не могу сделать ничего лучшего, чем привести слова Лютера, сказанные им в те дни, когда его речь более соответствовала христианской: «Если некоторые из них (евреев) проявляют упрямство, то что из этого? В конце концов, мы сами не все являемся хорошими христианами». Мы можем только предполагать, насколько другим было бы отношение евреев, если бы эти слова стояли особо и если бы Лютер провозгласил: «Кто против евреев, тот против христианства».

Мы перед евреями находимся в неоплатном долгу. Библия, которую мы держим в руках, — это еврейская книга, потому что, как сказал Павел, «им вверено слово Божие» (Римлянам 3:2). И они дали нам Спасителя, их Мессию, омывшего нас кровью Своей от грехов наших.

И за это мы глубоко благодарны.

ИУДАИЗМ И НАЦИЗМ

С появлением нацизма ненависть к евреям обрела новое качество. Вместо религиозного возникло новое преследование, основанное на учении о расе и крови. Теории о расовом наложении и крови были распространены в Германии задолго до того, как Гитлер пришел к власти, однако его запомнили как человека, который использовал все эти теории в неудачной попытке основать империю.

Миф о расовой чистоте

Одним из самых примечательных распространителей мифа о расовом превосходстве был Хьюстон Чемберлен — племянник сэра Невилля Чемберлена. В возрасте двадцати семи лет он переехал в Германию, стал зятем композитора Рихарда Вагнера и опубликовал книгу под названием «Основания девятнадцатого века», благодаря которой он взлетел на пик славы. Я исследовал этот двухтомник в библиотеке и нашел его скучным, многословным и бестолковым.

В этой книге он объединил теорию Вагнера об арийской расе господ с теорией Ницше о расе сверхчеловеков. Чемберлен верил, что можно вывести «высшую расу» и что, фактически, она уже существовала в народе Пруссии — могущественного государства, объединившего остальные народы, говорящие на немецком языке. «Точно так же как жемчужина может быть выращена при помощи средств искусственной стимуляции, немецкий разум должен привести арийцев к расовому превосходству и мировому господству».57

О Христе Чемберлен написал то, от чего сердце его знаменитого тестя могло только возрадоваться: «Каждый, кто заявляет о том, что Иисус был евреем, либо глупец, либо лжет... Иисус не был евреем. Он был арийцем». Христианство, по его словам, может быть по достоинству оценено только арийской расой. И эта раса не потеряла своего превосходства

согласно закону природы, но может быть еще более усилена правильным скрещиванием.

Даже Чемберлен не был готов к тому поразительному отклику, который нашла его книга. Вскоре он стал личным оракулом кайзера Вильгельма II, который был главой Германии во время Первой мировой войны. Кайзер сказал ему: «Это Бог дал твою книгу немецкому народу, а тебя лично — мне».58

Чемберлен говорил, что его вели бесы и что большая часть его книги была написана в состоянии транса. Он утверждал, что никогда не знал, когда именно его душа была захвачена духами, направлявшими его в работе над этой книгой. Иногда он становился медиумом и общался с мертвыми, от которых получал послания. Он явно не осознавал, что эти личности не были людьми. Как и все прочие медиумы, он находился в контакте со злыми духами, которые заявляли, что представляют личности умерших.

Когда Германия потерпела поражение в Первой мировой войне, Чемберлен был потрясен и горько разочарован. По сути, именно он подстрекал кайзера Вильгельма II вступить в войну, будучи уверен, что арийская раса преопределена для победы. Однако годы спустя, когда Чемберлен встретился с Гитлером, он пришел в трепет. На следующий день Чемберлен написал ему: «Моя вера в немецкую идею не поколебалась ни на мгновение... Одним махом вы преобразили состояние моей души. В час своей глубочайшей нужды Германия вновь родилась, и Гитлер доказывает ее жизнеспособность. Да защитит вас Бог!».59 Он помог убедить Гитлера в том, что выведение новой расы может стать политической целью. Эта теория о крови стала краеугольным камнем гитлеровского Третьего Рейха.

Чемберлен не сам выдумал эти теории. Они настолько же стары, как и языческая мифология. Когда-то в прошлом возникла легенда, согласно которой было место под названием Атлантида, прошедшее через период семи эпох, в течение которых развивались подрасы. Высшая раса стала гибридом божества и людей — нечто наподобие богочеловека. Когда высшая раса покинула Атлантиду, она направилась в Тибет и Индию. Так появилась свехраса, обладающая магическими силами, и даже духи должны были повиноваться ее приказам. Однако только люди арийской крови могут быть восприимчивы к этой космической силе. Низшие расы не могут принимать участие в будущих мутациях.

Как видно, все это — основания индийской системы каст. Индуизм утверждает, что существуют четыре касты, и самой нижней является так называемая «неприкасаемая» — включая тех недочеловеков, кто недостойн был называться людьми, и карма которых преопределила быть им лишеными достоинства, доступного людям. Тот, кто рождается в низших рангах кастовой системы, существует только для того, чтобы служить тем, кто выше его. Низшие не имеют прав, но должны просто терпеть свою судьбу со всем спокойствием, на которое они только способны. Неудивительно, что Махатма Ганди чуть не уморил себя голодом, противостоя Британии, желающей дать неприкасаемым представительство в парламенте Индии. Низшие люди не заслуживают таких прав!

Кастовая система покоится на трех основаниях. Во-первых, ваше место в обществе определяется рождением (кровью), и в этой жизни ничего нельзя сделать, чтобы изменить ситуацию. Никто не поднимается по лестнице этой жизни — низшие расы остаются таковыми на всем протяжении данного этапа своего существования. Во-вторых, единственная надежда на спасение заключается в перевоплощении, при котором умерший может еще раз воплотиться в более высокой форме бытия. В-третьих, участь в этой жизни и в жизни грядущей определена безликим законом кармы, которая раздает похвалы и суды в соответствии с поступками человека в предыдущем воплощении.

Гитлер был в восторге от индуизма и прочих проявлений оккультизма. В его разуме уже

формировалась индуистская идея о высшей арийской расе, господствующей над низшими. Мы уже знаем, что он позаимствовал свастику у Гвидо фон Листа, однако ее родиной является Индия, где перед ней преклонялись издавна.

Чемберлен подкреплял расовые идеи Гитлера и воодушевлял его видением господствующей расы немецкого народа. Гитлер был поглощен задачей достижения мирового господства. Ранее он уже усвоил индуистскую идею о том, что судьба человека определена кровью, но теперь он верил и в то, что можно ускорить процесс развития высшей расы, искоренив тех, кто относится к низшим. В представлении Гитлера само существование низшей человеческой расы препятствовало развитию расы высшей.

Обучение эсэсовцев

Если кто-то и был более очарован индуизмом, чем Гитлер, так это Генрих Гиммлер, глава наводящих ужас отрядов эсэсовцев. Он систематически общался с личностями из прошлого и заявлял, что сам является воплощением жившего в десятом веке немецкого короля Генриха I Птицелова, с которым он часто общался. Он был членом тайного средневекового общества под названием «Орден Тевтонских рыцарей», учения которых использовал для формирования элитной гвардии СС.

Гиммлер говорил, что ничего не делает, не сверившись с индуистскими писаниями. В особенности он любил книги «Бхагавад-Гита» и «Хинду Артасастра», описывающие систему управления и тотального контроля, что было ценно для него как главы СС. Гиммлер говорил, что карма требует только того, чтобы человек исполнял свои обязанности, не беспокоясь о последствиях. Он усвоил восточное представление о том, что человек может отделиться от этого мира при помощи медитации.⁶⁰

Перед Гиммлером стояла задача выбрать приличную немецкую молодежь и умертвить их совесть, чтобы они были способны исполнять немислимые зверства. Как Гитлер, так и Гиммлер, были уверены, что каждый эсэсовец должен совершать определенные поступки, разрушающие его совесть и чувство порядочности. Только совершая то, что для других кажется достойным порицания, они смогут покончить со своими былыми ценностями. Совесть должна быть умерщвлена при помощи актов варварства. Это должно было послужить двум целям: оборвать связи новобранца с его семьей и друзьями и связать его с новыми друзьями и вождем. Разрыв должен быть настолько полным, чтобы человек не мог вернуться к прежним ценностям никогда. Пытка или убийство должно было объединить его с кровными братьями, пересекшими ту же черту, испытывающими ту же бесчувственность и присягнувшими поддерживать то же самое дело.

Организация СС должна была стать их семьей, источником единства и утверждения, их *Гемайншафт* (обществом). Ни в коем случае никто не мог оставаться наедине с собой, а должен был стать жизненно важной частью большей группы — группы, которая была выше понятий добра и зла. Фюрер (командир) отряда эсэсовцев становился отцом, которого у юноши никогда не было. Эта группа была выше критики — свирепость без вины, бессмысленные пытки без всякой ответственности. Единство и повиновение группы вдохновляло фантазию о всемогуществе — иллюзию того, что они являются частью великого дела.⁶¹

Для преобразования людей в бездумные и бесчувственные машины Гиммлеру требовалось внушить им представление о принадлежности к закрытому секретному сообществу. Он

убедил их, что должна быть развита высшая раса, и если на их пути стоят низшие расы, то научное представление о «выживании сильнейшего» предписывает, чтобы эти расы были истреблены.

Без сомнения, они выполняли «божественную миссию» создания нового человека и могли выполнить ее только в том случае, если этим низшим людям не будет позволено размножаться и населять землю. Они не могли даже подумать о том, чтобы отказаться от выполнения приказа. Тайные ритуалы связывали их в убеждении, что все они — избранные.

Нацисты доказали, что под управлением обычных людей при помощи суровой дисциплины и массированного психологического воздействия можно склонить к совершению самых жестоких и разрушительных преступлений, которые только может выдумать человеческий разум. Исследователи пришли к выводу, что эсэсовцы Гитлера психологически не отличались от остальных людей. Джордж Крен и Леон Раппопорт писали: «Мы пришли к заключению, что подавляющее большинство эсэсовцев — как руководящий, так и рядовой состав — без проблем прошли бы все психиатрические тесты, которые обычно даются новобранцам армии или полицейским города Канзас-Сити».62

Сами эсэсовцы были твердо уверены в том, что они — первый этап создания сверхчеловека. Раса господ начала размножаться. Если убрать с пути всякий ненужный хлам, скорость ее роста увеличится, и преобразование человечества ускорится. Для того чтобы вступить в СС, требовалось установить присутствие арийской крови у предков вплоть до третьего поколения. Войска должны были также соответствовать определенным физическим данным, и каждый член знал о том, что нарушение его клятвы на верность Гитлеру означает смерть как его самого, так и его семьи. Им было доверено дело настолько возвышенное, что они должны были отказаться от своих обычных суждений. Они были в первых рядах строителей нового общества. Целью было стать безразличным к печали или чувству вины, даже если требовалось убивать детей. Они должны были стать такими же сильными, как и их вожди.

В этой группе каждый чувствовал собственную значимость, а их подразделение как боевая единица было вне всякой критики. Человеческая воля была преодолена, всякое самосознание утрачено во имя общего дела. Отряды могли сказать вместе с Германном Герингом: «У меня нет совести! Адольф Гитлер — моя совесть!», или: «И уже не я живу, но Фюрер живет во мне».

Гиммлер, говоря о евреях, подражал словам Гитлера: «Они не относятся к тому же виду, а только имитируют людей... Они настолько же далеки от нас, как животные далеки от людей».63 Его отряды во время марша вместе пели такую песню:

Заострите длинные ножи
О камень мостовой.
Воткните эти ножи в
Еврейскую плоть и кость.
Пусть кровь течет рекой.

Гиммлер также верил в теорию перевоплощения и заявлял, что его отряды, истребляя обитателей концентрационных лагерей, на самом деле проявляют к ним милость. После смерти эти недочеловеки получают спасение в том смысле, что вновь появятся в следующем цикле своего существования. Отряды СС просто помогают этим паразитам улучшить свою карму и достичь эволюционного преобразования.

Само собой разумелось, что те, кто были избиваемы и мучимы голодом в лагерях смерти, не были настоящими жертвами — ими были сами нацисты, вынужденные переносить великие тяготы и лишения ради господствующей расы! Вновь и вновь Гиммлер упоминал о работе эсэсовцев в концентрационных лагерях как о жертве. Это выглядело так, как будто они страдали больше тех, кого они мучили. «Терпеть до конца, — говорил он своим офицерам, — и в то же время иметь рядом достойных товарищей — это то, что делает нас твердыми. Это — страница славы в нашей истории, которая никогда еще не была написана и никогда не будет написана».64 Он принял восточное оккультное представление о том, что человек должен быть отделен от своих поступков, и то, что кажется чудовищным для других, является очищающим для мудрого. То, что называют реальностью, — иллюзорно.

Идеологическая обработка, которой подвергались отряды СС, помогает понять, как они могли совершать чудовищные зверства и, в то же время, возвращаться домой на Рождество, посещать церковь и все еще считать себя хорошими христианами. Они не были убийцами — они были теми, кто созидает расу сверхчеловеков и помогает недочеловекам усовершенствоваться на их эволюционном пути. Благодаря карме каждый просто получал то, что он (или она) заслуживает. Говоря словами Гиммлера, они все еще были «достойными товарищами».

Однако в этой истории есть еще одна сторона. Библия учит о том, что мы искуплены кровью Христа, Который умер для того, чтобы мы были спасены. В Ветхом Завете ясно сказано, что без пролития крови нет прощения грехов. Если мы на минуту остановимся и подумаем об этом, то сможем увидеть, что индуистско-арийский мистицизм был сатанинской копией этого учения. Низшие «существа» в концентрационных лагерях проливали свою кровь, чтобы «очистить» кровь арийской расы. Таким образом, евреи, фактически, выполняли роль жертв арийским богам. *Христианский крест требовал крови Христа, свастика требовала крови еврейского народа.*

Конечно же, я уверен, что индусы предпочитали держаться на расстоянии от зверств Третьего Рейха. Тем не менее, многие из них признавали Гитлера как «аватара», то есть бога, воплощенного на земле для наказания Британии за то, что она поработила Индию в прошлом веке. Прочитую слова Свами Сватантрананды: «Что бы вы о нем ни говорили, Гитлер был махатмой, почти подобным аватаре. Он не ел мяса, он не имел отношений с женщинами, он даже никогда не был женат, и он был зримым воплощением арийского образа правления».65

Хочу пояснить свою точку зрения. Я не обвиняю индуизм за то, что произошло в нацистской Германии. Гитлер и его подручные ответственны перед Богом за свои поступки, и мы должны верить заявлениям индуистских духовных лидеров, когда они осуждают крайности Третьего Рейха. Однако нельзя отрицать и тот факт, что руководители СС верили в учение индуизма, а оно содействовало оправданию «окончательного решения». Основанное на мифических представлениях о крови жестокое учение о кастовой системе стало еще более жестоким под руководством Гитлера.

Миф об избранности личности

Хотя мы и критикуем Гитлера за то, что он вычеркнул евреев из категории людей, мы, живущие в Америке, не должны забывать о том, что у нас есть собственные словесные игры. При помощи искусного правового маневра наш Верховный Суд безосновательно заявляет, что определенная категория людей может быть лишена права считаться людьми. Нерожденные дети — это не люди, говорит Суд, и потому не заслуживают конституционной защиты. Миллионы младенцев были принесены в жертву богам безнравственности и комфорта под полной защитой закона. К сожалению, люди, которые громко выступают как

борцы «за право выбора» (за разрешение абортов), лишают права выбора именно тех, кому оно нужнее всего.

Безосновательность в моральном отношении решения Верховного Суда США, вынесенного в 1973 году, — это не первый случай, когда люди были классифицированы Верховным Судом как не-люди. Дред Скотт был чернокожим рабом, служившим армейскому хирургу по имени Джон Эмерсон. Когда Эмерсон поселился в местах, где рабство было запрещено, Скотт подал в суд прошение об освобождении. Как мог он по закону оставаться рабом в местности, где рабство было незаконным?

К своему большому стыду, Верховный Суд постановил, что чернокожих не имели в виду среди тех, кто мог обладать правами американского гражданина, и потому они не могут рассчитывать на обладание конституционными правами. Чернокожие были описаны как «существа низшего порядка», и раба могли «покупать и продавать и относиться к нему как к обычному предмету товарообмена или торговли, когда из этого можно извлечь прибыль».66

После Гражданской войны Конгресс утвердил поправку к конституции, гарантирующую права «всем людям». Мы, конечно же, аплодируем этому решению, однако нас печалит то, что еще одному классу человеческих существ до сих пор отказывают в правовой защите. Когда мы больше не защищаем самых слабых из нас, то проявляем бездушие, которое печалит Божье сердце. Мы должны покаяться за наш собственный тихий «Холокост», в котором ежедневно лишаются жизни пять тысяч крошечных жертв.

ИУДАИЗМ И АНТИХРИСТ

«Окончательное решение» Гитлера не было по сути таковым. Бог сохранил остаток евреев, утвердил Израиль как государство и сегодня призывает многих евреев к вере во Христа, их Мессию. В конце концов, Он докажет, что ни одно пророческое слово не будет опущено. Избранные Им еще расцветут.

Но впереди предлежит еще один Холокост.

Что за зловещие мотивы скрываются за фанатичной ненавистью Гитлера к евреям? Загадка ужасных страданий евреев раскрывается в 12-й главе книги «Откровение». Этот народ символически представлен как преследуемая женщина, столкнувшаяся с драконом. В то время, как она имела ребенка во чреве, дракон был наготове, чтобы убить ее дитя. Здесь разоблачена суть ненависти к евреям — это непосредственная работа сатаны, желающего истребить евреев, чтобы Бог оказался лжецом, не способным выполнить Свои обетования.

За ненавистью древнего царя Ирода, за теми христианскими лидерами, чей гнев стал камнем преткновения для еврейского народа, и за «окончательным решением» Гитлера стоит непосредственная работа сатаны, который представлен в этом тексте Писания как «дракон». Повествование переходит к середине грядущего периода великой скорби, когда дракон предпримет еще одну попытку своего «окончательного решения». Он пытается поймать женщину в ловушку, однако ей были даны крылья орла, на которых она смогла улететь.

«Дракон пустил вслед ее поток ненависти и войны в попытке убить ее раз и навсегда. И пустил змий из пасти своей вслед жены воду как реку, дабы увлечь ее рекою. Но земля помогла жене, и разверзла земля уста свои, и поглотила реку, которую пустил дракон из пасти своей. И расвирипел дракон на жену, и пошел, чтобы вступить в брань с прочими от семени ее, сохраняющими заповеди Божии и имеющими свидетельство Иисуса Христа» (Откр. 12:15-17).

Обратите внимание на то, что Бог в будущем опять будет делать то, что он делал во время Холокоста Гитлера — Он хранит женщину (народ) даже тогда, когда кажется, что она будет поглощена рекой антисемитизма. Бог приготовил место для нее — она защищена, потому что для еврейского народа все еще остаются определенные обетования, которые еще будут исполнены. Бог позволяет пока что действовать дракону, до тех пор, когда народ, фактически, не потеряет надежду. Но в конце Бог все равно окажется рядом.

Многие израильтяне опять будут задавать вопрос о верности Бога во время периода грядущей великой скорби. Народ будет в отчаянии, не зная о том, что последнее избавление от дракона уже совсем близко. Те евреи, которые верят во Христа, победят дракона «кровью Агнца и словом свидетельства своего» и покажут, что «не возлюбили души своей даже до смерти» (Откровение 12:11).

К счастью, последнему Холокосту наступит конец.

ИУДАИЗМ И ХРИСТОС

В тот момент, когда народы земли окружат Иерусалим и будут готовы уничтожить город и находящихся в нем людей, все взгляды обратятся к горе Елеонской. Христос лично придет, чтобы защитить Свой народ и город Иерусалим.

Захария изображает это следующим образом: «И станут ноги Его в тот день на горе Елеонской, которая перед лицом Иерусалима к востоку; и раздвоится гора Елеонская от востока к западу весьма большою долиною, и половина горы отойдет к северу, а половина ее — к югу» (Захарии 14:4).

В тот момент Израиль как нация осознает, что Христос — их Мессия. Все тот же Захария предсказал, что на них будет излит Дух Святой: «А на дом Давида и на жителей Иерусалима изолью дух благодати и умиления, и они воззрят на Него, Которого пронзили, и будут рыдать о Нем, как рыдают об единородном сыне, и скорбеть, как скорбят о первенце» (Захарии 12:10).

Точно так же, как Иосиф открылся своим братьям, так и Христос откроется Своим кровным родственникам, евреям. Рыдания будут одновременно от печали и от радости — печали от того, что так много времени понадобилось для примирения, и радости от того, что жажда евреев наконец удовлетворена приходом Мессии.

Павел сказал об этом так: «И так весь Израиль спасется, как написано: придет от Сиона Избавитель, и отвратит нечестие от Иакова. И сей завет им от Меня, когда сниму с них грехи их» (Римлянам 11:26-27). В конце концов весь народ, живущий на момент возвращения Христа, будет избавлен физически и спасен духовно.

Бог, оказывается, есть Иисус! Христос устанавливает Свое тысячелетнее царство, куда евреев и язычников равно принимают и ждут.

«И пойдут многие народы и скажут: придите, и взойдем на гору Господню, в дом Бога Иаковлева, и научит Он нас Своим путям и будем ходить по стезям Его; ибо от Сиона выйдет закон, и слово Господне — из Иерусалима. И будет Он судить народы, и обличит многие племена; и перекуют мечи свои на орала, и копыя свои — на серпы: не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать» (Исайи 2:3-4).

Холокосты этого мира наконец-то закончатся!

ГДЕ БЫЛА ЦЕРКОВЬ?

Сегодня многие евреи не верят в Бога, и это — последствия Холокоста. Если есть Бог, рассуждают они, то Он не смог бы оставаться в стороне, не прекратив жестокую несправедливость. К сожалению, церковь, по большей части, не приходила на помощь тем, кто подвергался изгнанию или отправлялся в лагерь смерти. Фактически, некоторые даже присоединились к преследованиям.

Некоторые оправдывали свои действия, утверждая, что евреи страдают потому, что требовали крови Христа, после того как отвергли Его как Мессию. Евреи распяли Христа, однако это же сделали и римляне, и это же делаем и мы. Более того, Христос умер добровольно, чтобы отдать Себя за всех нас. «Потому любит Меня Отец, что Я отдаю жизнь Мою, чтобы опять принять ее. Никто не отнимает ее у Меня, но Я Сам отдаю ее. Имею власть отдать ее и власть имею опять принять ее. Сию заповедь получил Я от Отца Моего» (Иоанна 10:17-18).

Мы не должны полагать, что евреям пришлось пострадать в Холокост потому, что прошлое поколение отвергло Христа. Хотя евреи и расточили свое высокое призвание, это же сделали и язычники. В конце концов, мы все грешники, нуждающиеся в Спасителе, Который «предал Себя за нас», чтобы нам получить искупление. Евреи подверглись суду через Холокост, но то же можно сказать и о нацистской Германии, которая превозносила человека вместо Бога, а также о церкви, которая, дав миру Реформацию, затем погрузилась в пучину человеческих амбиций.

Церковь просто не смогла быть церковью.

В письме, отправленном сторонникам движения «Право на жизнь», описана история, которую я воспроизвожу здесь в сокращенной форме. В одной маленькой церкви на Восточном побережье США пастор проповедовал об абортах, и после служения один немец, который жил в Германии при нацистах, рассказал о том, что ему довелось пережить:

Я жил в Германии во время Холокоста, устроенного нацистами. Я считал себя христианином. Мы слышали рассказы о том, что происходило с евреями, однако старались держаться от всего этого подальше. Ну что мы могли сделать? За нашей маленькой церковью проходила железная дорога, и каждое воскресное утро мы слышали далекий свисток, а затем стук колес по рельсам. Мы приходили в волнение, слыша плач, долетавший из проходящего поезда. Мы понимали, что в этих вагонах, как крупный рогатый скот, перевозили евреев!

Этот свист звучал неделя за неделей. Мы уже боялись слышать стук этих колес, потому что знали, что услышим и плач евреев на пути в лагерь смерти. Их крики мучили нас.

Мы знали время прибытия поезда и, когда раздавался свисток, начинали петь гимны. В то время, когда поезд проезжал мимо нашей церкви, мы пели громче всего. Если до нас долетали крики, то мы пели еще громче, и вскоре их уже не слышали.

Прошли годы, и об этом больше никто не говорил. Однако я во сне все еще слышу свисток того поезда. Боже, прости меня. Прости всех нас, называвших себя христианами, но ничего не предпринимавших для того, чтобы вмешаться.

Эта история, которая так точно передает слабость церкви в Германии, обращается также и к нам: слышим ли мы стук колес того поезда здесь, в нашей стране — плач нерожденных детей в наших клиниках, производящих аборты, отчаяние подвергнувшегося издевательствам ребенка по соседству или скорбь национальных меньшинств, ежедневно подвергаемых дискриминации за их обычный образ жизни? Или наша занятость служением Христу

заглушает этот тихий стук?

К сожалению, только совсем немного немецких христиан смотрели на евреев как на своих братьев и сестер; только совсем немногие принимали их как Христа; только совсем немногие противостояли силам ада, высвобожденным сатанинским правителем. Один делегат Собора Евангелической Церкви, проходившего в 1950 году в Германии, заявил: «В каждом поезде, перевозившем евреев в лагеря смерти на восток, добровольным пассажиром должен был стать как минимум один христианин».67 Тот, кто сохранил свою жизнь, потерял свою честь. И в итоге Бог использовал гонения для того, чтобы вынудить Свой народ ясно осознать свою миссию. Существовали причины, по которым церковь была парализована и не способна обрести силу к действию.

Конфликт был не столько между церковью и Гитлером, сколько внутри самой церкви. Перед церковью стал вопрос, на который она должна была дать ответ: «Что для церкви означает быть церковью?».

Давайте обратим наше внимание на эту борьбу, в которой Бог доказал, что Он не позволит поклоняться Сыну Своему тем, кто поместил Его крест в свастику.

Глава 5

ЦЕРКОВЬ ОБМАНУТА

В окружении знамен со свастиками, расставленных вокруг алтаря Магдебургского собора, его настоятель доктор Мартин заявил в 1933 году: «Каждый, кто оскорбляет этот символ, оскорбляет нашу Германию... Знамена со свастикой вокруг алтаря излучают надежду — надежду на то, что, наконец, приблизился рассвет этого дня».68

С церковных кафедр Германии изливалось почтение перед Гитлером. Пастор Зигфрид Леффлер провозгласил: «Во мраке истории церкви Гитлер стал для нашего времени окном, через которое падает свет на историю христианства. Через него мы смогли увидеть Спасителя в истории немцев».69

30 августа 1933 года пастор Юлиус Лотерсер фонтанировал перлами: «Христос пришел к нам через Гитлера... Благодаря его честности, его вере и его идеализму, Искупитель нашел нас... Сегодня мы знаем, что пришел Спаситель... Перед нами стоит только одна задача — быть немцами, а не христианами».70 Очевидно, что даже в самом начале этой борьбы свастика для пасторов была дороже Креста.

Случилось так, что страна, давшая нам Лютера и Баха, теперь дала миру Гитлера и Вагнера. Церковь, которая была призвана Богом противостоять злу нацистского режима, предпочла принять его. Церкви были украшены свастиками, в центр которых иногда был искусно вплетен крест Христов. Ломаный крест политического спасителя был объединен с крестом духовного Спасителя, чтобы вывести Германию из пропасти, в которой она находилась, к славным высотам чувства собственного достоинства и единства германоязычных областей Европы. Отечество воскресло, немцы опять могли улыбаться.

Сегодня картины этого «святого единства» поражают нас, однако во времена Гитлера быть хорошим христианином подразумевало быть хорошим немецким националистом. Бог и отечество стали фактически одним и тем же.

Когда священнослужители проснулись от своего духовного и политического сна, то слишком поздно обнаружили обман. Только немногие сразу поняли, что Гитлер заслуживает

отвержения, а не почитания, но их голоса утонули в ликующих победных возгласах.

Мы, обладающие преимуществом исторической перспективы, скоры на суд, но если бы мы жили в те времена, то также могли обмануться национализмом. Если бы мы устали постоянно видеть картины лежащей в руинах экономики и родины, терзаемой политическими раздорами, то также могли бы согласиться поверить всякому, у кого был бы план выхода из культурного болота. Как мы уже знаем, политически парализованная Веймарская республика была не в состоянии сделать то, что требовалось. Гитлер имел план, и этого было достаточно.

Германия, как мы видели, была едина в своем гневе по отношению к врагам — как реальным, так и воображаемым. Унизительный Версальский договор, коммунисты и либеральная элита, верившая в демократию — все они рассматривались как угроза восстановлению Германии. Даже для тех, кто называл себя христианами, сильная Германия значила намного больше, чем сильное свидетельство Евангелия, если только Евангелие (как это часто случалось) не понималось по-новому, как призыв к верности немецкому делу.

Должен с печалью отметить, что ненависть к евреям процветала также и внутри церквей. Труды Чемберлена и популярные издания, изображавшие евреев предателями, были прочитаны многими немцами. И хотя евреи составляли небольшой процент населения, на них смотрели как на злодеев, ответственных за поражение Германии в Первой мировой войне. То, что Иисус был евреем, признавалось неохотно, и при этом заявлялось, что «иногда цветы вырастают и на навозной куче». Когда Гитлер 1 апреля 1933 года призвал к однодневному бойкоту еврейских магазинов, многие христиане поддержали его.

Церкви были настолько одурманены успехами Гитлера, что не остановились и не задались вопросом: во имя кого им были даны все эти преимущества? Они говорили о политическом восстановлении как о пробуждении, о времени обновления и духовного укрепления. Церкви обретали силу в результате укрепления экономики и головокружительного оптимизма нации по поводу светлого будущего для Германии. Многие из более благоразумных членов церкви не обманулись, однако большинство не задавало вопросов. Отныне все, что было благом для Германии, было благом и для церкви.

Примерно треть населения Германии составляли католики и две трети — протестанты. К чести католической церкви, она противостояла Гитлеру с большей сплоченностью, чем протестанты. Гитлер знал, что католическая церковь имеет организационную сеть во многих странах, поэтому предпочитал поддерживать хорошие отношения с Ватиканом настолько, насколько это было возможно. Фактически с Ватиканом было подписано соглашение, гарантирующее свободу вероисповедания в обмен на политическую поддержку. К сожалению, когда Гитлер начал нарушать свои обещания, лидеры церкви были поставлены в тупик. Они уже заявили о своей верности ему, и теперь их вынуждали быть неверными. В итоге их постигла, по существу, та же участь, что и протестантов.

Многие священнослужители были обмануты. Один католический приходской священник по имени отец Фалкан сказал: «Я должен признать, что рад был видеть, как нацисты приходят к власти, так как в то время думал, что Гитлер как католик был богобоязненным человеком, который сможет сразиться с коммунизмом ради Церкви... Антисемитизм нацистов, так же как и их антимарксизм, был для церкви привлекательным». ⁷¹

Гитлер с презрением отзывался как о протестантах, так и о католиках, будучи уверенным, что

все христиане предадут своего Бога, когда будут вынуждены сделать выбор между свастикой и Крестом: «Вы действительно верите в то, что массы останутся христианами? Вздор! Никогда! Сказка окончена. Больше никто ее не будет слушать. Однако мы можем ускорить процесс. Священники выроют могилы сами себе. Они предадут своего Бога ради нас. Да они все предадут ради своей жалкой работы и зарплаты».72

«Они предадут своего Бога ради нас». К сожалению, многие пасторы именно так и поступили. Слабость церкви в определенных вопросах привела к тому, что сопротивляться подобному искушению было трудно. В темную ночь гонений они предали своего Бога. В итоге как католики, так и протестанты, осознали свое бессилие в том, чтобы остановить нацистский «каток». Тем не менее, хотя сопротивление церкви и было слабым, — оно было единственным организованным сопротивлением Гитлеру. Ему не бросили вызов ни университеты, ни школы, и только часть церкви имела мужество сделать это.

СОСТОЯНИЕ ЦЕРКВИ

То, что Гитлер обманул церковь, достаточно очевидно, однако мы также не должны забывать, что церкви в Германии проповедовали популярные темы немецкой культуры еще задолго до прихода к власти Гитлера. Они были готовы оказаться обманутыми, и, как кто-то выразился, они хотели быть обманутыми. Обольщение не пришло неожиданно, а стало частью долгой истории. Как утверждает один историк, состояние церкви до прихода Гитлера заслуживало не меньшего порицания, чем противостояние Гитлера церкви.

Национализм

Нужно считаться с тем фактом, что церковь в Германии имеет долгую историю как крайне националистическая. Во время господства Пруссии во главе церкви стоял король. Духовенство подчинялось политическому главе государства. Поскольку церковь имела тесные связи с немецкой монархией, легко понять, почему она оказалась на повзду у политиков.

Я как-то стоял в Мемориальной церкви кайзера Вильгельма в Берлине (теперь это — памятник ужасам Второй мировой войны) и удивлялся, глядя на барельеф, на котором были изображены Христос и кайзер, как будто они вместе были спасителями немецкого народа. Военные победы Пруссии изображались как победы Христа и христианской религии.

Нет ничего удивительного в том, что протестантские лидеры призывали к синтезу *фолькштума* (немецких национальных особенностей) и христианства. Поскольку все протестантские церкви были разделены на более чем двадцать независимых областей, цель заключалась в том, чтобы эти региональные церкви были заменены церковью *Рейха* — централизованной национальной церковью. Некоторые лидеры хотели видоизменить вероучения церкви, чтобы привести его в соответствие с национал-социализмом. Они стали известны как «немецкие христиане» с акцентом на слове «немецкие». Когда Гитлер пришел к власти, подавляющее большинство этих руководителей горячо приветствовали его. Они полагали, что сильная Германия означает сильную церковь.

Для церкви оказалось почти невозможным делом оказать сопротивление немецкой культуре. Словно прикованная к месту, она явно не могла противостоять росту немецкого национализма и осудить его в нужный момент. Национализм был настолько распространен, что кайзера воспринимали как правящего по «божественному праву» в качестве Божия предстоятеля христианского народа. Солдат, умиравших в Первую мировую войну, почитали как

мучеников за Христа.

Церковь присоединилась к общей оппозиции демократии Веймарской республики и правам личности. Демократия была слабой формой правления, уделявшей слишком много внимания личным правам человека. Если государство хотело быть сильным, личные свободы должны были быть отставлены ради блага единой, экономически стабильной и сильной нации. Христиане стояли за высокое положение Германии, ее военную мощь и величие. Они жаждали вернуться в старые добрые времена, когда правил монарх, был порядок и победы были обильны.

Один человек, живший в нацистской Германии, рассказывал мне, как некоторые католические священники угрожали отказом в причастии тем прихожанам, которые проявляли благосклонность к Веймарской республике. В протестантских и католических церквях проводились служения посвящения в штурмовые бригады Гитлера — это были герои, всецело преданные новой Германии. Они сражались за Отечество и за успех народа, который заслуживал того, чтобы оставить позади унижение и опять обрести чувство собственного достоинства.

В состоянии восторженного поклонения профессор Адам, богослов из Тюбингена, приветствовал Гитлера как человека, который открыл глаза немецкому народу, объединил и освободил его:

Вот, он стоит перед нами — тот, о ком зывали голоса наших поэтов и мудрецов — освободитель духа Германии. Он снял бельмо с наших глаз, все политические, экономические, социальные и конфессиональные покрывала, дал нам возможность увидеть и вновь полюбить то, что является единственно важным — наше единство крови, наше немецкое «Я», хомо германус.⁷³

Вот так этот профессор, как и прочие, воспел хвалу Гитлеру. Церковь оказалась в вихре его растущей популярности — радостной эйфории, доселе редко наблюдавшейся среди сдержанных немцев. К месту рождения Гитлера стекались большие толпы народа. Для того чтобы почтить место рождения его матери в Шпиттале, поклонники приезжали даже на автобусах. Они спускались к дому на ферме, где Гитлер в детстве проводил летние месяцы. Джон Толанд пишет: «Они взбирались на крышу, чтобы сфотографироваться; пробирались на внутренний двор, чтобы умыться в деревянном корыте, как будто в нем была святая вода; и откалывали кусочки от больших камней, поддерживающих сарай».⁷⁴ Они рисовали свастики на коровах и маршировали вокруг, распевая песни о Гитлере.

Членам церкви, достаточно проницательным для того, чтобы понимать, что подобное идолопоклонство навлечет Божий суд, оказалось сложно противостоять стремительному потоку общенародного поклонения. В основном, сомневающиеся держали свои сомнения при себе.

Либерализм

В большинстве своем церковь отказалась от исторической христианской веры и предпочла богословский либерализм, а именно — они читали Библию и, отрицая уникальность Христа, пытались отделить истину от лжи. Без ясного послания о покаянии и веры только во Христа как в Сына Божьего, церкви заменили кротость и смирение Христа гордым знаменем христианизированного национализма.

Несмотря на то что часто цитировались слова Мартина Лютера, о нем, тем не менее, не вспоминали как о человеке, проповедовавшем о божественности Христа, способного

полностью примирить развращенных грешников с бесконечно святым Богом. Христов Крест Лютера не мог удобно сочетаться со свастикой. В присутствии Креста, о котором провозглашал Лютер, люди смирялись, а крест, который так искусно поместили внутрь свастики, разжигал гордость.

Поскольку всех немецких младенцев крестили в церкви, мало кто говорил о необходимости индивидуального обращения ко Христу во взрослом возрасте. Того факта, что имя было занесено в церковный реестр, было вполне достаточно для того, чтобы подтвердить, что человек является христианином. Все, что ожидалось от хороших христиан, — это помочь Германии стать великой.

Конечно же, были некоторые исключения, о чем мы поговорим в следующих главах. Были искренние христиане, вкрапленные в массу народа. Совсем немного было тех, кто продолжал считать, что Крест сильно отличается от свастики. Но, по большей части, церковь оказалась увлечена духом времени. Она видела свою роль в том, чтобы помогать смывать позор прошлого и приближать лучшее будущее. Она радовалась устранению безработицы, повышению уровня жизни и осознания собственного достоинства, возрождающего осажденную нацию.

Пусть евангелисты не думают, что между истинными христианами, которые не были обмануты Гитлером, и националистами всегда существовало четкое разделение. Когда Освальд Смит из «Народной церкви» в Торонто (миссионер, государственный деятель и человек с безупречными евангелическими рекомендациями) посетил в 1936 году Германию, он вернулся под сильным впечатлением от того, что Гитлер сделал для страны.

Доклад Смита был основан на услышанном не от либеральных, а от евангелических христиан. Учтите также, что Смит написал это в 1936 году, когда прошло много времени после партийных чисток Гитлера и уже начались преследования евреев. Германия, по словам Смита, «пробудилась». Вот его доклад.

Каким, спросите вы, является реальное отношение немецкого народа к Гитлеру? Ответ может быть только один: они любят его. Да, все от мала до велика, дети и родители, равно старые и молодые — они любят своего нового вождя. Их уверенность в нем невозможно поколебать. Ему доверяют все до одного.

«А как же ваши выборы?— спросил я.— У вас нет альтернативы — только Гитлер и никто другой. У него нет оппонентов». «Мы не хотим другой партии,— ответили они с возмущением.— У нас было достаточно партий. Мы хотим настоящего вождя — человека, любящего нас и работающего для нашего блага. Нас вполне устраивает Гитлер». И такое отношение проявляется повсюду. Каждый истинный христианин — за Гитлера. Я знаю это, потому что большую часть своей информации получил от христиан, и, правильно это или нет, все они поддерживают Адольфа Гитлера.⁷⁵

Наибольший интерес представляют комментарии Смита об обращении с евреями. Ему было «жаль, что хорошим евреям приходится страдать в равной мере. Но кто может разобраться в час правления толпы и насилия? Даже Гитлер не может сдержать своих последователей».

Смит даже полагал, что в Германию пришло евангелическое пробуждение с проповедью в церквях Евангелия Христа. Христианские лидеры уверяли его, что пока проповедуется Евангелие, «Германия в безопасности».

Тем не менее, христианам — как либеральным, так и консервативным — следовало знать, что Германия не была «в безопасности». Как мы увидим в следующей главе, назревало преследование церкви. У лютеран уже возникли разногласия по вопросу подписи пасторами условия арийского происхождения — заявления, запрещающего лицам еврейской крови быть

проповедниками в Германии.

Христиане всех направлений были обмануты Гитлером — по крайней мере, в начале. Однако либералы, которые были «колеблющимися и увлекающимися всяким ветром учения», оказались особенно уязвимыми для вихря нацистского смерча. Даже после того, как цель Гитлера стала, наконец, очевидной, они не были готовы страдать за Евангелие, от которого уже давно отказались. Их больше интересовали чудеса пробудившейся Германии, чем чудеса, описанные на страницах Нового Завета. Спасение в этом мире было более важным, чем спасение в невидимой грядущей жизни.

Две сферы

Мы уже познакомились с доктриной о «двух сферах», которая, говоря по-простому, означает, что Христос — Господь церкви, а кайзер (или Фюрер), образно говоря, «господь» в политической сфере. Верность в политике являлась такой же высокой и почетной обязанностью, как и верность Богу. И верность Богу лучше всего проявлялась в верности государству.

Таким образом, личные ценности — честность, воздержанность и сострадание — на общественные ценности не распространялись. Война прославлялась, и благо государства ставилось выше блага отдельного человека. С пламенной верой в то, что повиновение государству произведет новое общество, немцы были готовы сделать все, что потребует их Фюрер. Их обязательства перед Богом были духовными, а обязательства перед государством — политическими.

Детей в Германии учили незамедлительному и искреннему повиновению родителям, учителям и военным командирам. Уважению к *орднунг* (порядку) учили посредством особого посвящения и угрозы наказания. Каждый должен был идти в ногу с нацией к ее высшему благу. При этом часто цитировалось послание к Римлянам (13:1-2): «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение».

Внутри лютеранской церкви было строгое движение пиетизма, которое настаивало на возвращении к библейскому благочестию, то есть поклонению Богу сердцем. Большинство эти люди противились библейской учености (особенно либерального характера) и отказывались от интеллектуальных богословских дискуссий внутри Германии. Они свидетельствовали о спасающей благодати Христа, однако верили, что миссия церкви заключается только в проповеди Христа.

Пиетизм с его акцентом на личном посвящении Христу внес духовную жизнь в основное течение лютеранской церкви. Однако, ревностно придерживаясь верности политическим властям и настаивая на повиновении государству даже в том случае, если это противоречит личным убеждениям, пиетизм внес совсем незначительный вклад в сопротивление потоку нацизма. Одна из форм пиетизма сегодня все еще популярна в Америке среди тех, кто верит, что мы должны удалиться от своих культурных сражений в пользу просто «проповеди Евангелия» и оставаться вне политики. Однако они кое-что забывают: когда государство вторгается в наши свободы, наша духовная сфера будет продолжать сжиматься до тех пор, пока мы вообще не лишимся всех своих свобод. Никто не сможет убежать и спрятаться.

Известный евангелист Джеймс Добсон в недавнем письме, адресованном своим сторонникам, задает читателям ряд вопросов. До какой степени мы будем готовы защищать

то, во что верим? Будут ли протестовать родители, если их детям в общественной школе будут регулярно внушать идеологию гомосексуализма или оккультизм? Будем ли мы протестовать, если государство станет указывать пасторам, что они могут говорить с кафедры, а что нет? (В Швеции один евангелический пастор, проповедовавший о Содоме и Гоморре, был обвинен в «словесном насилии» по отношению к гомосексуалистам и приговорен к четырем неделям тюремного заключения.) Будем ли мы протестовать, если государство пожелает завладеть нашими детьми и начнет указывать нам, как их воспитывать, или даже лишит нас попечения над ними? Будем ли мы протестовать, если все церкви будут вынуждены принимать на работу гомосексуалистов, чтобы исполнить обязательства по квоте рабочих мест для представителей меньшинств?⁷⁶

Будь то нацистская Германия или современная Америка — верующие не должны оставаться безмолвными под маской проповеди Евангелия. Конечно же, проповедь Евангелия — это наша главная ответственность, так как только крест Христов может преобразить человеческое сердце, однако, как будет показано в следующей главе, мы должны иметь более полное представление о том, что означает для церкви на самом деле быть церковью в обществе.

Гитлер вскоре попытался заставить церковь принять то, что он называл «позитивным христианством», которое было более радикальным, чем ожидали даже самые националистические церкви. Его план, как оказалось впоследствии, был рассчитан на уничтожение церкви. Он, фактически, хотел совершить такие коренные преобразования церкви, чтобы изгладить любые следы христианства. В церкви не было места одновременно для Креста и для свастики. Как он сам размышлял: «Один бог должен господствовать над другим». Учитывая слабость церкви, его цель казалась вполне достижимой, однако она была не столь простой, как он вначале думал.

ГИТЛЕР ОВЛАДЕВАЕТ НАЦИЕЙ

В начале Гитлер потребовал сантиметр, затем — метр, и, в конце концов, — целый километр. Преображая общество, он преобразил и церковь. Он не мог обрести покой до тех пор, пока его ломаный крест не заменит полностью крест Христов. Стратегия Гитлера по покорению немецкого народа состояла из трех этапов.

Ложь государства

Гитлер верил в ложь. Он говорил, что «большая ложь всегда имеет определенную степень правдоподобия, так как большим массам народа... проще пасть жертвами большой лжи, чем маленькой». Он формировал культуру и религию Германии при помощи лжи, что вскоре отразилось в законах.

После принятия присяги канцлера, он отдал должное христианству как «ключевому элементу защиты души немецкого народа» и пообещал уважать права церквей. Он заявил о своем стремлении иметь «мирное согласие между Церковью и государством».⁷⁷ Он также выразил намерение улучшить свои взаимоотношения с Папой Пием XII.

По его словам, он был готов дать церквям свободу «в той мере, в какой это не вредит государству». Конечно же, за этим обещанием лежало его собственное определение того, что может быть вредным. Но его заверения, а также соглашение с Ватиканом, гарантирующее свободу католической церкви, радостно приветствовалось.

Статья 24 программы партии требовала «свободы для всех религиозных конфессий в государстве до тех пор, пока они не представляют собой опасности... нравственным чувствам немецкой расы». Гитлер высказывался одобрительно о своем «позитивном христианстве», которое должно было содействовать борьбе Германии. Выдавая себя за миротворца, он заслужил определенную благосклонность, так как церквям нравилось то, что он использует слово «свобода». Очевидно, он надеялся, что у народа с самого начала сложится о нем хорошее мнение, даже если впоследствии оно уже и не будет столь хорошим.

Однако неофициально Гитлер открывал свои настоящие намерения. Герман Раушнинг пишет, что вскоре после своего прихода к власти Гитлер отметил, что ни у католических, ни у протестантских конфессий нет будущего. Он говорил, что примирение с церковью «не удержит меня от уничтожения христианства в Германии — корня и ветвей. Каждый будет или христианином, или немцем. Вы не можете быть одновременно и тем, и другим».⁷⁸

21 марта 1933 года в Гарнизонной церкви в Потсдаме Гитлер разыграл впечатляющий спектакль на открытии очередной сессии Рейхстага. Помпезностью и церемониалом он пытался убедить народ в том, что сможет последовать по консервативному пути и достичь гармонии с церквями. Два дня спустя Рейхстаг принял так называемый «Закон о полномочиях», согласно которому власть Рейхстага была понижена до «рупора» партии. Большинство, необходимое для принятия законопроекта, было обеспечено при помощи ареста одних членов парламента и угроз по отношению к другим. К июлю Гитлер провозгласил нацистов единственной партией в Германии.

Однако в те первые дни слова «свобода» и «мир» звучали во всех его речах. Этим он заверял массы, что, хотя у них и есть некоторые опасения, однажды они поймут его лучше и узнают, что он — на их стороне.

Затем Гитлер, как специалист по обману, начал искать предлог для оправдания усиления контроля. Точно так же, как поджог Рейхстага стал предлогом для временного исключения личных свобод, он создал другие возможности для пренебрежения обычными средствами правосудия.

В качестве прелюдии к попытке взять под свой контроль церковь Гитлер устранил некоторых из своих противников, ложно обвинив священнослужителей в измене, воровстве и сексуальных злодеяниях. Министр пропаганды Геббельс настаивал на том, чтобы эти судебные разбирательства были в деталях опубликованы в газетах, выставив таким образом напоказ сенсационные подробности об известных служителях, священниках и монахинях. Священники, предостерегавшие родителей от того, чтобы они позволяли своим детям поступать в отряды Гитлерюгенда, подвергались шантажу. Так Гитлер закрывал рты тем, кто осмеливался противостоять ему. Католических священников, монахинь и церковных лидеров арестовывали по сфабрикованным обвинениям, а религиозные издания запрещались.

Гитлер всегда говорил, что лучшим способом победить врагов является их разделение. Он поощрял движение с простым названием «Верующие в Бога», созданное специально для того, чтобы убеждать людей прекратить посещать церкви. Подоплека была в том, что теперь появилась альтернатива церкви — все, что она выполняла, теперь могло быть сделано в другом месте и другим способом. Государство могло совершить обряд посвящения младенцев; государство могло иметь собственные праздники без необходимости отмечать христианские.

Бракосочетания также могли проводиться государством. При этом для того, чтобы вступающие в брак могли исполнить свое предназначение, часто произносились благословения «матери-земли» и «отца-неба». Когда государство совершало обряд крещения

младенца, отец приносил ребенка на щите, завернутым в одеяло из неокрашенной шерсти и вышитое свастиками. Ребенок, по сути, посвящался немецкому государству, после чего его имя записывалось в реестр.

В 1935 году молитвы в школах перестали быть обязательными, а религиозные наставления, хотя еще и не были полностью запрещены, ограничивались только дозволенными государством. Таким образом, догмы нацизма заменили учение Библии. Преподавание предметов в школах велось сквозь призму режима.

Поскольку немцы веками праздновали Рождество и Пасху, Гитлер по-новому истолковал их значение. Рождество превратилось во всецело языческий фестиваль. По крайней мере для эсэсовцев дата праздника была перенесена на 21 декабря — день зимнего солнцестояния. Рождественские гимны и театральные постановки были убраны из школ в 1938 году, и даже название Рождества было изменено. Распятая были убраны из классных комнат, а Пасха превратилась в праздник, возвещавший о приходе весны.

Следует отметить, что сегодня, благодаря борцам за социальные свободы, которые стремятся выскрести из жизни страны любые остатки христианства, те же самые перемены происходят и в Америке. То, чего Гитлер достигал при помощи своих указов, может быть достигнуто при помощи наших судов. Несмотря на то что преступность вышла из-под контроля, стремительно возрастает беззаконие, а наркотики уничтожают нашу молодежь, организация ACLU посвятила себя тому, чтобы устранить все «финансируемые государством» ритуалы религиозных праздников. Никаких рождественских песен в школах, никаких рождественских постановок в общественных местах, никаких крестов на государственных зданиях.

Не особо отличаясь от наших доморощенных социальных прожектеров, Гитлер проповедовал о том, что дети принадлежат Рейху. Родителям Гитлер невозмутимо заявлял: «Ваш ребенок уже принадлежит нам... А вы кто? Однажды вы умрете. Но ваши потомки теперь находятся в новом окружении. Пройдет немного времени, и они не будут знать ничего, кроме этого нового общества». В другой речи он сказал: «Этот новый Рейх никому не отдаст своей молодежи, но сам будет брать молодежь и давать ей собственное образование и собственное воспитание».⁷⁹

Отряды Гитлерюгенда соперничали с образовательной системой государства. Частные школы были упразднены, и к 1938 году все образование было объединено под идеологией нацистов. Учебники были переписаны, чтобы отражать точку зрения о расовом соответствии, давать логическое обоснование военному развитию и делать акцент на истории и культуре Германии. Тот, кто не соглашался следовать нацистской программе (читайте «быть политически корректным»), подвергался дисциплинарным взысканиям, изгнанию или казни. Если учителя хотели сохранить свои рабочие места, они должны были принять присягу верности Гитлеру.

Сожжение книг стало обычным делом. Во время посещения Берлина я стоял на площади напротив Берлинского университета (теперь он называется Университет Гумбольта), где вечером 10 мая 1933 года состоялся парад нескольких тысяч студентов с горящими факелами, организованный для сожжения около двадцати тысяч книг. Многие из этих книг были написаны знаменитыми немецкими и другими всемирно известными авторами наподобие Герберта Уэллса и великого физика, еврея по происхождению, Альберта Эйнштейна. Министр пропаганды Гитлера, Геббельс, обращаясь к студентам, сказал: «Душа немецкого народа опять может выразить себя. Это пламя не только освещает окончательное завершение старой эпохи, но и дает свет новой».⁸⁰

Поначалу программа Гитлера встречала значительную оппозицию, однако очень немногие высказывались против нее из-за страха перед репрессиями. Кроме того, люди страстно желали верить мифу о том, что после того как Гитлер укрепит свою власть, он расслабится и даст больше свободы. Другие же воспринимали эти новые идеи как некий вид обмена на экономические и политические выгоды, которыми они теперь обладали. Они слишком поздно осознали, что все это — только начальные этапы полного захвата власти нацистами.

Нация, обольщенная пропагандой, была сориентирована на преследования. Ложь стала законом.

Законы государства

Законы всегда отражают приоритеты, программу и ценности народа. В нацистской Германии законы больше не рассматривались как покоящиеся на теистическом (а тем более на христианском) мировоззрении. В действительности не брались в расчет даже законы природы. После того как Гитлер принудил Рейхстаг передать ему полномочия создавать законы, оказалось, что те законы, которые он разработал, были деспотическими по сути и предназначенными специально для осуществления целей государства. Нацисты заявляли: «Гитлер — это закон!». Как выразился по этому поводу Геринг: «Закон и воля Фюрера едины».⁸¹ ***Правильным и неправильным было то, что Гитлер называл правильным или неправильным.***

Нюрнбергские законы, принятые 82 сентября 1935 года, лишали евреев немецкого гражданства, ограничивая их статус до «подданных». Они запрещали браки между евреями и арийцами, а также сексуальные связи между ними. Это был фундамент для тринадцати специальных законов против евреев, которые фактически объявляли последних полностью вне закона. Многие из евреев были лишены средств к существованию и вынуждены голодать. Во многих городах им было запрещено покупать продукты или заниматься предпринимательской деятельностью.

Существовали также законы относительно измены. Измена была определена как все, что противоречит воле и целям Рейха. Критика была изменой; свобода прессы была изменой; отказ поддерживать программу Рейха был изменой. И, опять-таки, изменой было то, что Гитлер называл изменой.

В 1936 году для расследования актов измены был учрежден Народный суд. На каждое заседание суда назначалось пять судей, трое из которых всегда назначались Гитлером или одним из его приближенных «с учетом их особых познаний в защите от подрывной деятельности или их более глубокого понимания политических настроений в народе». Судебное разбирательство держалось в тайне, а наказание было суровым. Имена умерших под топором палача печатались на малиново-красных афишах.

Опыт нацистской Германии напоминает нам о том, что тот, кто контролирует законы нации, контролирует ее программу действий и ценности. По этому поводу хорошо сказал Русас Рашдуни: «За каждой законодательной системой стоит какой-то бог. Для того чтобы найти бога в какой-либо системе, определите в ней источник закона». Если источником закона является диктатор, суды или отдельные люди, то богом такой системы является человек. Рашдуни добавляет: «Выбирая себе авторитет, вы выбираете своего бога, и там, где вы ищете свой закон, и находится ваш бог».¹⁵

Упрочив свои позиции абсолютного диктатора, Гитлер мог создавать законы, какие хотел, и насмехаться над своей внешне бессильной оппозицией. Он всегда упоминал о протестантах с

презрением, говоря о них: «Вы можете сделать с ними все, что хотите... Они подчинятся... Они — ничего не стоящие людишки, которые покорны, как собаки, и только смущенно потеют, когда вы обращаетесь к ним».83 Он знал, что сопротивление его планам исходит только со стороны незначительного меньшинства протестантских лидеров.

К счастью, не все протестанты были «покорными, как собаки». В следующих главах этой книги мы познакомимся с некоторыми из тех, кто противостоял Гитлеру, платя за это высокую личную цену. Но их было слишком мало, да и было уже слишком поздно.

Хозяин страны

Гитлер начал со *лжи*, которая была отражена в его *законах*, и, в конце концов, выступил как *хозяин*. Он добился почти абсолютного контроля, которого так жаждало его безумное сердце.

Может возникнуть вопрос: почему Гитлер смотрел на христианство (даже в национализированном немецком варианте) как на угрозу? Ответ был дан в одном увиденном мною телевизионном интервью с человеком, который был современником Фюрера. В ответ на вопрос, почему Гитлер так стремился уничтожить христианство, этот человек просто сказал: «В любом конфликте между богами один должен господствовать над другим».

Перед тем как перейти к рассмотрению борьбы, которая происходила внутри церкви, мы должны понять, какую конечную цель преследовал Гитлер, когда он пытался организовать Национальную церковь Рейха. Я частично воспроизвожу программу, разработанную близким другом Гитлера Альфредом Розенбергом. Она состояла из тридцати пунктов, открыто оскорбляющих Христа и настаивавших на том, чтобы церковь заменила христианство язычеством нацистского движения. Вот некоторые из жутких пунктов этой программы:

1. Национальная церковь Рейха Германии категорически заявляет об исключительных правах и исключительной власти управлять всеми церквями в пределах Рейха. Она объявляет их национальными церквями немецкого Рейха.

.....

13. Национальная церковь требует незамедлительного прекращения издания и распространения Библии в Германии.

14. Национальная церковь заявляет, что для нее, а значит и для всего немецкого народа, книга Фюрера «Майн Кампф» является величайшим из всех документов. Она... не только содержит великие идеи, но и олицетворяет самую чистую и самую истинную мораль для настоящей и будущей жизни нашего народа.

.....

18. Национальная церковь уберет со своих алтарей все распятия, Библии и изображения святых.

19. На алтарях не должно быть ничего, кроме книги «Майн Кампф» (самая священная книга для немецкого народа, а следовательно — и для Бога), а слева от алтаря должен находиться меч.

.....

30. Со дня принятия христианский Крест должен быть убран из всех церквей, соборов и

часовен... и должен быть заменен единственным непобедимым символом — свастикой.⁸⁴

Заметьте, что просто поместить свастику рядом с крестом было недостаточно — она должна была полностью заменить его. Библия не могла находиться рядом с книгой «Майн Кампф» — только нацистская «библия» должна была лежать на алтаре. Другими словами, Богу небес следовало уступить дорогу богу национал-социализма.

СИЛА ЗАКОНОВ НАЦИИ

Теперь должно быть ясно, что моральный климат страны в значительной степени определяется ее законами. Когда Гитлер создавал законы, Германия формировала свой собственный образ. Как, по существу, сказал Рашдуни: «Покажите мне ваши законы, и я покажу вам вашего Бога!».

После поражения Гитлера, в Нюрнберге состоялся судебный процесс над военными преступниками, чтобы вина приспешников Гитлера была доказана. Но разгорелся спор относительно того, какие законы должны быть использованы для вынесения приговора обвиняемым. Дело в том, что соратники Гитлера доказывали (и весьма аргументированно), что они не нарушили никаких законов — их действия совершались под защитой их собственной правовой системы.

Они не могли быть обвинены в убийстве, так как из понятия «личность» были исключены евреи и прочие нежелательные элементы. Эти люди просто следовали законам, учрежденным судами их времени. Как перед своей казнью протестовал Эйхман: «Я просто следовал законам войны и флага».

Здесь, в Америке, группа протестующих, пикетировавших клинику, в которой совершались аборт, была обвинена в клевете за то, что назвала тех, кто совершает аборт, убийцами. Так же, как и эмиссары Гитлера, люди, совершающие аборт, доказывали, что они не могут быть названы убийцами, так как не нарушают никаких законов. Опыт Нюрнберга и тихий Холокост, проводимый в наших клиниках, совершающих аборт, красноречиво свидетельствуют об одном: когда государство не подотчетно никому, кроме самого себя, оно предполагает, что все, являющееся законным, нравственно. Закон — это просто то, что суды называют законом.

Спор в Нюрнберге был разрешен, когда главный советник Соединенных Штатов Роберт Джексон настоял, чтобы за основу были взяты непреходящие ценности и стандарты, которые превосходят ценности и стандарты любого отдельно взятого общества. Он доказал существование «закона над законом», который осуждает произвольные мнения людей. «Однако я твердо убежден, что подобные законы не могут быть получены ни от природы, ни на основании опыта, но только в результате божественного откровения».⁸⁵

Если мы в Америке будем двигаться в направлении надуманных социологических законов, то государство расширит свою власть, и церковь будет вынуждена либо идти в ногу с изменениями, либо столкнуться с последствиями.

Так же, как и Гитлер, антихрист преобразит свой мир, подменив законы. В книге пророка Даниила (Даниила 7:25) сказано, что он внесет изменения во «времена и закон». Подобно Гитлеру, он начнет со лжи, затем создаст законы, и, в конце концов, ему начнут поклоняться.

Его контроль будет распространен на все мелочи и подробности повседневной жизни. Он

станет еще одним Гитлером — более могущественным, более заслуживающим доверия, более нечестивым, более жестоким.

Гитлер был глубоко уверен, что преобразованию государства должна предшествовать пропаганда. Сегодня в Америке мы можем увидеть, как средства массовой информации могут формировать ценности культуры и способствовать установлению общества, воюющего с былыми ценностями. Будь то аборт, особые права гомосексуалистов или программа «политической корректности», ограничивающая свободу слова, — отношение народа может измениться, если достаточно много людей говорит одно и то же достаточно часто. Ложь часто превращается в законы.

Мы создали набросок большой картины. Теперь взглянем на все описанные события изнутри церкви и попытаемся понять эту борьбу, прислушаться к спорам и научиться от тех, кто может нас наставить. Давайте представим, как бы мы поступили, если бы жили в те трудные времена.

Глава 6 ЦЕРКОВЬ РАЗДЕЛЕНА

Исповедуй! Исповедуй! Исповедуй!» Слова эхом отдавались в святилище лютеранской церкви Троицы в Берлине. Молодой богослов умолял собрание осознать свою ответственность в час, когда свидетельство и сила в высшей степени необходимы. Он настаивал на том, что если церковь утвердится во Христе как на Скале, то

церковь не заберут у нас... Я обращаюсь к тем, кто остался один, кто потерял церковь: давайте обратимся к Святому Писанию, давайте выступим и попытаемся воссоединить церковь... Ибо это время — время крушения здравого смысла человека — может также стать для нее великим временем устройства... Церковь, оставайся церковью... Исповедуй!
Исповедуй! Исповедуй!⁸⁶

Это было 23 июля 1933 года. Молодым богословом был Дитрих Бонхёффер. В январе того же года Гитлер стал канцлером Германии. Буквально на следующий день этот молодой человек, который не обманулся замыслами Фюрера, выступил с обращением по радио, предупреждая о том, что, когда народ боготворит правителя, «образ вождя постепенно становится образом обманщика. Так вождь превращает себя в идола и насмехается над Богом». Еще до того, как Бонхёффер успел сказать в эфир эти последние фразы, его микрофон загадочным образом отключили.

Бонхёффер продолжал напоминать каждому, кто его слушал, о том, что у церкви есть только один алтарь, перед которым она должна склонять колени, и это алтарь Всемогущего. Надменность церкви, заявлял он, должна быть осуждена унижением Креста. «Божия победа означает наше поражение и наше унижение. Она означает праведный Божий гнев по отношению к любому человеческому высокомерию, которое пыжится, пытаясь представить себя очень важным в своих собственных глазах. Это означает, что Крест превыше мира... Крест Христов, который означает горькое презрение Бога ко всем человеческим высотам, мучительное страдание Бога во всех человеческих глубинах, правление Бога над всем миром... Вместе с Гедеоном мы склоняемся пред алтарем и говорим: «Господь на Кресте, только Ты будь нашим Господом. Аминь».⁸⁷

Кризис, о котором мы говорим, был только отчасти конфликтом между Гитлером и христианством. В основном это была борьба церкви против самой себя. Борьба лжи и

истины, свастики и Креста. Это была борьба внутри церкви, добровольно принявшей немецкий национализм того времени. Бонхёффер настаивал на том, что только Христос, Который не зависит от немецких национальных идеалов и культуры, может спасти церковь в этот решающий час. Церковь должна провозглашать весть о Христе, Который стоит выше политики, выше всего священного и светского.

«Немецкие христиане», с которыми мы познакомились в предыдущей главе, рьяно взялись за то, чтобы церковь отвечала запросам нацизма. Они одобрили отмену власти отдельных округов и объединение всех протестантов в церковь Рейха как в единую и всеохватную национальную церковь. Конечно же, этот план встречал большое сопротивление, однако они верили в то, что если провести свободные выборы, то единство церкви может быть сохранено.

Гитлер преподнес протестантам сюрприз, настояв на том, чтобы епископом Рейха был избран его близкий друг Людвиг Мюллер. Очевидно, что это вторжение государства в «духовную сферу» сразу же встретило сопротивление. Лютеране разделились. Одна часть поддерживала человека по фамилии Бодельшвинг — уважаемого и весьма благочестивого. «Немецкие христиане», которых еще называли «Движением веры», поддерживали кандидата Гитлера. После жарких дебатов на конференции региональных представителей 27 мая 1933 года большинством голосов был избран Бодельшвинг. В своей речи при вступлении на пост он пообещал, что останется выше всех споров внутри своей церкви и просто посвятит себя руководству церковью для «служения народу».

Следующие недели показали, что этот добрый христианин не был способен увидеть значение идеологических течений, бурливших внутри лютеранской церкви. Он не осознавал, что просто не мог оставаться «выше сражения» в церкви, которая с такой готовностью стала в одну шеренгу с нацизмом.

«Немецкие христиане» противостояли ему с неприкрытой враждебностью. Его подвергли нападкам в прессе и радио, настаивая на том, что Мюллер больше заслуживает того, чтобы руководить церковью, так как имеет тесные связи с Гитлером. По их словам, епископ Рейха может быть избран только после того, как будет утверждена новая конституция. Уступив давлению, Бодельшвинг ушел в отставку. Это вызвало негодование у тех, кто был непоколебимым противником деспотичной тактики пронацистских сил. Пятьдесят пасторов подписались под заявлением о протесте.

Тем временем «Немецкие христиане» составили новую конституцию церкви, которая была признана Рейхстагом 14 июля 1933 года. Их девиз звучал как «Одно государство, один народ, одна церковь». Они поддерживали «позитивное христианство» Гитлера, утверждая, как, к примеру, Герман Грюнер, что «Гитлер является тем путем, которым Дух и воля Божия к немецкому народу войдут в Церковь Христа».⁸⁸ Эти христиане украшали свои алтари нацистскими флагами и приветствовали друг друга в своих собраниях по-нацистски.

Через неделю, 23 июля, были намечены национальные выборы, и Гитлер выступил по радио для поддержки по всей Германии кандидатов, одобряемых «Немецкими христианами». В своей речи он сказал, что государство желает гарантировать независимость церкви, однако это возможно только в том случае, если церковь будут возглавлять те, кто посвящены «свободе этой нации». Затем он прямо одобрил «Немецких христиан», похвалив их за поддержку национал-социалистического государства. Тысячи людей, которые годами не появлялись на пороге церкви, проголосовали, и ни для кого не стало неожиданностью то, что победили кандидаты Гитлера. Теперь требовалось только, чтобы представители церковью избрали Людвиг Мюллера епископом Рейха.

Бонхёффер был глубоко огорчен. Через месяц, в августе 1933 года, он отправил письмо своей бабушке, в котором предсказывал мощное движение по направлению к большой и популярной национальной церкви, сущность которой не соответствует христианству. Он писал: «Мы должны быть готовы к тому, чтобы ступить на совершенно новые пути, по которым нам придется пройти. В действительности, это конфликт между немецкими идеями и христианством, и чем скорее этот конфликт проявится открыто, тем лучше. Нет ничего более опасного, чем его утаивание».89

В следующем месяце конфликт проявился открыто.

КОРИЧНЕВЫЙ СОБОР

В течение двух дней, 5 и 6 сентября 1933 года, в Берлине состоялся старый Прусский Генеральный Синод. Делегации пасторов и церковнослужителей прибывали на него в нацистской униформе и использовали нацистское приветствие. Этот Собор быстро принял характер скорее показательного, чем дискуссионного совещания. Его участники утвердили Людвига Мюллера как своего епископа и сместили действующих генеральных суперинтендантов для замены их более лояльными целям нацистов. Они одобрили то, что называлось «арийским пунктом», согласно которому люди с еврейской кровью не могли быть допущены к церковным кафедрам в Германии. От всех пасторов требовалось подписаться под этим заявлением и оказывать «безусловную поддержку национал-социалистическому государству». Голос оппозиции был заглушен криками.

Этот Собор, благодаря нацистской униформе, в которую были одеты делегаты, известен как «Коричневый Собор».

Он не требовал отставки существующих пасторов еврейской крови, а только заявлял о том, что претенденты на должность, имеющие еврейские корни, к служению не могут быть допущены. Отныне все пасторы должны были представлять доказательства своего арийского происхождения.

Ответственность за ведение протокола этого печально известного собрания была возложена на плечи не кого иного, как Мартина Нимёллера — человека, имя которого вскоре станет известным благодаря его сопротивлению нацификации церкви.

Во время Первой мировой войны он был лейтенантом морского флота и командиром подводной лодки, однако в 1924 году был посвящен в духовный сан и стал влиятельным пастором в пригороде Берлина. Поначалу он приветствовал партию нацистов, веря в то, что она является основной надеждой Германии. Он даже отправил Гитлеру телеграмму, в которой поздравлял его с выходом Германии из Лиги наций и благодарил за «мужественный поступок и уверенную твердость в защите чести Германии». Телеграмма завершалась выражением «верности и молитвенной поддержки».

Лично наблюдая за ходом Коричневого Собора, Нимёллер понял, что наступило время активного протеста. Он подружился с Дитрихом Бонхёффером, и они собрались для обсуждения того, что можно предпринять. Бонхёффер написал статью, раскрывающую абсурдность исключения кого-либо из церкви по биологическим признакам. Церковь, по его словам, это место, где христиане из евреев и язычников «стоят вместе, подчиняясь Божию Слову». Только такое подчинение показывает, что церковь все еще остается церковью.

Некоторые лидеры церкви попытались представить решение Собора в лучшем свете, заявляя, что в Пруссии, наверное, не более одиннадцати пасторов, которых оно затрагивает, и что,

возможно, этой уступке нацизму не стоит придавать большого значения в интересах более важного вопроса «распространения Евангелия».

Бонхёффер и Нимёллер призывали служителей к повсеместному уходу с церковных должностей. В то самое время, когда «Немецкие христиане» праздновали победу, Бог совершал Свое дело. Рука Его суда тяготела над церковью, однако Он также помнил и о милости. Он давал Своему народу возможность заявить о себе. Тот, кто верил, что Евангелие не терпит компромиссов, имел возможность «исповедовать Христа перед людьми».

Кто-то из современников тогда заметил: «Божии суды были покровом Его вездесущей благодати». Его завуалированная благодать дала истинным верующим мужество, в котором они нуждались.

"ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ ЛИГА ПАСТОРОВ"

21 сентября 1933 года — всего через две недели после Коричневого Собора — Нимёллер и Бонхёффер встретились с группой, называемой «Молодые реформаторы», чтобы создать «Чрезвычайную лигу пасторов». Они дали обещание сражаться с арийским пунктом и оказывать сопротивление вторжению нацизма в церковь. Мы должны помнить о том, что они не оказывали сопротивление нацизму как политической силе, а только настаивали на том, что он не должен вторгаться в духовную сферу. Пасторам было отправлено письмо, подписанное обеими сторонами.⁹⁰ В частности, цели Лиги определялись следующим образом:

1. Обновить верность Писанию и символу веры.
2. Противостоять тем, кто нападает на Писание и символ веры.
3. Оказывать материальную и финансовую помощь тем, кто страдает из-за репрессивных законов или насилия.
4. Отказываться признавать арийский пункт.

Почти сразу же это письмо собрало около двух тысяч подписей, а к концу 1933 года их количество возросло до шести тысяч. Новые епископы, избранные по прогитлеровской программе, конечно же, злились и молчали.

Когда всем пасторам была разослана анкета, в которой они должны были удостоверить свое личное происхождение, Нимёллер отказался пойти на уступки и призвал остальных последовать его примеру. Он знал, что его поступок был проявлением неповиновения государству, но он серьезно относился к словам Писания: «Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Галатам 3:28). Он и Бонхёффер были уверены, что тот, кто подписался под арийским пунктом, отделился от церкви Христа.

«Чрезвычайной лиге пасторов» вскоре представилась возможность испытать свои силы, выразив официальный протест. Через шесть дней после того, как пасторам было разослано письмо, был собран Национальный Синод, чтобы принять рекомендации Прусского Синода официально и избрать Людвиг Мюллера на пост епископа Рейха, объединив, таким образом, все протестантские конфессии в одну национальную организацию. Другой кандидатуры не было.

Как бы в насмешку Синод проходил в крепостной церкви Виттенберга, к дверям которой Мартин Лютер когда-то пригвоздил свои девять тезисов. Прямо рядом с могилой, в которой был похоронен Лютер, Людвиг Мюллер был единогласно избран епископом Рейха, а другие «Немецкие христиане» — региональными епископами. Таким образом, по иронии, символичность которой нельзя не заметить, *свастика, по сути, была принята как новый крест в том же самом соборе, в котором Лютер за четыреста лет до того проповедовал о кресте Христовом!*

Нимёллер и Бонхёффер также присутствовали на собрании в Виттенберге 27 сентября 1933 года. Они распространяли листовки среди делегатов, а также прикрепляли их к деревьям. «Мы не перестанем сражаться со всем, что является разрушительным для самой сути Церкви». Что касается реакции Национальной церкви на эти листовки, то позже она заявляла, что Виттенберг был просто наводнен слухами и что «враг дал почувствовать свое присутствие».

Как только был избран Людвиг Мюллер, Бонхёффер, стоявший в задних рядах церкви, прошептал одному из своих друзей: «Ты только что стал свидетелем смерти церкви в Германии!». Фактически, ложная церковь уже умерла, и хотя истинная церковь была в преддверии борьбы за существование, в ней все еще теплилась жизнь.

Бонхёффер, всецело посвятив себя тому, чтобы сделать церковь такой, какой она должна быть, столкнулся с необходимостью принять одно важное решение. Должен ли он продолжать борьбу с нацизмом, находясь внутри Германии, или же ему следует воспользоваться возможностью уехать за границу? Подумав, он сделал свой выбор.

БОНХЁФФЕР ПОКИДАЕТ ГЕРМАНИЮ

Бонхёффер преподавал в Берлинском университете и все больше и больше разочаровывался от принятия университетом нацистской философии. Поскольку из-за его теологических взглядов ему было отказано в пасторстве в Германии, он решил стать пастором двух состоящих из немцев церквей в Лондоне. Несмотря на критику со стороны тех, кто считал, что он просто сбежал с поля боя, он настаивал на том, что просто изменил стратегию. Находясь в Лондоне, он создавал оппозицию церкви немецкого Рейха. Он пытался сплотить интернациональные церкви, чтобы оказать более весомое сопротивление нацистам и поддержать новую, Исповедующую церковь.

На международной встрече Всемирного Союза, проходившей в Дании, Бонхёффер выступил с колким обращением, в котором спросил, как церкви могут оправдывать свое существование, если они не принимают мер к тому, чтобы остановить уверенный марш Германии к войне. Он требовал от экуменического совета высказаться «с тем, чтобы мир, хотя и со скрежетом зубов, услышал, и чтобы народы возрадовались от того, что церковь Христа во имя Христа забрала оружие из рук их сыновей, воспрепятствовала войне и заявила о мире Христовом в лицо неистовому миру».⁹¹

Здесь Бонхёффер представил одно из своих самых сильных утверждений пацифизма, заявив, что христиане не должны использовать оружие друг против друга, ибо знают, что, поступая так, они обращают свое оружие против Самого Христа. В одном примечательном заявлении он сказал: «На мир необходимо отважиться. Это — великое и рискованное дело».

Два года спустя Бонхёффер вернулся в Германию и основал духовную семинарию для тех,

кто готовился возглавить Исповедующую церковь. В конце концов, отступив от пацифизма, он присоединился к тайной организации, имевшей целью уничтожить Гитлера.

"НЕМЕЦКИЕ ХРИСТИАНЕ" РАСКРЫВАЮТ СВОИ ЦЕЛИ

13 ноября 1933 года «Немецкие христиане» организовали огромный съезд в Берлинском дворце спорта. Демонстрация открылась процессией нацистских флагов. Затем хор спел «Теперь все возблагодарим Бога нашего», а ансамбль трубачей протрубил «Крепкая башня — это наш Бог». Во вступительном слове было отмечено, что «Движение веры» еще не достигло всех своих целей и что «врага необходимо преследовать до тех пор, пока он не побежит в смятении».

Затем доктор Краузе, занимавший высокий пост у «Немецких христиан», выступил перед присутствующей двадцатитысячной аудиторией с сенсационной, если не сказать богохульной, речью. Он призвал ко второй немецкой «Реформации». После того как его прервали оглушительные аплодисменты, он заявил, что если церковь хочет обосноваться в Германии, то на первом этапе необходимо

освободиться от всех, кто не проявляет немецкого духа в литургии и исповедании; освободиться от Ветхого Завета с его еврейской моралью воздаяния — от всех этих историй о торговцах скотом и сводниках... Наша поместная церковь должна также увидеть, что из Нового Завета должны быть удалены все явно искаженные и суеверные рассказы, и что теология учителя Павла, построенная на козле отпущения и унижении, должна быть отвергнута в принципе, так как она увековечила фальсификацию Евангелия.⁹²

Еще один докладчик выражал недовольство, говоря, что «преувеличенное представление распятого Иисуса в немецкой церкви недопустимо».

Излишне говорить, что Лютер был бы шокирован этой «Второй Реформацией» с ее отвержением Ветхого Завета, умалением Христа и предписанием об избавлении от Павла, так как он якобы фальсифицировал Евангелие. Скорее всего, он призвал бы церковь к покаянию за то, что она попраля крест Христов, соединив его с языческой политической программой. Он бы заявил, что церковь оставила Христа, чтобы последовать за антихристом.

Это собрание вызвало бурную полемику. Им были оскорблены даже некоторые «Немецкие христиане». Краузе пришлось уйти со своего поста, а многие лидеры начали отказываться от радикальной нацификации церкви. Тем не менее, ущерб уже был нанесен. С того времени за «Немецкими христианами» плотно закрепились крайние антисемитские, антипавловы и антихристианские взгляды, проявившиеся на этом съезде. Даже Гитлер отказался поддерживать «Немецких христиан», опасаясь, что усиливающийся раскол будет сложнее обуздать. Он знал, что ему необходима поддержка церкви для своих будущих военных авантур.

Нимёллер не мог оставаться безмолвным. Он от лица «Чрезвычайной лиги» выразил протест епископу Рейха Мюллеру, призывая его отстранить всех епископов, не выступивших против богохульных высказываний. На следующее воскресенье члены Лиги прочитали заявление о протесте в своих общинах.

НИМЁЛЛЕР ВСТРЕЧАЕТСЯ С ГИТЛЕРОМ

4 января 1934 года епископ Рейха Мюллер издал указ, известный как «Приказ о наморднике»,

о восстановлении порядка в Евангелической церкви Германии. Служителям было запрещено включать в свои проповеди любые вопросы церковных разногласий. Было сказано, что церковное служение — это «провозглашение чистого Евангелия и только его одного».

Перед пасторами возник вопрос: в чем заключается «чистое Евангелие»? Мог ли пастор быть верным своему стаду, просто проповедуя Христа и Его распятие? Есть ли какое-либо практическое применение, которое должно быть реализовано в жизни верующих? Какой была роль пастора в предупреждении стада и наставлении людей об опасностях другого креста? Несмотря на то что этот указ угрожал увольнением, тысячи пасторов проигнорировали приказ Мюллера.

Гитлер начал понимать, что покорить церковь будет сложнее, чем он полагал вначале. По его словам, он понял, что «никто не сможет сломать Церковь о свое колено. Ее следует оставить гнить как омертвелую конечность... Но здоровая молодежь принадлежит нам». В конце концов он, конечно же, попытается «сломать церковь о свое колено», однако на тот момент он хотел выглядеть миротворцем.

Так, в качестве показательной демонстрации доброй воли 25 января 1934 года Гитлер созвал лидеров церквей на личную встречу, на которую был приглашен и Нимёллер. До Гитлера дошли вести о том, что внутри церкви может возникнуть раскол, а он хотел предотвратить дискредитацию собственного епископа. Таким образом, Нимёллер и другие представители духовенства прошли в сопровождении конвоя эсэсовцев в рейхсканцелярию в Берлине и вскоре были препровождены в кабинет Гитлера. Позади Фюрера стоял епископ Рейха Людвиг Мюллер.

Гитлер начал с упреков в адрес своих гостей, обратившись к ним с тирадой о том, что он был неверно понят. По его словам, все, чего он хотел, — это «мира. Мира между Церковью и государством». Он побранил их за то, что они мешали ему, саботируя его попытки по достижению этого мира.

Нимёллер ожидал возможности высказаться и, когда таковая представилась, объяснил, что его единственной целью является благополучие церкви, государства и немецкого народа. Гитлер молча выслушал его, а затем сказал: «Вы ограничьтесь Церковью, а я позабочусь о немецком народе». После этого разговор перешел на другие темы.

Когда он был окончен, Гитлер пожал духовенству руки, и Нимёллер понял, что это была последняя возможность высказать свое мнение. Тщательно подбирая слова, он сказал: «Вы сказали: «Я позабочусь о немецком народе». Однако мы тоже, как христиане и священнослужители, имеем ответственность по отношению к немецкому народу. Эта ответственность была возложена на нас Богом, и ни вы, ни кто-либо еще в этом мире не властен отобрать ее у нас».⁹³ Гитлер повернулся и ушел, не сказав ни слова.

В тот же вечер восемь гестаповцев обыскали дом пастора Нимёллера в поисках разоблачительных материалов. Несколько дней спустя в его прихожей была взорвана самодельная бомба. Полиция прибыла на место происшествия, хотя ее никто не вызывал.

Нимёллеру было легче выдержать угрозы, чем ту критику, которой он подвергся со стороны коллег за свои храбрые слова Гитлеру.

В его биографии под названием «Пастор Нимёллер» Дитмар Шмидт говорит, что Нимёллер «оказался объектом почти всеобщего порицания» со стороны его собственных сторонников. Они обвиняли его в провале конференции из-за тех слов Гитлеру. Они предсказывали, что вместо того, чтобы сместить с должности Мюллера, Гитлер в действительности укрепит руку своего друга. Один пастор вообще попытался изгнать Нимёллера, сказав: «Я вижу среди нас

пастора Нимёллера. Не думаю, что у нас есть общие темы для обсуждения». Нимёллер поднялся и вышел из здания, не сказав ни слова.

Очевидно, что **большая** часть духовенства придерживалась в первую очередь позиции безопасности. Различные епископы начали отступать от своей приверженности церкви, свободной от политического вмешательства. Некоторые приняли позицию «Немецких христиан», утверждая, что между церковью и государством может быть найден компромисс. Несколько дней спустя две тысячи пасторов вышли из состава «Чрезвычайной лиги пасторов». Они были уверены, что Нимёллер зашел слишком далеко в своей нежелательности к нарастающему потоку поддержки политических и экономических достижений Гитлера.

Справедливости ради мы должны отметить, что некоторые из этих пасторов в последующие годы опять стали на сторону Нимёллера. Дитмар Шмидт пишет: «То, что в религиозных сражениях 30-х не всегда прослеживались четкие «фронты»,— это факт. Ряды «Немецких христиан» и их оппонентов никогда не были прочными». Каждый должен был решить для себя, где ему оставаться, внимательно наблюдая за следующим шагом Гитлера. Во всех этих сражениях, говорит Шмидт, «личные амбиции, робость, нерешительность и приспособленчество были точно так же очевидны, как и мужество, стойкость и христианское усердие».94

За день до встречи с пасторами Гитлер назначил своего старого друга Альфреда Розенберга ответственным за духовное обучение партии нацистов. Как мы узнаем в следующей главе, перед Розенбергом была поставлена цель создания немецкой церкви, в которой не было бы места учению о Христе. Он заявлял, что «вечные истины были найдены не в Евангелиях... а только в немецких идеалах характера. Образование в Германии в будущем должно быть основано на том «факте», что источником добродетели является немецкий, а не христианский характер».95 Он хотел заменить Библию книгой «Майн Кампф» или, что еще лучше, своей собственной книгой «Миф девятнадцатого века», которая учила о том, что немецкий народ был богом, которому все должны поклоняться.

Так, для церкви в Германии конец 1933 и начало 1934 года были ознаменованы кризисом. Первоначальный оптимизм относительно того, что церковь может создать прочный блок оппозиции Гитлеру, рассеялся. Что еще хуже — сражение только началось. С течением времени перед церковью возникли еще более трудные вопросы выбора. Впереди еще было много сражений, в которых необходимо было победить или потерпеть поражение.

СОЗДАНИЕ ИСПОВЕДУЮЩЕЙ ЦЕРКВИ (1934 ГОД)

Под руководством Бонхёффера и Нимёллера «Чрезвычайная лига пасторов» сформировала ядро того, что было названо Исповедующей церковью. Бонхёффер проповедовал, что церковь должна быть церковью и «Исповедовать! Исповедовать! Исповедовать!». Пришло время публичного и непрерывного исповедания.

Барменское исповедание

В мае 1934 года Исповедующая церковь собралась и приняла Барменское исповедание, составленное швейцарским богословом Карлом Бартом. Несмотря на то что Бонхёффер на этом собрании не присутствовал, он помогал в подготовке этого мероприятия, поддерживая связь из Лондона и навещая Европу. Его храброе руководство помогло подготовить почву для

принятия этого исповедания.

В своей книге «Исповедание церкви во времена Гитлера» Артур Кохрейн пишет, что Барменское исповедание — это «наиболее значимый документ Церкви среди всех, появившихся со времен Реформации».96 Церковь должна была сделать выбор между Христом, Который был Господом сокращающейся «духовной сферы», и Христом, Который есть «Господь всего». В Бармене была предпринята попытка ответить на вопрос о том, какой должна быть церковь.

Разделения внутри церкви конечно же неизбежны и санкционированы Писанием. Павел написал плотским коринфянам: «Ибо надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные» (1 Коринфянам 11:19). Когда распространяется отступничество, тот, кто верен истине, должен идти под другим флагом. Подписавшиеся под Исповеданием знали, что этот документ приведет к разделению церкви, хотя и не желали этого.

Пасторы, которые подписались под этим заявлением, провели черту. Они решили вновь подтвердить миссию церкви, которой религиозно-политическая культура современности дала новое определение. Они собрались, чтобы в единстве оказать сопротивление превозношению государства над церковью. Нет сомнения, что у них было множество разногласий по другим богословским вопросам, однако они согласились в том, что церковь должна быть подотчетна только Христу Писаний.

В ответ на критику, говорившую о том, что они намерены расколоть церковь, во вступлении к Исповеданию было сказано: «Единство Евангелических церквей в Германии может быть основано только на Слове Божиим в вере посредством Духа Святого. Только в этом случае Церковь может стать обновленной».

В менее изысканном упоминании о нацификации церкви в заявлении признавалось, что основные принципы церкви «систематически разрушались и делались неэффективными из-за чуждых принципов... Когда эти принципы признаются... церковь перестает быть церковью».

Ключевой пункт, опровергающий популярное учение о «двух сферах», гласил: **«Мы отвергаем ложную доктрину о том, что существуют сферы нашей жизни, в которых мы принадлежим не Иисусу Христу, а другим господам — сферы, где мы не обязаны быть оправданными и освященными Им».**97 По признанию лидеров, роль государства заключается в поддержании гармонии и мира, а не в исполнении призвания церкви. Никакой человеческий властелин не должен править церковью — для исполнения своей роли она должна руководствоваться Словом Божиим.

Мы не должны забывать о том, что этот документ не критиковал нацизм как политическое движение. В тот момент Германия все еще не видела наихудших черт Гитлера. Верность государству настолько глубоко проникла в души немцев, что подобный шаг столкнулся с решительным сопротивлением со стороны присутствующих на собрании.

Хотя Нимёллер и Бонхёффер убеждали, что церковь должна быть независима от государства, у них были расхождения относительно сущности нацистского режима. С самого начала Бонхёффер предупреждал о намерениях Гитлера и противостоял его приготовлениям к войне. Нимёллер же, хотя и бросал обвинения в адрес Людвиг Мюллера со ступеней алтаря своей церкви, но, тем не менее, он это делал среди развешенных на стенах нацистских знамен и приветствуемый собравшимися в церкви на нацистский манер.

Преданность Гитлеру в Исповедующей церкви была все еще сильна. В Барменском заявлении говорилось только о том, что политическая сфера не имеет права вторгаться в

духовную сферу и что посвященным христианам повелевается проявлять свою веру во всех сферах жизни. На тот момент еще существовала страстная надежда на то, что Богу и кесарю можно служить, не делая выбор между одним из них. В конце концов, эта надежда была разбита.

Церковь нашла для себя сложным (кто-то даже сказал — невозможным) оказать сопротивление политической власти до тех пор, пока она оставалась в этой «правильной сфере». Только позже церковь осознала, что слепое повиновение даже в вопросах, относящихся к государству, может стать нарушением поручения Христова.

Многие из героев веры были правонарушителями. Будь то Джон Буньян, сидевший за свои проповеди в Бедфордской тюрьме, или Ричард Уэрмбранд, которого избивали за библейское учение в коммунистической Румынии, христиане во все века настаивали на существовании закона, находящегося выше законов государства.

Те, кто отказывались воевать по религиозным убеждениям, на протяжении веков не повиновались государству. Они верили в то, что христиане не могут принимать участие в убийствах даже во время войны. Каждый христианин должен провести эту черту в соответствии со своими личными убеждениями. Но если мы говорим, что всегда будем повиноваться государству, то государство становится нашим Богом. Кесарю мы можем отдавать только кесарево, в то время как Богу мы должны отдавать все. Это — вопросы, над которыми билась церковь Германии.

Если бы Исповедующая церковь решила отделиться от официальной лютеранской церкви и стать независимой, то она потеряла бы финансовую поддержку государства. Этот вариант был нежизнеспособен, так как Исповедующая церковь заявляла о том, что она является истинной церковью, духовное наследие которой можно проследить вплоть до эпохи Реформации. «Немецкие христиане» настаивали на том, что только они являются законной церковью, веря в то, что Бог был очевиден в ходе истории Германии — особенно в подъеме Гитлера. Таким образом, церковь разрывалась на части изнутри.

Излишне говорить, что Барменское исповедание привело Германию в движение. Пасторов, подписавших это заявление или даже имеющих у себя его копию, разыскивало Гестапо. Были разработаны планы запугивания «раскольников».

Когда «Немецкие христиане» созвали собственный Собор, Бонхёффер в нем не участвовал. Он просто не мог согласиться с тем, чтобы признать его как часть истинной церкви. Он написал: «Мы должны сражаться за истинную Церковь против ложной церкви антихриста... Мы сражаемся за христианство не только в отношении Церкви в Германии, но и во всем мире. Ибо повсюду в мире можно найти те языческие и антихристианские силы, которые открыто появляются в нашем поле деятельности».⁹⁸ Если истина может быть найдена в единстве, то, утверждал он, единство можно достичь только через истину.

Таким образом, протестанты разделились на две группы, каждая из которых заявляла о том, что именно она составляет церковь и является преемницей Реформации. Многие пасторы колебались, другие же надеялись, что смогут просто продолжать свои служения, не принимая ни одну из сторон. Гитлер, однако, не допускал для них роскоши нерешительности. В конце концов, они должны были сделать выбор: либо кесарь, либо Христос. Свастика не могла довольствоваться двойной преданностью.

В том же 1934 году, 20 октября, Исповедующая церковь провела второй синод в Далеме. Беспощадность Гитлера больше не скрывалась так искусно, как раньше, поэтому съезд заявил: «Руководство церкви Рейха приступило к беспощадному уничтожению церкви, взывая к власти Фюрера и призывая к сотрудничеству политические силы... Это означает

чрезвычайное положение, и то, что церковь имеет право предпринимать действия, направленные на его исправление».99 Нимёллер ясно заявил: «Повиновение этим тиранам Церкви равнозначно неповиновению Богу».

Заявление о «чрезвычайном положении» было, без сомнения, отважным шагом.

Этот синод осудил церковь Рейха и призвал церковь пробудиться, потому что кризис веры приблизился. К сожалению, для того чтобы последовать столь смелому заявлению, сделано было не много. Епископу Рейха был отправлен запрос о законном признании существования Исповедующей церкви, однако он остался без ответа. Начались преследования на основании обвинения в том, что Исповедующая церковь провоцирует беспорядки среди людей и подстрекает к измене государству. При таком давлении поддержка Исповедующей церкви начала ослабевать.

Угасающая поддержка

На своем третьем синоде, проходившем в Аугсбурге, Исповедующая церковь предпочла не затрагивать основные вопросы. Не было сказано ни слова о необходимости для церкви иметь свободу проповеди и обучения Евангелию. О «позитивном христианстве» Гитлера и его последствиях не упоминалось. Также не было сказано ни слова в защиту евреев.

Бонхёффер и Нимёллер отправили письмо всем пасторам Исповедующей церкви, призывая их оставаться твердыми. В частности, в нем было сказано:

Сейчас наш провал довлеет над Исповедующей церковью как проклятие... Это — проклятие, которое мы сами навлекли на себя, так как отвергли то, что нам поручил Бог... Давайте вернемся и еще раз подтвердим обязательный характер этих решений [двух Соборов — в Бармене и Далеме]. Тогда мы вновь определимся в нашем движении. Давайте не будем удручены тем, что, на наш взгляд, будущее Церкви покрыто крошечной тьмой. С нас хватит знания того, что нам велено делать сейчас.

Нам следует сказать ясное и бескомпромиссное «Нет!» пред лицом всякого искушения разрешить проблему Церкви способом, противоречащим решениям Бармена и Далема. Да поможет нам Бог — если мы подошли к такому моменту — быть в состоянии сказать это «нет» с радостью и в единстве.100

Это письмо встретило слабый отклик. Многие пасторы все еще полагали, что возможен компромисс, надеясь, что Гитлер узаконит Исповедующую церковь в обмен на ее патриотизм и молчаливую поддержку военных действий. Они надеялись, что дипломатией можно достичь лучшего результата, чем смелым противостоянием.

Бонхёффер продолжал возгревать оппозицию Национальной церкви, которая продолжала добиваться благосклонности немецкого народа. Он открыто говорил об антисемитизме Рейха и постыдном молчании церковей пред лицом подобной несправедливости. «Где Авель, брат ваш?» — спрашивал он.

Составить единую оппозицию отношению нацистов к евреям было невозможно. Церковь была не просто нейтральной в этом вопросе, а безмолвной и часто открыто поддерживала изгнание евреев из жизни немцев. Ниже представлено письмо одного пастора редактору немецкой газеты, выражающее признательность за его твердость в отношении еврейского вопроса. В частности, в нем сказано:

Мы с энтузиазмом поддерживаем вашу борьбу с жаждущими нашей смерти еврейскими жуками, которые делают подкоп под наш народ... Это относится также и к тем друзьям еврейства, которых можно найти даже в рядах протестантских пасторов. Мы будем сражаться

бок о бок с вами и не сдадимся до тех пор, пока эта борьба со всеми евреями и всеми убийцами нашего Спасителя не будет доведена до победного конца в Духе Христа и Мартина Лютера.

С выражением искренней солидарности я приветствую вас возгласом «Хайль Гитлер!».

Пастор Райхельманн¹⁰¹

Совсем немного пасторов были готовы стать для евреев братьями. Они уже устали сопротивляться нажиму нацистского парового катка. Разрываясь между Богом и кесарем, многие пасторы пытались служить обоим. Они проповедовали, учили и пели гимны в то время, как в их церквях висели свастики. Даже когда проповедовалось о кресте, это делалось на фоне негодования по отношению к евреям и огромного желания быть хорошими немецкими националистами.

При помощи хитроумной манипуляции «Немецкие христиане» взяли достоинства церкви и извратили их для собственных целей. Взывая о патриотизме и государственной необходимости, они сплотили под своим знаменем многих колеблющихся пасторов. Исповедующая церковь стала терять свое влияние. Годы спустя Бонхёффер написал в своей книге «Мораль»: «Если зло выступает в виде света, выгоды, верности и обновления, если оно сопоставляется с исторической необходимостью и социальной справедливостью, то это (если понимать правильно) является явным подтверждением его крайней греховности».¹⁰² Исповедание все еще звучало, но уже не так громко, как прежде.

Гитлер, конечно же, не думал, что в Германии есть место для двух богов. Соглашаясь в начале с двумя крестами, висящими в церквях, он в итоге настоял на том, что крест должен быть только один. Ни крест Христов, ни свастика не допускают двойной преданности.

Требовалось сделать выбор. Тот, кто избирал Крест, должен был пройти пустынной дорогой в одном направлении, а тот, кто избирал свастику, шел в ногу с буйной толпой. Тот, кто избрал свастику, разделил участь своего лидера. Тот, кто избрал крест Христов, обнаружил, что он — «сила Божия ко спасению» (Римлянам 1:16).

Эта альтернатива все еще ожидала церковь, которой, однако, предстояло еще пройти через многие этапы очищения в будущем.

Глава 7

ЦЕРКОВЬ ОБЕСКРОВЛЕНА

В начале 1934 года Мартин Нимёллер взошел на кафедру своей церкви в пригороде Берлина Далеме и пророчески провозгласил Божью цель в тех испытаниях, с которыми столкнулась церковь Германии:

Мы все — вся Церковь и все общество — брошены в сито искусителя, и он встряхивает нас. Дует ветер, и сейчас должно выясниться, кто мы — пшеница или солома! Воистину, нас постигло время просеивания, и даже самые бездеятельные и тихие из нас должны понять, что спокойствию созерцательного христианства наступает конец...

Сейчас — весна для христианской Церкви, исполненной надежды и ожидания, — время испытаний. Бог дал сатане свободу действий, и потому он может встряхивать нас, в результате чего можно увидеть, какие мы есть в действительности!..

Сатана раскачивает свое сито, и христиан бросает из стороны в сторону, — и тот, кто не готов страдать, кто называет себя христианином только потому, что надеется таким образом извлечь какую-то выгоду для своей нации или своего народа, уносится ветром этого времени,

как солома.¹⁰³

Бог позволил сатане встряхнуть всю церковь Германии, чтобы отделить пшеницу от соломы. Христос не покинул Свой народ. С теми, кто уверяет Ему свои вечные души, Он пройдет сквозь огонь бедствий. Христос обещал, что Он построит Свою Церковь, и «врата ада не одолеют ее». Церковь, какой бы маленькой и по-человечески слабой она ни была, все равно одержит победу.

Нас не должно удивлять то, что временами Бог строго судит Церковь. Церковь в Эфесе, потерявшую свою первую любовь, Христос предупредил: «Покайся, и твори прежние дела; а если не так, скоро приду к тебе, и сдвину светильник твой с места его, если не покаешься» (Откровение 2:5). «Светильник» в церкви Германии был большей частью вырван со своего места, когда Крест, перед которым должен склониться каждый человек, был заменен крестом, перед которым маршировали надменные личности.

Ближе к концу этой главы мы познакомимся с одним немецким богословом. Он расскажет о том, как силы злобы были высвобождены в нацистской Германии из-за того, что был погран крест Христов. По его мнению, церковь разбилась о камень под названием «Бог», потому что «Бог поругаем не бывает». Когда Крест был объединен со свастикой, он перестал быть «силой Божьей ко спасению».

Но даже в суде была проявлена милость. Многие истинные верующие ощущали силу Христа, когда Он поддерживал их, утешая, укрепляя и очищая. В некоторых церквях продолжались молитвенные собрания и проповедь Евангелия. Церковь не была уничтожена, хотя и подверглась чистке, и численно была меньше, чем можно было бы ожидать.

Что касается Бонхёффера, то он продолжал смело настаивать на том, что Церковь должна вернуться ко Христу. В последний раз он проповедовал на собрании пасторов Исповедующей церкви в январе 1936 года. Находя все меньше и меньше поддержки, он призывал лидеров вернуться, невзирая на цену, к исполнению своей миссии. Некоторые из его студентов, присутствовавших на том собрании, позже подверглись критике за свои резкие выпады в ходе дискуссии. Эта критика была использована для опровержения всего того, что Бонхёффер говорил и на чем он настаивал. В ответ он отметил, что все это является незначительным по сравнению с тем кризисом, с которым столкнулась церковь: «На повестке дня нечто намного более серьезное, а именно — потребность в том, чтобы авторитетом было только Слово Божье».¹⁰⁴

Бонхёффер не мог убедить себя с уважением относиться к пасторам, продолжающим поддерживать «германское христианство». Он признавал, что есть давление, понуждающее к компромиссу, но убеждал тех, кто был облечен ответственностью проповедовать Евангелие, пребывать твердыми. Он рассказывал о том, как один из его собственных студентов решил оставить Исповедующую церковь и присоединиться к церкви Рейха. В дискуссии с ним Бонхёффер провел несколько часов, указывая на то, что подобное отступление является отступлением от Христа. Он был глубоко огорчен, когда студент все-таки решил последовать по пути компромисса.

Он также был разочарован тем, сколь немногие были готовы заплатить цену верности Евангелию Бога. Несмотря на сильное чувство одиночества, он был непреклонен в своей уверенности в том, что церковь Рейха стала отступнической. «Должен сказать, что, по моему мнению, всякий, кто каким-либо образом подчиняется Церковному комитету [церкви Рейха], не может оставаться членом нашей церкви».

ПОСЛЕДНИЕ ШАГИ УПАДКА

После 1936 года церковь все более теряла надежду, пребывая в лавине отчаяния. Когда усилилось гонение, многие поколебались в своем посвящении Христу. Однако некоторые члены Исповедующей церкви продолжали выражать протест всеми возможными способами.

Меморандум Гитлеру.

В мае 1936 года лидеры Исповедующей церкви отправили Гитлеру меморандум, в котором просили его прямо ответить, «не является ли попытка дехристианизации немецкого народа официальной политикой правительства». Этот меморандум смело заявлял: «В то время, как прославляются арийцы, Слово Божье свидетельствует о том, что все люди являются падшими. В то время, как христианин подвергается давлению антисемитизма в натиске мировоззрения национал-социалистов, принуждающем ненавидеть евреев, христианская заповедь любить ближнего своего указывает на противоположное.» В этом меморандуме были перечислены случаи, когда государство вторгалось в жизнь церкви, пытаясь подменить христианство идеологией нацизма. Меморандум заканчивался призывом, который Гитлер не мог не понять:

Даже возвышенные мотивы в конце концов приведут народ к разрушению, если они противопоставляют себя явленной воле Божьей. Церковь Божья выдержит, даже если в попытке дехристианизации немецкого народа миллионам евангельских христиан придется поплатиться своим спасением... Нашему народу угрожает преступление границ, установленных Богом. Нацизм пытается сделать себя мерилom всего сущего. Это — человеческое высокомерие, это — человеческая надменность, восстающая против Бога.¹⁰⁵

Гитлер проигнорировал меморандум, однако позже, когда тот «просочился» в иностранную прессу, он решил отреагировать. Гестапо свирепо выполнило его поручение, произведя облаву на пасторов Исповедующей церкви. В результате более восьмисот пасторов были арестованы, и некоторые из них в конце концов умерли в концентрационных лагерях. Но никто из них не допускал мысли, что компромисс все еще возможен.

Друг Гитлера, доктор Керрл, ставший преемником Людвиг Мюллера на посту епископа Рейха, в конце концов согласился с тем, что «позитивное христианство» Гитлера достаточно сильно отличалось от того, что было исторической верой. «Нет, христианство не зависит от апостольского символа веры... Истинное христианство представляет партия, и сейчас партия, и в особенности Фюрер, призывает немецкий народ к настоящему христианству... Фюрер — глашатай нового откровения.»¹⁰⁶

Это «новое откровение» хотело уничтожить старое. Гитлер хотел занять место Христа. Новый «мессия» не смог бы стерпеть никаких других богов выше себя.

Арест и заключение Нимёллера

Последняя проповедь доктора Нимёллера в период правления Третьего Рейха прозвучала в июне 1937 года. В частности, он сказал: «У нас не больше представления о том, как избежать рук властей своими собственными силами, чем у апостолов в древние времена. И мы также не в большей мере согласны хранить молчание по воле человеческой, в то время как Бог повелевает нам говорить. Ибо это — тот случай, когда мы должны повиноваться Богу, а не человеку. Так есть, и так будет». Через несколько дней он был арестован и заключен в тюрьму.

Община поддерживала его молитвенно и позаботилась о его жене, фрау Нимёллер. Со дня его ареста вплоть до окончания войны ежедневные молитвенные собрания не прекращались.

Однажды, когда было намечено большое собрание, Гестапо заблокировало двери церкви. Толпа организовано выстроилась перед церковью и, после того как была сформирована длинная колонна, запела старый гимн Лютера «Ein feste Burg ist unser Gott» («Наш Бог — крепкая башня»).

Слушания по делу Нимёллера начались 7 февраля 1938 года. В течение предыдущих семи месяцев он находился в одиночной камере. Обвинения против него были изложены на четырнадцати страницах печатного текста. Он был описан как «один из самых нетерпимых членов Исповедующей церкви». Его обвиняли в высказываниях против Рейха «со злобной и вызывающей критикой... рассчитанной на то, чтобы подорвать доверие народа к своим политическим лидерам». Он нарушил Закон о предотвращении посяганий на государство и партию. Таким образом, его обвиняли в «злоупотреблении кафедрой». Это был обычный случай «политической» измены.

В биографической книге «Пастор Нимёллер» Дитмара Шмидта описан эпизод, когда Нимёллер шел из тюремной камеры в зал суда в сопровождении охранника в зеленой униформе. Идя вдвоем со своим конвоиром, он был переполнен чувством страха и одиночества. Нимёллер знал, что результат предстоящего заседания заранее предreshен. Где сейчас его семья и друзья? Где члены его Исповедующей церкви, которые стояли вместе с ним?

В этот момент произошло одно из самых ободряющих событий в его жизни. Его конвоир до этого не произнес ни слова, идя размеренным шагом с безучастным выражением лица. Когда они шли через подземный туннель и уже подходили к последнему пролету лестницы, Нимёллер услышал голос, который, похоже, повторял одни и те же слова, однако он был настолько тихим, что из-за эха шагов было тяжело определить, откуда он исходит. Потом Нимёллер понял, что это был голос конвоира, повторявшего стих из книги Притч (18:10): «Имя Господа — крепкая башня: убегает в нее праведник и безопасен».

В это время Нимёллер уже поднимался по лестнице, не подавая вида, что он услышал эти слова, однако его страх улетучился и, как выразился Шмидт, «вместо него пришло мирное великолепие абсолютного упования на Бога». Первое, что увидел Нимёллер, войдя в зал суда, — это портрет Адольфа Гитлера, висящий на стене позади трибуны судьи. В течение последующих нескольких дней он раз или два ловил на себе быстрый взгляд охранника в зеленой униформе, но не смог рассмотреть его лица. Этот человек так никогда и не узнал, какое большое значение имели его слова для заключенного в последующие дни.¹⁰⁷ Нимёллер был приговорен к тюремному заключению и затем отправлен в концентрационный лагерь. В конце концов, он оказался в Дахау, где оставался вплоть до освобождения союзными войсками. Ценой его верности стали семь лет страданий в концентрационном лагере. Еще более удивительным было то, что его страдания не завершились после освобождения по окончании войны. Должна была быть написана еще одна глава его жизни.

В знаменитой «Штуттгартской декларации вины» 1945 года Нимёллер привел Исповедующую церковь к тому, чтобы она совместно с немецким народом признала свою вину в ужасах Второй мировой войны. Это дало возможность всемирной Церкви примириться с церковью Германии. Тем не менее, за этот поступок Нимёллер был обвинен соотечественниками в измене. Многие немцы все еще верили пропаганде Гитлера, осуждающей в напрасной гибели лучшей части их молодежи Британию, Соединенные Штаты и особенно Россию. Только позже они смогли осознать всю значимость Холокоста и истинной роли их страны в войне.

Между тем еврейские лидеры в Соединенных Штатах настаивали на том, что Нимёллер никогда не порицал сам нацизм, а только — его вторжение в Церковь. Его клеймили как того,

кто был «немногим лучше нациста». Тем не менее, с годами Нимёллера все больше и больше признавали как смелого христианского лидера. До конца своей жизни он боролся, как выразился его друг Дитрих Бонхёффер, «за то, чтобы церковь была церковью». Хотя он и умер в 1984 году, его слова звучат и сегодня:

Вначале они взялись за социалистов, и я не поднимал голос, потому что не был социалистом. Затем они взялись за членов профсоюза, и я не поднимал голос, потому что не был членом профсоюза. Затем они взялись за евреев, и я не поднимал голос, потому что не был евреем. Затем они взялись за меня, и не осталось никого, кто поднял бы голос за меня. 108

К СЧАСТЬЮ, НИМЁЛЛЕР ПОДНИМАЛ ГОЛОС

Клятва на верность Гитлеру.

6 августа 1938 года передовая статья газеты «Чикаго трибьюн» вышла под заголовком «Библия, искаженная под нацистов». В статье говорилось о том, как Нагорная проповедь и Евангелие от Иоанна были переписаны бывшим епископом Рейха Людвигом Мюллером. Из текста были удалены слова «грех» и «благодать», а Золотое правило было переписано так, что было применимо только к отношениям между нацистами. Все ссылки на ветхозаветные пророчества, от Моисея до Авраама, также были удалены. Вечная жизнь была определена как «истинная жизнь».

Нацистский «Христос» одобрял немецкий национализм и расширение Германской империи. Этого «Христа» интересовали вопросы не вечной жизни, а только жизни настоящей — жизни обычного гражданина Германии. У этого «Христа» был другой крест и другое будущее. Это был Гитлер — тот, кого Дитрих Эккарт помазал в антихристы.

Маленькая группа лидеров Исповедующей церкви, предвидевших страшную опасность войны, распространяла заявление, побуждающее церковь к проведению служений о ходатайстве за свою страну и молитвы о Божьем прощении. Когда копия этого заявления попала в руки Гимmlера, он опубликовал его, представив как «удар в спину» успехам Гитлера, и поставил на этом документе клеймо «государственной измены». Опасаясь обвинений в антипатриотизме, многие пасторы вышли из состава Исповедующей церкви.

Организованная оппозиция Гитлеру стала почти невозможной, учитывая триумф его зарубежной политики. В марте 1936 года он вернул Рейнскую землю, которая была отобрана у Германии в соответствии с Версальским договором. Когда два года спустя, в марте 1938 года, он быстро и с успехом присоединил к Германии Австрию, то аншлюс (объединение с Австрией) привел немецкий народ в восторг. Кардинал-архиепископ Вены выразил поддержку, настаивая на том, что в грядущих церковных выборах народ должен проголосовать за епископов, «признающих себя немцами в германском Рейхе». Протестанты также изъявили свою преданность. Когда была захвачена немецкоязычная часть Чехословакии, церковь либо поддерживала этот акт, либо оставалась безмолвной посреди народной эйфории.

На гребне волны энтузиазма, вызванного присоединением Австрии, доктор Вернер, новый заместитель Гитлера по вопросам церкви, отправил уведомление всем пасторам, в котором обязал их подписаться под присягой верности Гитлеру в качестве персонального подарка на его день рождения. В частности, в этой присяге было сказано: «Клянусь быть верным и послушным Адольфу Гитлеру, Фюреру германского Рейха и народа; добросовестно соблюдать законы и совершать мое служение. Да поможет мне Бог». В дальнейшем

пояснении было сказано, что эту присягу надо рассматривать как выражение «верноподданнейшей солидарности с Третьим Рейхом... и с человеком, создавшим общество, которое стало воплощением Третьего Рейха... как присягу личной верности». Отказ принять эту присягу в лучшем случае означал отставку.

В течение Страстной недели крест на Вартбургской башне, в которой Лютер скрывался от своих врагов, был заменен огромной, освещаемой прожекторами свастикой. Местный епископ отправил Гитлеру телеграмму, сообщая о наступлении великого исторического часа. Все пасторы его прихода подчинились внутреннему распоряжению и «с наполненными радостью сердцами приняли присягу верности Фюреру и Рейху... Один Бог, одно послушание вере. Да здравствует мой Фюрер!».109 Другие приходы последовали тому же «внутреннему распоряжению».

На первых порах пасторы Исповедующей церкви отказывались пойти на уступки. С одной стороны, они не хотели идти на компромиссы со своей совестью, но в то же время они хотели быть патриотами германского государства. Когда Исповедующая церковь собралась в июне 1938 года, чтобы обсудить возникший в последнее время кризис, многие пасторы уже приняли присягу на верность Гитлеру. При этом они пытались представить ее просто как продолжение своих духовных обетов.

Те пасторы, которые не подписались под присягой (да будут они благословенны!), искали руководства в том, как они могут дальше совместно противостоять угрозе нацизма. Тем не менее, этот собор, деморализованный страхом, отказался противостоять объявшей их политической огненной буре. Большинство взяло верх над меньшинством и сделало то, от чего сердце самого Гитлера могло только возрадоваться: оно приняло решение, что каждому лично пастору и служителю церкви следует дать клятву верности. Это решение имело катастрофические последствия. Теперь Гестапо могло без труда выявлять пасторов, не подчинившихся данному решению, арестовывать их, а затем предавать наказанию, какое бы усмотрел Народный суд.

Таким образом, многие из оставшихся пасторов Исповедующей церкви присоединились к тем, кто сдался и принял присягу на верность Гитлеру. Бонхёффер был сокрушен. Это была «рана в его собственной плоти», нанесенная его же народом. Он испытывал стыд, сродни тому, который человек испытывает за свою собственную семью. «Будет ли Исповедующая церковь согласна открыто признать свою вину и разделение?» — спрашивал он. Наконец, выбор стал несомненно очевидным — *склонившись перед свастикой, пасторы отвернулись от Креста.*

Те немногие, кто не подписался под присягой, присоединились к восьмистам, арестованным ранее по воле Гитлера. Возможно, некоторым все еще удавалось избежать последствий указа Гитлера, но не многим. Некто сказал, что это было время, «когда сила тьмы превосходила силу света».

Д. С. Конуэй писал: «Под градом обвинений и поношений члены Исповедующей церкви все больше и больше запутывались в своей политической и теологической приверженности. Их решимость ослабевала, а боевой дух приходил в полный упадок».110 Балансируя между двумя крестами, разделившись из-за компромисса и ослабев от внутренних богословских разногласий, Исповедующая церковь потеряла свою коллективную влияние.

Летом 1938 года начальник Гестапо писал в своем ежегодном отчете: «Ситуация в церквях характеризуется усталостью от борьбы, неопределенностью цели и недостатком мужества».111 Гитлеру удалось изолировать церковь и угасить ее огонь до слабого мерцания. Протестантские «псы», как он называл служителей церкви, были большей частью усмирены.

Тем пасторам, которые дали присягу, было позволено продолжать свое служение, однако они должны были быть верными нацистской идеологии. Несколько месяцев спустя, в ноябре 1938 года, когда под руководством Геббельса было совершено печально известное нападение на евреев, получившее название «Хрустальная ночь», церковь в основном молчала. Несмотря на сожжение 177 синагог и арест двадцати тысяч евреев в стране, где 95 процентов населения принадлежит либо к католической, либо к протестантской церкви, лидеры предпочли закрыть на все это глаза. «Они молчали, — говорит Конуэй, — даже пред лицом подобного чудовищного насилия». Католический епископ в Берлине, который повел своих прихожан в молитве за евреев, был заключен в тюрьму и впоследствии умер в концентрационном лагере.

Нельзя не сказать о сотнях пасторов, не принявших присягу на верность Гитлеру. Они стали свидетелями Христа в тюрьмах и концентрационных лагерях. После окончания войны выжившие узники рассказывали о поддержке со стороны тех, чья вера в Бога была испытана и смогла выдержать яростный натиск. Только Бог знает, сколько евреев и язычников были обращены в результате свидетельства этих пасторов. Хотя мы часто видим суд, производимый Богом над Своей Церковью, процесс очищения является скрытым от нас. Солому гораздо проще увидеть, чем пшеницу, которая и является для Бога самой драгоценной.

Мы отдаем честь тем, кто предпочел тюремное заключение и даже смерть тому, чтобы лишиться своих свобод. Мы чтим те верные семьи, которые продолжали наставлять своих детей, невзирая на резкое неприятие. Мы чтим всех, кто не склонил свои колени перед ложным богом. Цена, заплаченная ими, делает их мужество и любовь еще более великими. И Бог вознаградит их.

Реакция народа

Но что же думала остальная Германия, услышав новости об аресте и тюремном заключении восьмисот пасторов, не принявших нацификацию своих церквей? Какой была реакция на тот факт, что тысячи пасторов поклялись в личной преданности Гитлеру? Народ был равнодушен.

Уильям Ширер в своем монументальном труде «Возвышение и падение Третьего Рейха» дает одну из самых удручающих оценок ценностей, которых придерживались немцы в то время. Несмотря на большую длину этого абзаца, я призываю вас прочитать каждое слово. Ширер пишет:

Было бы обманом создать впечатление, что преследование протестантов и католиков нацистским государством привело к разделению немецкого народа или хотя бы вызвало волнение у значительного большинства. Это не так. Народ, который так просто отказался от своих политических, культурных и экономических свобод, не собирался (за исключением относительно небольшой части) умирать или даже подвергаться риску оказаться в тюрьме ради защиты свободы вероисповедания. То, что в действительности подняло немцев в тридцатые годы, — это блистательный успех Гитлера в преодолении безработицы, достижении процветания, восстановлении военной мощи Германии, а также его продвижение от одного триумфа к другому в зарубежной политике. Не многие немцы потеряли сон из-за нескольких тысяч пасторов и священников или из-за раздоров между различными протестантскими конфессиями. И еще меньше людей остановилось, чтобы задуматься над тем, что под руководством Розенберга, Бормана и Гиммлера, у которых за спиной стоял Гитлер, нацистский режим намеревался в конце концов уничтожить христианство в Германии, если это возможно, и заменить его древним язычеством богов ранних немецких племен и новым язычеством нацистского экстремизма. Как открыто заявил

Борман, один из наиболее приближенных к Гитлеру, в 1941 году: «Национал-социализм и христианство непримиримы». [112](#)

Итак, вот что произошло. Большая часть народа, включая священнослужителей, больше не верила в то, что христианство достойно того, чтобы за него страдать, а тем более — умереть. Они согласились заменить Библию книгой «Майн Кампф» в обмен на рабочие места и большую славу Германии. Однако тот, кто сохранял свою жизнь, потерял ее, а тот, кто потерял свою жизнь, сохранил ее.

Что бы произошло, если бы церковь единогласно осудила нацизм? В проповеди, произнесенной в 1945 году, Нимёллер высказал то, что можно считать эпилогом к борьбе церкви Германии. Он говорил:

В 1933 году и в последующие годы здесь, в Германии, насчитывалось 14 000 евангелических пасторов и почти столько же приходо... Если бы в начале преследования евреев мы увидели, что в «сих братьях наших меньших» преследуют, бьют и убивают самого Господа Иисуса; если бы мы были верны Ему и исповедовали Его, то я уверен, что Бог был бы с нами, и тогда весь ход событий принял бы другое направление. И если бы мы были готовы пойти с Ним на смерть, то количество жертв могло бы ограничиться только приблизительно десятью тысячами. [113](#)

Да, если бы только церковь увидела в преследованиях евреев страдания самого Господа Иисуса! Иисус, упоминая о периоде великой скорби, сказал, что Царь скажет тем, кто наследует Царство: «Ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне» (Матфея 25:35-36).

И когда праведники не смогут вспомнить, когда они все это сделали для Христа, они услышат из Его уст: «Истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (стих 40). Да, евреи были Христом для христиан в Германии; Им были пасторы, шедшие в тюрьму; Им были дети, забранные для сражения в жестокой войне.

С началом войны в 1939 году преследование церковью ослабело. Гитлер знал, что ему понадобятся сыновья церкви, которые будут сражаться под знаменем нацизма. Таким образом, многие церкви и их общины продолжали проводить служения и молитвенные собрания в то же самое время, когда отправляли своих сынов на сражение в «войне Гитлера». Кесарь призывал, и немцы отвечали.

После нескольких лет изучения преследования церкви Гитлером, Конуэй написал: «Иллюзия, которая заключалась в том, что Гитлер не может ошибаться, — даже несмотря на то, что его подчиненные открыто преследовали церковь и духовенство, — рассеялась только после того, как события последних лет войны заставили всех немцев увидеть глиняные ноги их идола». [114](#)

В чем была ошибка?

В апреле 1945 года посреди руин побежденной Германии немецкий богослов и пастор Гельмут Тилике взволнованно говорил, обращаясь к своей общине в Штуттгарте, о значении всего произошедшего. В послании, которое без сомнения должно было произвести на его общину ошеломляющее действие, он по сути сказал, что народ получил то, что заслужил, так как «отверг прощение и попрал крест Господа». [115](#)

В своей убедительной критике того, что было ошибочным в действиях «христианского»

народа, Тилике сказал, что крест Христа был в небрежении, и потому церковь была ослеплена, не замечая германского милитаризма. Церковь не заметила величайшую опасность, а именно — приобретя весь мир, она могла «повредить своей душе». Что же было неправильно? Тилике перечислил следующие ошибки:

- Эти люди думали о себе, что творят историю, тогда как были всего лишь слепыми лошадьми, ведомыми Богом.
- Эти люди возомнили себя народом избранным, в то время как Божий кулак уже был поднят, чтобы сокрушительным ударом повергнуть их на землю.
- Решая дела сиюминутные, церковь пренебрегла делом вечным и, по самонадеянности своей, не усмотрела собственной вины и потребности в прощении.
- Эти люди решили, что верят в Бога, в то время как на самом деле стали жертвой дьявола и его разноцветных мыльных пузырей.
- Эти люди принялись фанатично решать экономические, социальные и политические проблемы, и в процессе их решения не заметили или просто проигнорировали тот факт, что в первую очередь мы нуждаемся в Исккупителе, Который закладывает глубочайшее основание нашей личной жизни.
- Мы не знали об опасностях, которые привели к нашему крушению. Мы потерпели крушение из-за того, что были слепы по отношению к самой ужасной опасности, а именно: существованию дьявола, который может водить за нос человека, поглощенного своими идеями; и что есть Бог, о Которого мы можем разбиться, так как «Он поругаем не бывает».
- Мы не учли в своих планах фактор под названием «Бог», и потому пали жертвами мании величия.
- Мы нарушили Божьи заповеди и запутались в наших собственных непредсказуемых и жестоких инстинктах.
- Мы проигнорировали основополагающее требование: «Я Господь, Бог твой. Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим», — и, как следствие, оказались в состоянии головокружительного восторга поклонения власти, что настроило против нас весь мир.
- Мы перестали полагаться на чудо Божия водительства и вместо этого уверовали в чудесное оружие, которое так никогда и не было изобретено.
- Мы больше не знали, что Бог — на небесах, а человек — на земле, и потеряли всякое чувство соразмерности в жизни, а потому были поражены слепотой в совершенно очевидных политических и военных вопросах.

Затем Тилике перешел к самой сути дела: «Отвержение Бога и попрание Креста не может быть просто личным решением, имеющим отношение только к моей собственной внутренней жизни и к моему личному спасению. Это отвержение незамедлительно приводит к самым горьким последствиям для всего исторического процесса, и особенно для нашего собственного народа. «Бог поругаем не бывает», — мировая история может рассказать нам об ужасных подтверждениях этого выражения.»

Тилике отметил, что в ходе истории невидимое является более могущественным, более созидательным и более разрушительным, чем видимое. Всякий, кто до сих пор не осознал, что Германия со своей программой действий «разбилась именно об этот драгоценный камень под названием «Бог» — и ни обо что иное, — просто ничего не видит. Замечая только

индивидуальные катастрофы, за всеми ними он больше не видит основную и важнейшую катастрофу».

Наконец, Тилике напомнил своим слушателям, что «поклонение успеху — это, как правило, форма идолопоклонства, культивируемая дьяволом наиболее старательно... Мы могли наблюдать в первые годы после 1933-го за почти подсознательным принуждением, проистекающим из великих успехов, а также за тем, как под влиянием этих успехов даже христиане перестали спрашивать, во имя чего и какой ценой они были достигнуты... Успех — это величайший из всех наркотиков».

Поправшие крест Христа! Опьяненные успехом! Заменявшие непреходящее временным! Так была сокрушена церковь и вся страна — сокрушена о камень под названием «Бог», Который «поругаем не бывает». Разрушены за то, что были ослеплены гордостью национализма, вместо того чтобы смириться, признав свою великую нужду в покаянии. Церковь стояла гордо, и она не склонилась в смирении.

НЕУЖЕЛИ ВРАТА АДА ОДОЛЕЛИ?

Какой вывод мы можем сделать из явной победы Гитлера в деле уничтожения церкви? Неужели «врата ада» одолели? Поставим вопрос иначе: победил ли Бог даже в нацистской Германии? Да, Бог всегда побеждает, даже когда кажется, что Он проиграл. *Ему не обязательно побеждать количественно для того, чтобы победить духовно.*

Вопрос не в том, сколько душ спасено, и не в количестве тех, кто был согласен страдать за свою веру. Иисус не питал иллюзий относительно процентного соотношения тех, кто станет Его истинными последователями. «Не бойся, малое стадо! ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство» (Луки 12:32). Великое Царство принадлежит «малому стаду».

В мировой истории бывали времена (особенно в средние века), когда свет Евангелия был практически угашен. Не считая нескольких малочисленных гонимых групп и того относительно небольшого количества отдельных людей, переживавших личную спасающую благодать Христа, Евангелие было сокрыто под вековыми традициями. Но даже тогда у Бога всегда был Его народ, ибо «познал Господь Своих».

Миссия Христа не может потерпеть неудачу. Он учил, что есть определенные люди, которых Отец дал Ему как дар. В спасении этих людей можно быть совершенно уверенным, потому что Отец привлекает их, а Христос принимает их. «Все, что дает Мне Отец, ко Мне придет; и приходящего ко Мне не изгоню вон» (Иоанна 6:37).

Если бы каждый пастор был Бонхёффером или Нимёллером, то учебники по истории Германии сегодня могли иметь другое содержание

Когда апостол Павел объяснял церкви в Риме, что Иисус является Мессией, многие спрашивали: «Не потерпел ли Бог неудачу?». В конце концов, Он обещал благословение евреям, а с тех пор, как они отвергли Его Сына, все выглядит так, как будто сила и полнота Бога померкли.

Для тех, кто думал, что Божий план провалился, Павел написал: «Но не то, чтобы слово Божие не сбылось» (Римлянам 9:6). Буквально эта фраза с греческого языка может быть

переведена так: «Но не то, чтобы слово Божье отклонилось от курса». То, что Израиль был потерян, не означает, что Божьи планы были сорваны. В оставшейся части 9-й главы Павел доказывает, что Бог спасет тех, кого Он намерен спасти; таким образом, Его план вполне успешен. Бог побеждает, потому что все сущее находится в гармонии с Его собственной целью.

Люди обращались к Богу даже в мрачные дни нацистской Германии. Бог привлекал Свой народ к Себе и очищал Свою Церковь. Некоторые искренние верующие отступали под давлением угроз нацистов, однако мы читаем в Писании: «Если мы неверны, Он пребывает верен, ибо Себя отречься не может» (2 Тимофею 2:13). Бог проходил сквозь огонь вместе со Своим народом. Богу угодно было, чтобы ветер унес облака соломы ради оставшихся зерен пшеницы — как бы много или мало их ни было.

Давайте не будем забывать, что **Богу не обязательно побеждать во времени для того, чтобы победить в вечности**. Кажется, что сатана выиграл многие сражения на земле, однако чем больше он выигрывает сейчас, тем сильнее будет его поражение впоследствии. У Бога есть целая вечность для того, чтобы продемонстрировать, кто более велик. Фактически, если бы сатана был мудр, он прекратил бы всякий бунт против Бога сразу же после того, как был осужден за свою анархию. Чем больше сражений он выигрывает сейчас, тем больше его наказание в будущем. В конце концов он будет брошен в озеро огненное. Бой длится до тех пор, пока не прозвучит гонг.

Кроме того, **Богу необходимо только признание, а не вассальная зависимость**. Всякое сотворенное существо признает, что Иисус Христос — Господь. «Дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних, и всякий язык исповедал, что Господь Иисус Христос в славу Бога Отца» (Филиппийцам 2:10-11). Это признание истины — даже со стороны гордых и сатанинских сил — принесет славу Богу.

Очевидно, что те, кто находится в вечных муках, — будь то грешные люди или падшие ангелы — никогда не придут к тому, чтобы любить Бога и радоваться общению с Ним. Однако истина восторжествует, и всякая ложь будет разоблачена. Воцарится справедливость, и Бог будет прославлен.

Многие верующие в Германии потеряли прекрасную возможность явить силу Божию, в то время как другим была дана прекрасная возможность показать веру, которая драгоценна для Бога. Если бы каждый пастор был Бонхёффером или Нимёллером, то учебники по истории Германии сегодня могли иметь другое содержание. Возможно, Нимёллер был прав: Бог мог не допустить, чтобы Гитлер совершил Холокост. Тем не менее, Бог побеждает даже тогда, когда кажется, что Церковь проиграла. Когда сатана попирает крест Христа — это только до времени. В конце концов, все соперничающие кресты будут, несомненно, повержены.

Питер Маршалл сказал: «Лучше потерпеть неудачу, чтобы в конце концов достичь цели, чем достичь цели, чтобы в конце концов потерпеть неудачу». Лучше потерпеть неудачу внутри церкви, чем достичь цели вне ее. Лучше быть частью малой группы, которая сейчас выглядит проигравшей, но впоследствии победит, чем принадлежать большой толпе, победы которой являются временными и обманчивыми.

Нимёллер и Бонхёффер не были единственными героями в Третьем Рейхе. Фактически, были тысячи героев, о многих из которых мы никогда не узнаем. Это были мужественные люди, помогавшие евреям, шедшие на риск ради Евангелия и даже готовые к тому, чтобы попытаться свергнуть Гитлера.

В следующей главе мы попробуем ответить на вопрос: что делало их героями? Были бы

героями мы, если бы жили в то время в Германии?

Глава 8 ГЕРОИЗМ В ТРЕТЬЕМ РЕЙХЕ

О церкви в нацистской Германии мы часто отзываемся критически, однако знаменитый физик Альберт Эйнштейн был впечатлен ее борьбой с Гитлером. Несмотря на то что ошибки церкви имеют серьезное документальное подтверждение, Эйнштейн отдавал ей должное как единственной силе, долго противостоявшей режиму нацистов. Когда открылась темная сторона Гитлера, значительная часть населения начала саботировать его политику. Тысячи обычных христиан (вместе с теми, кто неохотно относили себя к верующим) помогали евреям спастись от гибели.

Эйнштейн, изгнанный из Германии за то, что был евреем, писал:

Когда произошла [нацистская] революция, я надеялся, что университеты защитят свободу, приверженцем которой я был, так как знал, что они всегда хвастались своей преданностью делу истины. Но университеты тут же примолкли. Затем я надеялся на редакторов больших газет, чьи пламенные передовые статьи в былые дни заявляли об их любви к свободе. Однако они, так же как и университеты, затихли в течение всего лишь нескольких недель. Только Церковь стояла поперек дороги кампании Гитлера, подавляющей истину. Прежде я никогда не проявлял особого интереса к Церкви, однако теперь испытывал к ней чувство огромной привязанности и восхищения, потому что только Церковь имела мужество и стойкость вступить в защиту интеллектуальной и нравственной свободы. Я был вынужден признать: то, что однажды презирал, теперь я безусловно одобряю.¹¹⁶

Швейцарский богослов Карл Барт дал взвешенную оценку роли церкви: «С учетом важности стоящей перед ней задачи, у Церкви есть серьезные причины быть постыженной от того, что она не сделала больше. Тем не менее, по сравнению с представителями других групп и институтов, у нее нет причин стыдиться, так как она сделала больше всех остальных».¹¹⁷ Возможно, церковь и не сделала всего, что она *должна* была сделать или *могла* сделать, однако она что-то делала! Если подвести итог, то в Германии были герои. Было много тех, кто пошел на риск и оказал противодействие нравственной несостоятельности нацистского режима.

Страдания очищают церковь. Они выявляют между людьми существенные различия. Когда в 1984 году я был в Китае, епископ Динг из движения Three Self Movement откровенно говорил некоторым из нас: «Гонения уничтожили теологический либерализм в Китае... Сегодня церковь в Китае в основном евангельская». В наши дни, как и в любую эпоху, церковь, проповедующая Христа, за Которого стоит умирать, является первым кандидатом для гонений, однако также имеет и самый высокий шанс выжить. Ложные «Христы» не заслуживают наивысшей жертвы — только Христос Нового Завета может требовать высочайшей верности от нас.

Конечно же, в Германии как отступническая церковь, так и истинные верующие, страдали вместе, однако у последних были обетования Христа о том, что Он поддержит их в процессе просеивания. Церковь должна была научиться тем же урокам, которые ей приходилось усваивать на протяжении двух тысяч лет своей бурной истории. «Возлюбленные! Огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как приключения для вас странного, но как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да... возрадуетесь и восторжествуете» (1 Петра 4:12-13).

Богослов четвертого века Иероним писал: «Церковь Христова была основана пролитием

своей, а не чужой крови; претерпеванием поруганий, а не причинением их. Гонения взрастили, а мученичество увенчало ее». Страдания церкви порождают доверие к ней.

Иногда Евангелие должно быть выражено не просто словами. Лютеранский пастор девятнадцатого века Микаэль Баумгартен, который был отлучен от своей церкви, писал: «Бывают времена, когда для того, чтобы донести очевидную истину, лекций и публикаций уже недостаточно. В такие времена деяния и страдания святых должны создавать новый алфавит, чтобы заново открыть тайну истины». [118](#)

Страдания выражают Евангелие на новом языке. Они подтверждают те слова, которые с такой легкостью слетают с наших уст. Бонхёффер предупреждал церковь о том, что она должна быть готова пострадать даже до смерти. В проповеди, произнесенной в Мемориальной церкви кайзера Вильгельма в Берлине, он сказал: «Не следует удивляться, если для нашей церкви опять вернуться времена, когда потребуется кровь мучеников». В мрачных размышлениях он продолжал: «Однако, даже если у нас есть мужество и вера, чтобы пролить кровь, она не будет столь же невинной и чистой, как кровь первых мучеников. В ее пролитии велика будет доля нашей собственной вины. Вины негодных слуг, выброшенных во тьму». [119](#)

Да, кровь, пролитая верующими в нацистской Германии, не была столь же невинной и чистой, как кровь первых мучеников. Бонхёффер был уверен, что гонения церкви в Германии стали судом за ее собственные грехи. Чуждый крест, украшавший ее соборы, был доказательством того, что послание о духовном искуплении было заменено посланием о политической экспансии.

Несколько лет тому назад я был в одной мусульманской стране, где есть всего лишь около двухсот человек, искренне обращенных в христианство. Один американский христианин отметил (и я думаю, что обращенные мусульмане согласятся с этим), что церковь не будет расти в подобных странах до тех пор, пока верующие не будут готовы открыто явить себя и пострадать. Страдания дают наиболее прочное свидетельство о Кресте. ***Когда солома отделена от пшеницы, пшеница дает ростки и начинает расти.***

Те из нас, кто живет в Америке, думают, что страдания за Христа по той или иной причине в корне неприемлемы — они неамериканские и противоречат идее о том, что следует делать «то, что лучше всего для меня». Вследствие нашей антипатии к такому знаку отличия студенты-христиане в университетах, опасаясь последствий несогласия с «политически корректными» программами, часто предпочитают молчать о своей вере во Христа. Молчать, дабы избежать возмущения академических вод и в конце концов беспрепятственно получить диплом.

Некий служитель из университетского городка заметил в разговоре с репортером журнала «Христианство сегодня», что «из христиан не делают белых ворон, только когда они не верят в существование ада и не говорят об абортах». По его словам, причина, по которой в университетах редки персональные нападки на христиан, заключается в том, что очень немногие студенты готовы рисковать своим положением, защищая свои взгляды. Натан Чан, христианин, поступивший в аспирантуру Стэнфордского университета, сказал: «Если довести многокультурность до предела, то она окажется весьма индивидуалистичной. У вас своя позиция, область своих понятий, находясь в которой, вы можете думать что угодно до тех пор, пока не влезете в представления других. Говоря, что христианство является только единственной истиной, вы посягаете на чью-то еще сферу убеждений». [120](#)

Но если христиане молчат в наших университетах из страха быть скомпрометированными; если верующие испытывают страх на работе из-за новых законов, которые требуют держать

религию подальше от рабочих мест; если медсестра-христианка молчит об абортах, потому что, выступив против них, она подвергнет себя риску потерять заработок; *короче говоря, если мы бережем Христа только для себя из-за страха перед репрессиями, то не становимся ли мы в один ряд с теми пасторами в Германии, которые предпочли сомкнуть ряды с Гитлером?* Не является ли наш грех еще большим потому, что последствия нашего непослушания Христу весьма незначительны по сравнению с теми, с которыми столкнулись они? Имеем ли мы право быть судьями церкви в Германии, если сами никогда не теряли работу или не получали двойки на занятиях из-за того, что мы — христиане?

Пророк Иеремия написал: «Если ты с пешими бежал, и они утомили тебя, как же тебе состязаться с конями? и если в стране мирной ты был безопасен, то что будешь делать в наводнение Иордана?» (Иеремии 12:5). Если мы не можем быть верны Христу в мелочах, то как можем надеяться быть верными, если вера может стоить нам потери чего-то весьма ценного?

Только осознавая ценность меньших жертв, мы готовы быть верными в большем. Только поняв, почему пасторы в Германии предпочли оказаться в тюрьме, мы будем верны Христу, даже если окажемся под судом. Давайте пройдем эту проверку, чтобы оказаться готовыми к более суровым испытаниям, если таковые наступят.

КАК БОГ ИСПОЛНЯЛ СВОИ ОБЕТОВАНИЯ

Вот история о людях, обретших неожиданный мир в ожидании смерти. О них рассказано в хорошей книге Роджера Манвелла и Генриха Фрэнкеля «Люди, попытавшиеся убить Гитлера».

Граф Гельмут Якоб Мольтке сформировал группу сопротивления не столько ради того, чтобы свергнуть Гитлера, сколько для того, чтобы создать план по воссозданию страны из обломков по окончании войны. Мольтке был задержан и предстал перед своим следователем-нацистом, который сказал ему: «Национал-социализм похож на христианство только в одном: мы также требуем человека целиком». Я уверен, что в отношении этого утверждения все мы скажем: *«Яволь! (Так точно!)»*.

Сохранились многие из прощальных писем Мольтке. Они были написаны его жене и тайно переданы из тюрьмы Тегель. Он писал эти письма, ежечасно ожидая смерти. В них он постоянно объяснял своей жене, что никогда еще не был в лучшем состоянии духа и никогда еще не испытывал такой близости к Богу. По его словам, он ожидал, что в завершающие часы своей человеческой жизни он будет думать: «Это — последний раз, когда ты видишь закат солнца, или последний раз, когда ты ложишься спать», — однако он пребывал в состоянии радостного возбуждения и духовного подъема. Он продолжает:

Я могу только молиться нашему Небесному Отцу, чтобы Он сохранил меня в этом состоянии, потому что в этом случае смерть плоти будет явно легче. Как Бог благ ко мне! Рискуя выглядеть истеричным, я, тем не менее, должен сказать, что настолько исполнен благодарности, что во мне действительно нет места ни для чего другого. Его руководство людьми было столь явным в течение этих двух дней. Пусть шумит весь зал суда, пусть герр Фрайслер и окружающие стены трясутся перед моими глазами — для меня не имеет никакого значения.¹²¹

Мольтке написал эти строки после того, как вместе со своей женой принял в камере Причастие. Он плакал с благодарностью, потому что был ошеломлен присутствием Божьим. Еще не в состоянии увидеть Бога лицом к лицу, он сказал: «Он прошел перед нами как

облако днем и как огонь ночью... Ничего большего этого быть не может». Через несколько дней он был повешен, и было отмечено, что он «прошел свой путь стойко и невозмутимо».

Фабиан фон Шлабрендорф был молодым юристом, с самого начала противостоявшим Гитлеру. Он не был особенно религиозным — по крайней мере, до тех пор, пока не подвергся пыткам. Пытки, которые применяли к нему на допросах, без сомнения, ужасны. Его руки были сцеплены за спиной, а в кончики пальцев вгоняли иглы. Затем его бедра и голени зажали в специальном приспособлении таким образом, что он оказался привязан ремнями к раме, напоминающей кровать. После этого при помощи винтов в его конечности вдавливались острые шипы. Третьим этапом было средневековое растягивание на раме, при котором привязанное ремнями тело тянули в разные стороны либо постепенно, либо мучительными рывками. Четвертым этапом — избивание жертвы тяжелыми дубинами, когда тело, связанное в согнутом положении, постоянно падало всей массой вперед на лицо и голову.

Пытки проводил сам следователь, который при этом с издевкой смеялся. Мучения прекращались только тогда, когда Шлабрендорф терял сознание. После того как он приходил в себя, пытки возобновлялись. Он знал, что с другими заключенными обходились подобным же образом, и впоследствии писал:

Мы все обнаружили, что человек может выносить намного больше боли, чем нам представляется возможным. Те из нас, кто никогда не умели молиться, теперь молились и находили, что молитва и только молитва может дать утешение в подобных ужасных обстоятельствах, и что она дает больше, чем человеческая выносливость. Мы также узнали, что молитвы наших друзей и родственников могут передавать нам потоки сил.¹²²

Молитва передает потоки сил! Оба этих человека рискнули противостоять Гитлеру и столкнулись с последствиями. Они были обычными людьми, но обрели исключительную благодать во время нужды.

Один отец написал записку своей семье, в которой в последний раз попрощался отдельно с женой и детьми. В завершение он отметил: «Мои дорогие! Не плачьте обо мне — я счастлив и защищен. Альпийские розы, как ваш последний благоухающий привет с наших любимых гор, стоят иссохшие передо мной. Через два часа я войду в настоящую свободу высот, ради которой я сражался во время земной жизни».¹²³ Он закончил молитвой, а затем просто спел «Твой любящий Отец».

В своей книге «Бонхёффер — изгнанник и мученик» Эберхард Бетге отмечает, что мученики стоят особняком от тех, кто умер как жертвы гнева других людей. Мученичество имеет отличительные характеристики.¹²⁴

Во-первых, риск мученичества избирается добровольно. Евреи, которые умирали в концентрационных лагерях, не были мучениками в классическом смысле этого слова. Они были жертвами в силу особенностей своего имени и рождения, а не из-за того, что они что-то сделали или не сделали. Враги избирали страдания для них.

В отличие от этого, мученики избирают путь страдания, имея при этом и другую альтернативу. Они могли бы отказаться от своих убеждений или остаться безмолвными, однако они говорили или действовали, решив повиноваться Богу, а не людям. Они осознавали риск, однако все равно поступали так.

Мы уже познакомились с двумя такими героями, но в Германии и других странах их были тысячи. В книге «Холокост — история мужества и стойкости» автор рассказывает о том, как молодая красивая француженка по имени Лиза перевозила на своем велосипеде деньги, документы и оружие тем, кто скрывался от властей.¹²⁵ Еще одна девочка отправлялась в

леса, чтобы отыскать евреев, которые, возможно, там скрывались, и затем накормить их. Был также один юноша по имени Исаак, который ночь напролет печатал прокламации в поддержку страдальцев.

Некая храбрая женщина тайно описала схему проведения еврейского пасхального ужина, чтобы он мог быть скромно проведен в концентрационном лагере. В Париже некоторые французы носили в своих карманах желтые носовые платки и звезду Давида в руках. За это они были отправлены в концентрационные лагеря и каждого из них заставили носить белую нарукавную повязку с надписью «Друг еврея».

В Дании почти все евреи были спрятаны в укромных местах, благодаря чему спаслись. Доктор Герсфельт дал детям снотворные таблетки, чтобы они не шумели, пока их переправляли по воде в безопасное место. Переплетчик Эрин Кьяэр доставил на рыбацкой лодке в безопасное место столько евреев, что его начали разыскивать нацисты. В конце концов его задержали и подвергли пыткам, однако он так никого и не выдал. Водитель скорой помощи, узнав о том, что вскоре начнется специальная облава на евреев, перевез их в больницу, где, как он знал, их можно спрятать.

В каждом из этих случаев, да и в тысячах других, люди придумывали способы выражения солидарности с еврейским народом. Они рисковали своей карьерой и даже своей жизнью ради тех, кто нуждался в помощи. Когда одну супружескую пару спросили, почему они спрятали так много евреев, жена ответила: «Это было подобно тому, как если бы вы увидели дом соседей в огне. Естественно, вы захотите помочь им». Как выразился по этому поводу один пастор: «Я лучше умру с евреями, чем буду жить с нацистами».

Вторая характеристика истинного мученика заключается в том, что он не ищет смерти, однако готов, если потребуется, принять смерть. Возможно, он даже очень боится смерти, однако компромисса боится гораздо больше. Такие люди не искали смерти, надеясь стать мучениками за те или иные благородные поступки. Большинство мучеников хотят жить и лишаются жизни только против собственного желания.

В-третьих, мученики всецело посвящены делу, которое они считают важнее жизни. Некоторые стали мучениками за свои религиозные убеждения, другие — за попытку свержения политического режима. Студенты, стоявшие перед танками на площади Тяньаньмынь в Китае, были мучениками за дело свободы. Миллионы людей на протяжении веков были мучениками за Христа.

И, наконец, большинство мучеников уверено, что безмолвие означает согласие с врагом. Они могли бы согласиться с Авраамом Линкольном в том, что «молчание превращает лучших людей в трусов». Трусость, как утверждают мученики, это именно то, что они пытаются победить. Даже когда им представляется возможность молчать, они настолько преисполнены осознанием величия своего дела, что высказываются или поступают как эмиссары справедливости.

Когда обычно говорят о Холокосте, то подразумевают две группы людей: нацистских преступников и еврейских жертв. Существовало также множество наблюдателей, исчисляемых миллионами, большинство из которых называли себя христианами. Большинство «искало убежища в нейтралитете». Тем не менее, нравится нам это или нет, этот нейтралитет, по существу, был соучастием.

Бонхёффер написал в 1940 году, что церковь «стала виновной в смерти самых слабых и наиболее незащищенных братьев Иисуса Христа». Он был уверен, что церковь должна противостоять несправедливости, даже если эта несправедливость направлена на кого-то вне церкви. Для него недостаточно было отказаться от участия в бойкоте евреев — требовалось

активно защищать их дело; сражаться на их стороне и отождествлять себя с ними. Тот факт, что евреи были беззащитны, тем более должен был подвигнуть христиан к оказанию им поддержки.

Неевреев, которые рисковали своей жизнью и жизнью членов своих семей ради спасения евреев, назвали «праведными язычниками Холокоста». Они прятали евреев, защищали их и были рядом с ними в их испытаниях. Как учил Бонхёффер, страдающий еврей был Христом страдающим, а отвергнутый ребенок был Христом отверженным.

Этих праведных язычников почитают как героев в Израиле и везде, где помнят о Холокосте. В мемориале и музее Холокоста в Иерусалиме были посажены тысячи вечнозеленых деревьев в месте, которое называют «Садом праведников». Каждое дерево символизирует одного спасателя-язычника, которых по официальным подсчетам было более одиннадцати тысяч. Тем не менее, общее количество неевреев в Европе, помогавших выжить евреям, может достигать ста тысяч человек.

По приблизительной оценке, в среднем каждый спасатель помог избежать смерти одному еврею, поэтому вполне возможно, что, благодаря этим людям, было спасено сто тысяч жизней. Большинство из этих спасателей считали себя христианами. Даже многие евреи удивляются, почему христиане не всегда оказывали честь тем, кто рисковал жизнью ради презренных в те времена.

Итак, мы провели исследование, которое помогло нам определить характер спасателей, которые рисковали своей жизнью, чтобы помочь другим. Это люди, которых вы, если бы были евреем, жившим в нацистской Германии, хотели бы иметь в качестве своих соседей. Это люди, которые верят, что кое-что более важно, чем уютная жизнь в окружении несправедливости.

ИЗ ЧЕГО ЖЕ "СДЕЛАНЫ" ГЕРОИ?

Очевидно, что не все герои в эпоху нацизма были христианами. Многие были номинальными «христианами», в то время как другие, возможно, вообще были неверующими. Определенно, что христиане должны были бы в этом деле первенствовать. Часто именно так и было, а иногда — нет.

Как можно охарактеризовать тех, кто отказался отступить в постыдном молчании? В журнале «Христианство сегодня» Дэйвид Гаши представил результаты своих исследований характеристик людей, помогавших в спасении евреев.¹²⁶ Во-первых, они отличались по своему социальному положению (богатые и бедные, молодые и пожилые), относились к совершенно разным социальным классам и имели разный уровень образования. Они представляли собой такой «срез» Европы, что того, кто станет спасателем, «невозможно было предсказать при помощи какой-либо методики, используемой социологами».

Во-вторых, есть основания предполагать, что у спасателей была более прочная семейная жизнь, чем у наблюдателей. У многих были родители, формировавшие универсальные ценности любви и справедливости. У них было сильное чувство социальной ответственности и способности сопереживать страданиям людей. Они были последовательны в том, чтобы помогать людям как до, так и после Холокоста, а также во время его.

Почти всех спасателей характеризовало отсутствие расположенности к тому, чтобы

принимать похвалу за свои поступки. «Это мог сделать каждый», — говорили они о том, что делали совсем немногие.

В-третьих, у них были разнообразные мотивы. Значительная часть из них имела личные связи с евреями, которых они спасали. Одна женщина рассказывала, что ее все это не касалось до тех пор, пока мишенью Гестапо не стал ее семейный врач-еврей. Эти дружеские отношения, по большей части сформированные до Холокоста, принесли плоды впоследствии. Как сказал Христос: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Иоанна 15:13).

Другие были движимы групповым влиянием. Некоторые спасали евреев из-за нравственного примера или призывов других людей. В качестве этих групп могли выступать семья, друзья или церковь. По словам Гаши, это является напоминанием о том сильном влиянии, которое оказывает на нас мнение значимых для нас людей. Мы должны «задать вопрос: может ли церковь восстановить предназначенную ей роль сообщества, обладающего нравственной активностью и ответственностью?».

Иногда героизм рождался как незамедлительная реакция справедливости и сострадания. Тот, кто был принципиальным сторонником человеческих прав и достоинств, мог быть крайне возмущен очевидной несправедливостью. К действию их побуждали гнев и сочувствие.

Те, кто определенно были христианами, говорили, что их поддерживало убеждение в том, что спасение евреев было Божьей волей. Они укреплялись молитвой, изучением Библии и поддержкой других христиан. Они обретали мужество, зная о том, что в случае их смерти они предстанут перед Богом с чистой совестью.

Гаши заканчивает свое исследование вопросом: «Могут ли быть какие-либо сомнения относительно того, что сделал бы Иисус, если бы в Его дверь постучалась еврейская семья, прося о помощи в том, чтобы пережить Холокост? Думаю, мы знаем ответ».

Это наталкивает меня на вопрос. Как поступили бы вы или я, если бы евреи постучались в нашу дверь? Думаю, что этот вопрос отчасти может быть сформулирован иначе. Что мы делаем сейчас для тех, кто стучится в нашу дверь — бедных, изгоев, нежеланных детей (как рожденных, так и не рожденных)?

Как поступил бы Христос?

ХРИСТОВО ОБОДРЕНИЕ ПРЕСЛЕДУЕМЫМ

Христос провозгласил благословение на тех, кто страдает ради Его имени: «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас» (Матфея 5:11-12). ***Христиане имеют все основания для того, чтобы быть первыми в рядах добровольцев, когда потребуется страдать.***

Смирна в первом веке, подобно городам Германии двадцатого века, была городом со страдающей церковью. В этом месте нельзя было быть христианином, если вы не были готовы страдать. Фактически Христос предсказал, что некоторые заплатят за свою веру жизнью. Несмотря на то что тех верующих отделяло от пасторов в Германии девятнадцать столетий, перед ними стоял, по сути, тот же выбор.

Для этих напуганных верующих Христос написал личное письмо ободрения:

И Ангелу Смирнской церкви напиши: так говорит Первый и Последний, Который был мертв, и се, жив: Знаю твои дела, и скорбь, и нищету (впрочем, ты богат), и злословие от тех, которые говорят о себе, что они Иудеи, а они не таковы, но сборище сатанинское. Не бойся ничего, что тебе надобно будет претерпеть. Вот, диавол будет ввергать из среды вас в темницу, чтобы искусить вас, и будете иметь скорбь дней десять. Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни. Имеющий ухо (слышать) да слышит, что Дух говорит церквам: побеждающий не потерпит вреда от второй смерти (Откровение 2:8-11).

Очевидно, что причиной гонений послужил храм, возведенный в честь императора Тиберия. Город соперничал за честь построения этого храма, и гордился его сооружением. Однако христиане не воскуряли перед ним фимиам и не провозглашали «кесарь — Господь». Их отказ рассматривался как постыдный и непатриотический. Они знали, что в церкви нет места двум флагам или двум крестам.

Если Германия преследовала евреев, то в книге «Откровение» говорится о евреях, преследовавших христиан. Евреи были освобождены от называния кесаря Господом, а потому могли свободно хулить христиан, не исполнявших священные ритуалы. Христос говорил, что эти евреи были не настоящими евреями, а «сборищем сатанинским». Это означает, что, хотя они могли быть евреями по происхождению, они превратно относились к другим.

Каким же был результат? Во-первых, христиане столкнулись с нищетой — вероятно потому, что были переведены в низшие слои общества. Несомненно, они были слишком честны, чтобы извлекать легкую прибыль, как это делали другие торговцы при помощи неверных весов и мер. Другие не торговали с ними, потому что они были христианами. Возможно, у некоторых из них были разграблены дома. Нищета была частью ноши, которую они несли за свою любовь ко Христу.

Во-вторых, они подвергались злословию. «Знаю... злословие от тех, которые говорят о себе, что они Иудеи, а они не таковы» (стих 9). Евреи распространяли слухи, и их ложные обвинения были родственны нападкам дьявола, имя которого означает «обвинитель». Христианам причиняли боль оскорблениями.

В-третьих, некоторые из них были брошены в тюрьму. «Вот, диавол будет ввергать из среды вас в темницу» (стих 10а). Как сказал Джон Стотт, «камеры Иерусалима и Кесарии, Филипп и Рима были освящены молитвами и хвалой верующих во Христа». В каждой стране тюрьмы были домом для народа Божия.

Наконец, некоторые умирали. «Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни» (стих 10б). Мученичество было вполне возможно. Без сомнения, одним из самых известных мучеников в истории стал епископ смирнской церкви Поликарп.

Что Христос обещает Своему народу, когда ему уготованы страдания ради Него? Почему церкви в Германии (и в этом отношении, и современной церкви в Америке) стоило мужаться?

Христос пребывает с ними

«Я знаю твою скорбь», — сказал Он. Христос знал все о периоде 1933—45 годов в Германии. Мы нуждаемся в том, чтобы слышать эти слова нашего Спасителя снова и снова в каждом поколении. Он знает нас по имени, по национальности, по партийной принадлежности и знает, кому мы верим. Он знает, как нам не хватает слов на педсоветах, когда обсуждается учебная программа. Он знает, насколько мы нерешительны в свидетельстве нашим сослуживцам на работе. Он знает, что мы запуганы средствами массовой информации. Он

знает, что мы скорее будем хранить молчание, чтобы иметь возможность пройти учебный курс в университете, чем рассказать о том, во что мы верим. **Он знает.**

Христос наблюдал за тем, как Стефана побивали камнями как первого мученика. Небеса открылись, чтобы принять его. Христос знал, как летели камни; Он знал, когда Его слуга был близок к прибытию. В каждом поколении церковь должна помнить о том, что Христос знает.

Если бы только мы смогли взглянуть на свои страдания с точки зрения небес, насколько иначе они бы выглядели! Когда я смотрю фильмы о Третьем Рейхе и вижу лезть по отношению к Гитлеру, то думаю, насколько это все могло бы выглядеть по-другому, если бы христиане рассматривали свои испытания в перспективе вечности. Пасторы, которые поклялись в верности Гитлеру, за редким исключением, уже умерли. Как, должно быть, отличается их взгляд на все это сейчас!

Христос управляет их страданиями

Текст гласит: «Диавол будет ввергать из среды вас в темницу, чтобы искусить вас, и будете иметь скорбь дней десять». Христос держит Свою руку на термостате, когда Его народ проходит через печь несчастий. Срок тюремного заключения этих верующих был определен не случайностью, а Христом.

Вопреки некоторым популярным сегодня учениям, мы не можем всегда быть свободны от атак сатаны. Христос отдал тех верующих в руки сатаны! Однако сатана так же находится в руках Христа. Нимёллер был прав, когда сказал, что Бог позволил сатане встряхнуть церковь Германии, чтобы отделить пшеницу от соломы. Сатане дана власть причинять верующим страдания. Христианам в Смирне требовалось перетерпеть злключения, вдохновленные сатаной, однако они должны были длиться только десять дней. Является ли этот период времени буквальным или символическим — неизвестно. Важно только то, что его продолжительность будет ровно такой, какой хочет Бог. Христос определяет его начало и конец.

Христос знает цель наших страданий

Все это произойдет для того, чтобы, как Он сказал, «вы могли быть испытаны». Поскольку мы очень дороги для Христа, никакие страдания никогда не являются бессмысленными. Когда мы видим Христа, одним из даров, которые мы приносим Ему, является верность в различных испытаниях нашей веры, которая «драгоценнее золота» (1 Петра 1:7).

Бог прославляется, если мы страдаем ради имени Его: «Если злословят вас за имя Христово, то вы блаженны, ибо Дух Славы, Дух Божий почивает на вас. Теми Он хулится, а вами прославляется. Только бы не пострадал кто из вас, как убийца, или вор, или злодей, или как посягающий на чужое; а если как Христианин, то не стыдись, но прославляй Бога за такую участь»

(1 Петра 4:14-16).

Христос обещает вечные награды

«Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни» (Откровение 2:10). Христос возместит нам все это. Он будет там для нас и с нами.

Гитлер требовал от немецкого народа страдать вместе с ним, и Третий Рейх должен был длиться тысячу лет. Он, конечно же, заблуждался. Его Рейх продлился двенадцать лет и шесть месяцев. И когда его дни подходили к концу, он пронзительно орал: «Все обманули меня! Никто не сказал мне истину!». Возможно, ему никогда не приходило на ум, что он сам не был всецело честен. Надменный диктатор в конце концов осознал, что он все-таки смертный.

В полную ему противоположность, Христос держит под Своим управлением настоящее и будущее. Он мог пообещать Своим последователям новую жизнь, по ту сторону этой, ибо не имел человеческих ограничений. Он может обещать нам вечность, и у Него есть все для того, чтобы сдержать Свое слово.

Христос накажет нечестивых

Посреди несправедливости человеческое сердце взывает к судье, который сможет воздать по заслугам. При входе в Бухенвальд (концентрационный лагерь, расположенный совсем близко к Веймару) надпись на воротах гласит: «Jedem des Seine» («Каждому свое»). Эта пародия на правосудие должна была означать, что тот, кто входил в эти ворота, действительно получал то, что заслужил. Как мы знаем, тот, кто входил туда, получал все, кроме правосудия.

Кто наведет порядок? Кто, в конце концов, восстановит справедливость в отношении тех событий, которые произошли в Бухенвальде, и разберется со всей несправедливостью на этой несчастной планете от самого ее начала? Бог сделает это!

Апостол Иоанн пишет: «И когда Он снял пятую печать, я увидел под жертвенником души убиенных за слово Божие и за свидетельство, которое они имели. И возопили они громким голосом, говоря: доколе, Владыка Святый и Истинный, не судишь и не мстишь живущим на земле за кровь нашу?» (Откровение 6:9-10).

На этот плач будет дан ответ. Правосудие будет свершено с такой точностью, что мы будем вечно петь: «Велики и чудны дела Твои, Господи Боже Вседержитель! Праведны и истинны пути Твои, Царь святых!» (Откровение 15:3).

Так, в конце концов, жертвы Холокоста будут отомщены. Церковь, как отступническая, так и истинная, будет судима Богом: первая — на суде перед великим белым престолом, а вторая — на судилище Иисуса Христа. Тот, кто пришел под защитой Христа и Его жертвы на кресте, будет избавлен от Божия гнева, который изольется на землю.

Нас сегодня Бог также призывает страдать, но не страданием церкви в Германии (хотя однажды оно может постичь и нас), а страданием, которое приходит в тот момент, когда мы принимаем господство Христа над всей жизнью. ***Для того чтобы стать героями, нам необязательно переживать Холокост. Необходимо всего лишь каждый день во всем поступать так, как Бог ожидает от нас.***

А сейчас мы более подробно поговорим об одном из героев эпохи нацизма. И увидим, что такой же силой веры, какая была у него, можем обладать и мы.

Глава 9

ЦЕНА УЧЕНИЧЕСТВА В ТРЕТЬЕМ РЕЙХЕ

Когда Бог призывает человека, то предлагает ему прийти и умереть», — писал Дитрих Бонхёффер в тот безрадостный период, когда церковь в Германии была «нацифицирована». Он знал, о чем говорил. Он следовал за Христом и умер в возрасте тридцати девяти лет.

Жизнь и смерть Дитриха Бонхёффера — это удивительный рассказ о лидерстве, богословской пронительности и мужестве. Чем больше я узнаю о нем, тем больше хочу спросить: «Что сделало его непохожим на других? Почему он был готов стоять в одиночку, когда у многих других не хватило духу сделать правильный, по их пониманию, выбор? Определенно, мы должны рассматривать выдающуюся веру Бонхёффера как Божий дар, но, в то же время, вера (если она заслуживает того, чтобы так называться) должна покоиться на прочном богословском основании. Бонхёффер напоминает нам: если мы сможем постичь, Кем является Христос и каковы Его требования; если мы сможем увидеть настоящее в свете вечности, то не только справимся со страданиями в этом мире, но даже будем ожидать их.

Бонхёффер резко критиковал церковь своего времени: «Мы, лютеране, собрались подобно орлам вокруг «туши» дешевой благодати и выпили яд, убивший жизнь в нашем следовании за Христом». Церковь была слаба потому, что недооценивала благодать.

Дешевая благодать — это смертельный враг нашей Церкви. Сегодня мы сражаемся за драгоценную благодать. Дешевая благодать — это благодать, купленная на рынке, подобно низкосортному товару. Таинства, прощение грехов и утешения религии выставлены по спекулятивным ценам...

В подобной Церкви мир находит дешевое покрытие для своих грехов: нет потребности в раскаянии и еще меньше — в каком-либо настоящем желании быть избавленным от греха...

Дешевая благодать — это оправдание греха без оправдания грешника... Это — благодать без ученичества, благодать без креста, благодать без Иисуса Христа, живого и воплощенного.¹²⁷

Бонхёффер видел то, что другие либо не могли, либо не желали увидеть, а именно — то, что следование за Христом подразумевает намного больше, чем катехизисы и обряды. Следовать за Ним означает сконцентрироваться на послании о Кресте, не затуманивая его таким образом, чтобы оно соответствовало политическому *zeitgeist* («духу времени»). Он был приверженцем отделения церкви от государства; он настаивал на христианстве, свободном от политического вмешательства.

Этот человек, призывавший церковь вернуться к своей миссии, в итоге присоединился (как некоторые говорят, ошибочно) к заговору, имевшему целью убить Гитлера. Что бы мы ни думали об этом решении, его героизм, рвение и (с человеческой точки зрения) ошибка заслуживают тщательного анализа. Заплатив большую личную цену, он поднял флаг Христа, хотя большинство отклонилось в сторону, чтобы последовать за другим знаменем. Он делал все, что мог, чтобы освободить Крест от свастики.

ЖИЗНЬ БОНХЁФФЕРА

Бонхёффер родился в Бреслау (теперь это польский город Вроцлав — *прим. ред.*) в 1906 году — всего лишь через тридцать пять лет после начала Второго Рейха, когда Уильям I был коронован в Версальском дворце как кайзер Вильгельм. Когда Германия пережила унижение, вынужденная признать свое поражение в Первой мировой войне, Дитриху было двенадцать. Кайзер, как вы помните, оставил престол, и была установлена Веймарская республика.

Отец Дитриха, Карл, был профессором психиатрии и неврологии при клинике университета в Бреслау. Когда Дитриху исполнилось шесть лет, семья переехала в Берлин, где его отец был назначен на должность профессора психиатрии и нервных заболеваний в одной из берлинских клиник. Несмотря на то что за время своей жизни он множество раз покидал

Берлин, он всегда воспринимал этот город как свой дом.

Семья Бонхёффера верила в христианское благочестие, однако церковь не посещала. Они читали Библию, но только в особых случаях. Водное крещение и конфирмация были для них важны, однако посещение церкви рассматривалось как необязательное и излишнее для приверженности высшим идеалам. Вполне понятно, что для семьи стало неожиданностью заявление Дитриха в возрасте семнадцати лет о том, что он хочет изучать богословие. Фактически, это решение было незаметно для других принято в его разуме задолго до того — возможно, даже тогда, когда в возрасте восьми лет он вместе со своей сестрой проводил время в беседах о смерти и о вечности.

Его самый старший брат Вальтер был убит во время Первой мировой войны спустя две недели после того, как попал на фронт. Немцы были настолько уверены в победе, что когда признали свое поражение, то нация погрузилась в траур. Два уцелевших старших брата Дитриха были убеждены, что Германия для того, чтобы быть спасенной от своего унижения и политического беспорядка, нуждается в чем-то большем, чем богословие.

Клаус, самый старший из уцелевших братьев, старался убедить своего младшего брата в слабых характеристиках протестантской церкви в Германии и был огорчен тем, что Дитрих посвящал свою жизнь такому неподходящему делу. На это Дитрих решительно отвечал: «Если церковь слаба, то я реформирую ее!».

Другой брат, Карл, был еще более огорчен намерениями Дитриха. Он разворачивал карту Солнечной системы, указывая на последние научные открытия. Карл был убежденным скептиком и боялся, что его брат был близок к тому, чтобы посвятить себя ничемному делу — делу, которое больше не имело значения в современном научном веке. Однако Дитрих ничего этого не принял и отвечал: «Dass es einen Gott gibt, dafür lass' ich mir den kopf abschlagen» («Я буду верить в существование Бога, даже если вы снесете мне голову»). Его решение изучать богословие оставалось непоколебимым.

Родители Дитриха выразили слабый энтузиазм по поводу решения их сына учиться на христианского служителя. Мать по этому вопросу помалкивала, а отец, будучи уверенным в том, что дитя само должно принимать решение о карьере, не чинил ему препятствий. Тем не менее, семья считала церковь стоящей в стороне от свирепствующего в то время политического и экономического хаоса. Ожидалось, что изменения, которые действительно принимались во внимание, должны были прийти из какого-либо другого места.

Бонхёфферы относились к числу тех немногих семей, которые поддерживали Веймарскую республику, веря в то, что только демократия может гарантировать личные свободы. Однако, когда год спустя были объявлены условия Версальского договора, семья, вместе с остальной Германией, была возмущена тем, что они восприняли как вопиющую несправедливость.

Когда в 1923 году инфляция достигла своего пика с миллиардом марок за один доллар, семья терпела лишения. Немцы тратили свои деньги в день их получения, потому что инфляция возрастала ежедневно. Карл (отец) рассказывал, что когда в это время подошел срок оплаты его двух страховых полисов стоимостью пятьдесят тысяч марок каждый, он пообещал детям, что купит на эти деньги бутылку вина и немного клубники. Фактически, от бутылки вина пришлось отказаться — денег по страховке хватило только на клубнику.

Невзирая на безудержную инфляцию, Дитрих приступил к осуществлению своей мечты и в 1923 году поступил в Тюбингенский университет. Он учился там всего лишь год, уделяя основное внимание богословию и истории церкви. На следующий год он поступил в Берлинский университет, продолжив изучение богословия под бдительным присмотром такого либерального ученого, как Адольф фон Гарнак. Там Бонхёффер столкнулся с учениями, подрывавшими историческую христианскую веру посредством критических исследований, настаивавших на том, что Библия полна ошибок и мифов. Были широко распространены дискуссии о личности исторического Иисуса — истинного Иисуса, Который, по мнению либералов, был просто выдающимся человеком и не более того.

Бонхёффер был впечатлен подобными теориями, однако никогда не соглашался с заключениями своих профессоров. Он был в дружеских отношениях с швейцарским богословом Карлом Бартом, который также отказывался принимать либеральное учение того времени и настаивал на том, что церковь должна вернуться к провозглашению «Бога как Бога». Барт проповедовал о том, что Бог был явлен во Христе как ни в ком другом. До тех пор, пока церковь не вернется к своей задаче проповеди Евангелия, она отказывается исполнять свою миссию.

В этом котле теологических разногласий у Бонхёффера обострился интерес к роли церкви в обществе. В возрасте двадцати семи лет он опубликовал свою диссертацию под названием «Причастие святых», которую позже Карл Барт назвал «богословским чудом». В ней Бонхёффер заявил, что церковь — это «Христос, существующий в виде сообщества». По его словам, церковь — не церковь до тех пор, пока она не начнет «существовать для других».

Он соглашался с Лютером в том, что церковь не является идеальной организацией, которая никогда не нуждается в реформах. Наоборот, будучи обществом, она может оказаться неправой по отношению к Евангелию. Церковь всегда должна быть обращена ко Христу как к своему центру.

И в наше время мы нуждаемся в том, чтобы услышать его пылкие слова: «Для современной эпохи есть только одна надежда, которая настолько бессильна, настолько немощна, настолько отчаянно хрупка и достойна жалости, и к тому же одинока — возвратиться в церковь как к месту, где человек с любовью поддерживает другого, где человек принимает участие в жизни другого, где есть близкие отношения с Богом, где есть прибежище, где есть любовь». ¹²⁸ Как и пообещал своим братьям, он начал реформировать слабую церковь.

Начало служения

Поскольку Бонхёффер еще не достиг возраста, необходимого для посвящения в духовный сан, он согласился с назначением на должность помощника пастора в Испании (1928—29). Там впервые он столкнулся с крайней бедностью и помог организовать помощь нуждающимся. Он бросал вызов своей церкви: «Бог скитается среди нас в виде людей, обращается к нам в тех, кто встречается на нашем пути, будь то незнакомцы, нищие, больные или даже те, кто ближе всех к нам в повседневной жизни — они становятся Христовым требованием к нашей вере в Него».

По возвращении в Германию он был принят на должность профессора Берлинского университета. Это позволило ему получить стипендию для обучения в Объединенной теологической семинарии в Нью-Йорке. В Америке он подружился с богословом Рейнхольдом Нибуром, который привлек его внимание к социальным вопросам. Он проводил бесчисленные часы с чернокожими студентами, которые помогли ему понять ту боль, которую в Америке причиняет расизм. Он часто посещал служения поклонения в церквях

чернокожих и привозил записи их песен в стиле «спиричуэл» в Германию, чтобы воспроизвести своим студентам. Он также стал пацифистом, уверенным в том, что война по своей сути противоречит Евангелию. По его мнению, в сражениях христиане убивают друг друга за мирские политические идеалы, затмевая более значимые духовные реалии. В Америке он сосредоточился на изучении Нагорной проповеди.

Из-за открытости Бонхёффера к либерализму как в Германии, так и позже в Объединенной семинарии, представители евангелических церквей Америки часто относились к его теологии скептически. По той причине, что он не порицал либерализм открыто, и из-за его упоминаний о «нерелигиозном христианстве» некоторые евангелические верующие сомневались в искренности его посвящения Христу Нового Завета. Тем не менее (и это важно), Бонхёффер всячески настаивал на том, что Библия — откровение от Бога, хотя и не мог ответить на возражения тех, кто был против такой евангелической теологии и старался ее опровергнуть.

«Прежде всего, я совершенно свободно признаю,— писал он, — свою веру в то, что только Библия является ответом на все наши вопросы и что нам необходимо только постоянно вопрошать и иметь немного смирения для получения этого ответа... Только в том случае, если мы ожидаем от нее окончательных ответов, мы получим их. Это происходит потому, что Библия обращается непосредственно к нам». ¹²⁹ Для него в центре библейского послания находился Христос и Его крест. Одному из своих друзей он писал: «Мое прошлое наполнено до краев Божьей благодатью, а мои грехи покрыты прощающей любовью распятого Христа». ¹³⁰

Определенно, нам хотелось бы, чтобы Бонхёффер и его друг Карл Барт были более решительны в утверждении достоверности Библии даже в ее исторических подробностях. Нам хотелось бы, чтобы они противостояли либерализму, отрицавшему то Евангелие, в котором Германия так отчаянно нуждалась. Однако факт остается фактом: учитывая состояние церкви в Германии в 1920-х годах, теология Барта и Бонхёффера была подобна дуновению свежего ветра в жгучей пустыне.

По словам Бонхёффера, именно в Америке он стал христианином и впервые в жизни оказался «на правильном пути». Он постоянно размышлял о Христе: «Вера — это переживание очевидного присутствия Христа, ставшего плотью, распятого и воскресшего». Он глубоко любил Христа и был готов умереть ради того, чтобы другие могли возгореться тем же огнем. Никто не мог читать его труды, не ощутив его страсть, его пылкий разум и сердце.

Проблемы в церкви

После возвращения в Германию в 1931 году Бонхёффер продолжил свой непрерывный поиск ответов на те вопросы, в разрешении которых нуждалась немецкая церковь. Гитлер начинал свое восхождение к власти, и Бонхёффер предупреждал своих студентов о немецком национализме, сокрушающем истинное послание церкви. Все земные боги должны были быть отвергнуты.

Он был опечален теми студентами, кто решил принять популярную идеологию, которая гласила: что хорошо для Германии, хорошо и для церкви. После того как Гитлер в 1933 году занял пост канцлера, Бонхёффер стал еще более прямым в своей критике нацистского режима и неспособности церкви противостоять политическому вмешательству. Бонхёффера изумляло то, с какой легкостью люди путают политический успех и успехи духовные.

Он постоянно спрашивал своих студентов: «Кем является Иисус Христос в мире 1933 года?». Для него Иисус был преследуемым евреем и заключенным в тюрьму диссидентом в церковной борьбе. Когда 1 апреля 1933 года было приказано бойкотировать еврейские магазины, вся семья Бонхёфферов проявила неповиновение. Девяностолетняя бабушка Дитриха спокойно прошла через кордон гитлеровских штурмовиков, окружавший еврейские магазины, и сделала свои покупки.

Бонхёффер был уверен, что церковь ответственна и за пределами ее стен за всех, с кем обходятся несправедливо. Как мы уже знаем, он противостоял «арийскому пункту» и написал заметку, в которой акцентировал внимание на том, что членство в церкви должно базироваться не на расовой принадлежности, а на взаимоотношениях человека с Иисусом Христом. Он просил церковь бросить вызов государству, если его политика противоречит христианству.

Постепенно в университете Дитрих оказался в изоляции. На волне поднимающегося нацизма ему было отказано в пасторском служении. Разочарованный, осенью 1933 года он покинул Германию, чтобы принять пасторство над двумя немецкими церквями в Лондоне. Кое-кто, включая Карла Барта, критиковал его за выход из борьбы. Однако Бонхёффер использовал свои зарубежные контакты для того, чтобы побуждать церкви в Германии сопротивляться нацифицированному Евангелию.

В 1935 году он вернулся в Германию для того, чтобы возглавить нелегальную семинарию, расположенную неподалеку от Балтийского моря. Эта семинария отказалась от поддержки правительства и потому была свободна от политического вмешательства. Ее задача состояла в подготовке пасторов для Исповедующей церкви, которая должна была быть свободной от теологических ошибок «Немецких христиан», считавших нацизм совместимым со своими заветными чаяниями.

День в семинарии был построен Бонхёффером вокруг молитвы, размышления, чтения Библии и его лекций. Эти лекции легли в основу самой известной его книги «Цена ученичества». Несмотря на то что Гестапо в 1937 году закрыло семинарию, его наследие живо благодаря этой книге. Он напоминает тем «Немецким христианам», которые объединили христианство с национал-социализмом, что «крест превыше мира. Это означает, что человек (даже самый великодушный) должен, нравится это ему или нет, пасть в прах, а вместе с ним и все боги, идолы и хозяева этого мира. Крест Иисуса Христа — это горькая насмешка Божия над всеми человеческими высотами, мучительное страдание Бога во всех человеческих глубинах, правление Бога над всем миром».¹³¹

Тот, кто соединил Крест со свастикой, был подобен сделавшим золотого тельца в Ветхом Завете. Призыв следовать за Христом означал, что существует только один путь этого следования — оставить все, потому что «дорога к вере проходит через послушание призыву Иисуса».

В «Хрустальную ночь» 9 ноября 1938 года, когда полиция бездейственно наблюдала за уничтожением еврейских магазинов, сожжением синагог и тюремным заточением евреев, Бонхёффер вернулся в Берлин в ярости на тех христиан, которые говорили, что все это — просто проклятие, которого евреи заслужили за смерть Христа. В тот день в своей Библии он подчеркнул текст из Псалма 73:7-8: «Предали огню святилище Твое; совсем осквернили жилище имени Твоего... Сожгли все места собраний Божиих на земле». Он порицал постыдное молчание церкви и настойчиво продолжал задавать вопрос: «Где Авель, брат твой?».

В следующем 1939 году Бонхёффер вернулся в Америку, чтобы переосмыслить свою

верность Исповедующей церкви и устранить себя как символ церковного сопротивления. Он полагал, что его неизменное присутствие может навлечь гнев нацистов на ближайших коллег. Однако, не выдержав угрызений совести, спустя лишь месяц он вернулся в Германию.

Перед тем, как описать конец его жизни в возрасте тридцати девяти лет, давайте ответим на такой вопрос. Что в понимании Бонхёффера было ценой ученичества, и что он имел в виду, когда говорил, что Христос призывает нас «прийти и умереть»?

ПРИЙТИ И УМЕРЕТЬ

Если мы спросим, откуда у Бонхёффера было мужество для того, чтобы принять мученическую смерть, то ответ может быть только один: он умирал множество раз, до того как был повешен в концлагере в Флоссенбурге. Он был страстно убежден, что ученичество означает смерть — смерть для своего комфорта, смерть для своих устремлений и, если понадобится, также и смерть физическая. Крест Христов был символом этой смерти, и никогда не мог быть смешан со свастикой, которая была символом человеческих претензий к жизни.

Бонхёффер соглашался с мнением Лютера о том, что спасти нас может только благодать. Но тот, кто следовал за Лютером, принимал его учение, оставляя в стороне ответственность ученичества. Мы находим поддержку в своих страданиях, осознавая, что Бог страдал в этом мире через Христа. Сам Бог был с равнодушием оставлен и отвергнут. Сам Бог перенес унижение на кресте. Отличительной чертой истинной церкви всегда были страдания.

Мы следуем за Христом в Его слабости, чтобы быть сильными. Христианство — это религия страданий. Человек бросается в руки Божьи и пробуждается в Гефсимании. Если Христос умирал за то, во что Он верил, то почему же мы не должны следовать по Его стопам?

Следование за Христом освобождает нас от созданных людьми догм, от всякого бремени и гнета парализующих сознание тревог и мучений. Только если мы следуем за Христом безоговорочно и чистосердечно, мы находим Его иго благим и Его бремя легким. К счастью, что бы Христос ни попросил нас сделать — Он дает нам для этого силу.

Ниже перечислены пять видов смерти, которыми должен умереть христианин. Эти смерти сделали Бонхёффера способным принести наивысшую жертву с внутренним спокойствием и смирением перед Богом. В некоторых случаях я цитирую Бонхёффера, а в других — представляю пересказ его размышлений.

Смерть для естественных взаимоотношений

Во дни Третьего Рейха многие пасторы говорили, что готовы пережить тюремное заключение или смерть, однако не могут поступить так из-за своих семей. Одно дело, когда гонениям подвергается муж или отец, и совершенно другое — видеть детей, которых постигает та же участь. Гитлер всегда использовал семью человека как средство достижения абсолютного повиновения.

Бонхёффер отвечал, что наше посвящение Христу должно быть настолько всепоглощающим, что все естественные привязанности должны быть покорены Его власти. «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели

Меня, не достоин Меня» (Матфея 10:37).

Наш разрыв естественных взаимоотношений иногда бывает явным, а иногда скрытым. Однако мы всегда должны быть готовы позволить разрыву перейти в открытую форму. Авраам должен был оставить своих друзей и родственников для того, чтобы следовать за Богом — ничего не должно было стоять между Авраамом и Богом. Он должен был стать странником и пришельцем, чтобы унаследовать Обетованную землю.

Позже Бог попросил Авраама положить Исаака на жертвенник. Это было испытание с тем, чтобы увидеть, позволил ли старик своему сыну прокопать путь к его сердцу. Возможно ли, чтобы Исаак значил для него больше, чем Бог? Никто не слышал этого призыва Божьего к Аврааму — даже слуги и Сара. Это — личный глас Божий к нему — ничего не скрывать от верховной благодати Всевышнего.

Авраам прошел испытание, и Бонхёффер пишет: «На этот раз должны быть разорваны не только прямые взаимоотношения плоти и крови, но также и духовные... Пред лицом любого прямого требования к нему — будь то естественного, этического или религиозного — он будет послушен Слову Божьему... Авраам принял Исаака обратно, однако с этого времени он будет смотреть на сына совершенно по-другому — через Посредника и ради Посредника».

132

Авраам спустился с горы точно так же, как взошел на нее — имея сына рядом с собой, однако ситуация кардинально изменилась. Между Авраамом и его сыном встал Христос. «Внешне картина не изменилась, однако древнее прошло и вот, все стало новым. Все должно пройти через Христа».133

Бонхёффер знал, о чем говорил. Он не только оставил свою семью, но и особую любовь своей жизни — девушку по имени Мария, с которой он был помолвлен. Через три месяца после помолвки Бонхёффер был заключен в тюрьму. Ей было разрешено несколько раз навестить его в тюрьме, и они тайно обменивались письмами (иногда с помощью охранников). Когда он был переведен в гестаповскую тюрьму в другой части Берлина, ей больше не разрешали видеться с ним.

Для Бонхёффера взаимоотношения всегда были подчинены высшим обязательствам. Мы можем думать, что наша главная ответственность относится к семье, детям, другу или подруге, и, возможно, уверены, что эти взаимоотношения, которые были установлены Богом, никогда не должны быть разорваны. Однако между нами находится Христос. И его призыв более важен.

Смерть для успеха

Попросите обычного христианина дать определение успеху, и он укажет либо на богатство, либо на власть. Христос разбивает все подобные человеческие мнения. Бонхёффер говорил: «Успех — это внешний лоск, покрывающий только пустоту души».

Преуспевающего тяжело упрекать за поведение. Прежде всего, он часто неохотно оглядывается на свое прошлое, поскольку стремится к следующему достижению. Он побуждаем чувством собственной важности, которое от него не может быть забрано. Он слеп, чтобы увидеть свою жадность и честолюбие, поскольку его успех превозносит эти качества как блага.

Во-вторых, он будет давать своему успеху разумное объяснение, говоря, что делает это ради Бога. Таким образом, его жизнь и безопасность становятся уютным гнездом, внутри которого

он чувствует себя вполне удовлетворенным и самодовольным. Он не понимает, что Христа распял успех, имеющий именно такое определение. Подобное понимание успеха делает христиан неотличимыми от мира. Как мы можем победить мир, если сами поглощены его страстью к успеху?

Крест изменяет нашу перспективу. Христос на кресте не может быть примирен с нашим пониманием успеха. Христианин «не беспокоится об успехе или неудаче, но о готовности принять Божий суд».134 Мы должны сложить наши заветные мечты к ногам нашего распятого Спасителя.

Смерть для плоти

Когда мы стремимся следовать за Христом, что стоит прямо на нашем пути больше, чем желания плоти? Эти желания обманчивы.

Для того чтобы проиллюстрировать точку зрения Бонхёффера, я привожу историю, которую услышал от знакомого пастора, наставлявшего группу людей. Некоторые из них признались ему по секрету, что не примут победу над сексуальной похотью, даже если бы ее им даровал Христос. Они объясняли это тем, что похоть доставляет удовольствие, и, учитывая давление жизни, они заслуживают немного этого удовольствия.

Бонхёффер сказал бы, что эти люди упустили один важный момент — необходимость веры в то, что Божий путь на самом деле для них является самым лучшим. Отворачиваясь от Христа подобным образом, мы неспособны противостоять атаке искушения в других сферах.

Бонхёффер по этому поводу сказал следующее: «Даже кратковременное желание является барьером для следования за Иисусом и ввергает все тело в ад, заставляя нас продать свое небесное первородство за чечевичную похлебку и показывая, что нам не хватает веры в Того, Кто вознаградит смирение радостью стократно».

Он продолжает раскрывать суть этого вопроса:

Вместо того, чтобы уповать на невидимое, мы отдаем предпочтение осязаемым плодам желания и таким образом отпадаем от пути ученичества и теряем контакт с Иисусом. Похоть нечиста, потому что является неверием, а потому ее следует остерегаться... Выгода от похоти ничтожна по сравнению с той потерей, к которой она приводит... Когда вы делаете свои глаза инструментом нечистоты, то не можете увидеть ими Бога.135

Бонхёффер обращается к нашей культуре, утверждающей, что каждый имеет право на сексуальное наслаждение. Некоторые даже думают, что оно неизбежно и просто является частью нашего человеческого естества. Однако его власть не может быть разрушена до тех пор, пока не будет принято твердое решение следовать за Христом и взирать только на Него. Крест требует от нас прийти и умереть. Своеволие должно быть сокрушено. Мы должны стать слабыми для того, чтобы мы могли стать сильными. Христос должен войти в каждую сферу нашей жизни. Бонхёффер согласился бы с Тозером: «Та часть нас, которую мы избавляем от креста, становится местом наших сражений».

Смерть для любви к деньгам

«Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ибо где сокровища ваши, там будет и сердце

ваше» (Матфея 6:19-21).

Есть немного людей, которые в одно и то же время богаты и нищи духом. Любовь к деньгам должна быть принесена в жертву точно так же, как Исаак был возложен на алтарь. Бог знает, говорит Бонхёффер, что человеческое сердце жаждет богатства, и Бог хочет, чтобы у нас было сокровище. Однако Он хочет, чтобы мы имели сокровище на небесах. Земные богатства истлевают, но сокровище на небесах пребывает вовек. «В наших сердцах есть место только для одного всепоглощающего посвящения, и мы можем прилепиться только к одному Господу».

Бонхёффер умер для своей естественной любви к деньгам. Он был уверен, что деньги предназначены для использования, а не для накопления. То малое, чем обладал, он расценивал как дар от Бога. По его словам, единственные деньги, которые мы увидим опять, это те, которые были отданы для оказания помощи другим.

Претерпев эти смерти, он был подготовлен к своей последней жертве. Он относился к числу тех, кто был готов пойти на риск в доказательство того, что он «не возлюбил души своей даже до смерти».

Мученичество Бонхёффера

Хотя поначалу Бонхёффер верил в то, что Нагорная проповедь учит пацифизму, в конце концов он присоединился к тайному заговору убить Гитлера. В защиту своего поступка он писал тем, кто были его соучастниками в этом заговоре: «На этот раз нам пришлось узнать, что означает увидеть великие события мировой истории снизу — с точки зрения изгнанников, подозреваемых, подверженных жестокому обращению, бессильных, притесняемых, оскорбляемых — короче говоря, с точки зрения тех, кто страдает».136 Он верил, что идя на риск убийства Гитлера, он следовал за Христом, Который рискнул Своей жизнью ради того, чтобы защитить бедных и изгоев.

Фактически Бонхёффер был привлечен к шпионажу в 1940 году своим зятем Гансом Донани, который был агентом Абвера (военной разведки). Донани посоветовался с главой Абвера адмиралом Канарисом, который к тому моменту был глубоко вовлечен в движение Сопротивления. Вместе они придумали предлог для участия Бонхёффера — он мог использовать свои церковные контакты для оценки политической ситуации в других европейских странах и в Америке.

Тем не менее, под этим прикрытием Бонхёффер выполнял совершенно другую миссию, а именно — контактировал с союзниками с целью определения условий капитуляции в том случае, если попытка покушения увенчается успехом. Дитрих также работал над смелым планом вывоза евреев из Германии и даже находил время для того, чтобы продолжать работу над своей книгой «Этика», в которой порицал церковь за то, что та не подает голос в защиту обездоленных. Он объявил церковь «виновной в смерти самых слабых и самых незащищенных братьев и сестер Иисуса Христа».

Как и следовало ожидать, о его решении стать двойным агентом у богословов часто возникали споры. Некоторые соглашались с его участием в политике, другие же не были согласны причислить его к числу мучеников-христиан, настаивая на том, что он умер скорее за политическое, чем за религиозное дело. Каким бы ни было заключение, один факт остается неоспоримым: Бонхёффер оценил альтернативы и решил рискнуть своей жизнью ради того, что, по его убеждению, было правильным.

5 апреля 1943 года он был заподозрен в измене и заключен в военную тюрьму Тегель в

Берлине. Свидетельство против него было нечетким, однако его держали в заключении, и на свободу он уже никогда не вышел. Во время пребывания в тюрьме он написал свою книгу «Письма и статьи из тюрьмы», которая была тайно вынесена на свободу сочувствующими охранниками.

Он пылко критиковал ту форму религии, которая препятствовала искренней вере. Он был уверен, что абстрактные богословские споры часто затуманивали ответы, в которых отчаянно нуждались люди. По его словам, церковь заботилась о том, чтобы сохранить нетронутыми свои духовные привилегии. Она отвергла личную ответственность и оказалась неспособной проявить власть над «миром, достигшим полноты времен». Церковь может быть церковью только тогда, когда она действует смело во время нужды.

Когда бомбы союзников падали на тюрьму, Бонхёффер утешал других узников. Один заключенный отметил, что его посвящение Христу было очевидным и что каждый был тронут «его простой искренностью».

20 июля 1944 года план полковника Штауффенберга убить Гитлера потерпел неудачу. Это сразу же привело к уничтожению многих, кто хоть каким-то образом был заподозрен в связи с заговором. В октябре того же года Бонхёффер был переведен в тюрьму Гестапо в Берлине. В феврале 1945 года он был отправлен в концентрационный лагерь Бухенвальд.

Один из заключенных написал о Дитрихе: «Он был одним из тех немногих, когда-либо виденных мною людей, для которых их Бог был реальным и всегда был близок к ним». Еще один узник отметил: «Полностью спокойная и нормальная, находящаяся в совершенном покое, его душа сияла во тьме нашей тюрьмы. Он учился полностью отдавать себя в руки Божьи, серьезно относясь как к своим страданиям, так и к страданиям Бога в этом мире».

Два месяца спустя, по приказу Гимmlера Бонхёффера вместе с Канарисом и несколькими другими заключенными погрузили в тюремный фургон и повезли в лагерь смерти Флоссенбург. Через несколько дней они прибыли в маленькое селение Шёнберг, где заключенные были собраны в маленьком школьном здании, которое теперь использовалось в качестве временного карцера. Один из заключенных рассказывал, что Бонхёффер повел их в молитвенном служении по тексту «ранами Его мы исцелились», принеся утешение своим товарищам.

Дверь отворилась пинком, вошли двое сотрудников Гестапо, потребовав от Бонхёффера следовать за ними. Он немного задержался, чтобы со всеми попрощаться. Последними его записанными словами были «О, Боже, это — конец, и для меня — начало жизни».

Инсценированный судебный процесс над ним продолжался всю ночь вплоть до утра. Последняя картина о нем основана на описании, данном врачом, которого попросили присутствовать при казни. Он записал, что между пятью и шестью часами Бонхёффер вместе с тремя другими заключенными был поведен на казнь. Врач отметил, что, когда дверь открылась, он увидел пастора Бонхёффера все еще в тюремной одежде, молящегося своему Господу Богу.

Заключенным было приказано раздеться. Затем они были проведены на один лестничный пролет вниз под деревья к уединенному месту своей казни. Обнаженный, под виселицей в очаровательном весеннем лесу, Бонхёффер опустился на колени в своей последней молитве. Затем он мужественно и невозмутимо поднялся по ступенькам на виселицу. Спустя пять минут его жизнь прервалась. Это было 9 апреля 1945 года.

Говоря о вере Бонхёффера, врач написал: «Посвящение и явная твердая вера этого человека глубоко тронули меня... За почти пятьдесят лет моей работы врачом я вряд ли когда-либо

видел человека, умирающего с таким полным смирением перед волей Божьей».

Три недели спустя Гитлер покончил жизнь самоубийством, а еще через неделю война в Европе закончилась. Нацизм, которому противостоял Бонхёффер, был посрамлен, и церковь, которую он так пылко порицал, получила возможность поразмыслить о своем малодушии. Послание о Кресте, которое было потеряно в опьяняющие дни национальных побед, следовало вернуть назад.

Мы не сможем дать ответ на вопрос, почему Бог не сохранил жизнь Бонхёфферу всего лишь на несколько недель, чтобы он мог быть освобожден союзниками. Мы можем только быть уверены в том, что он умер в назначенное Богом время и определенным Богом способом. Он, так пылко любивший Христа, последовал за своим Учителем, приняв насильственную смерть из рук других людей. Он мог бы сказать, что Бог дал ему привилегию «драгоценной благодати».

Наследие Бонхёффера живо. Он является постоянным напоминанием о том, что церковь должна всегда оставаться церковью — сколь бы ни была высока цена. Христос приглашает каждого из нас: «Прийди и умри». Однако, если мы не умираем для себя во время нашей земной жизни, мы, возможно, не будем готовы заплатить окончательную цену, если этого потребует наша вера.

Бонхёффер оставил после себя молитву: «Смерть, сбрось с нас скорбные цепи и разрушь толстые стены нашего смертного тела и наших ослепленных душ, чтобы мы, наконец, могли узреть то, что были не в состоянии увидеть в этом месте. Свобода, мы страстно желали найти тебя через обучение, через деяния и через страдание. Теперь, умирая, мы видим тебя пред лицом Божиим». ¹³⁷

Глава 10

60 ЛЕТ СПУСТЯ

Христианство в Германии еще более ответственно перед Богом, чем национал-социалисты, СС и Гестапо». Это слова Мартина Нимёллера, сказанные в 1946 году во время одной из лекций в Швейцарии. Если согласиться с тем, что сила церкви определяется ее влиянием в обществе, то Нимёллер, возможно, действительно был прав.

Германия и Соединенные Штаты схожи. Обе страны имеют христианские корни, в обеих широко приемлют библейские общественные ценности и для обеих характерна глубокая приверженность личной добродетели. Америка выиграла от конституционных гарантий отделения церкви от государства и от самой демократии — формы правления, оказавшейся в Германии несостоятельной во времена Веймарской республики, но окончательно принятой после Второй мировой войны.

Невзирая на различия, для церкви также существует угроза обернуть крест Христов чуждым ему флагом, как это случилось с церковью в нацистской Германии. Как это ни печально, очевидно, что мы, евангелисты, потеряли свою веру в Евангелие как «в силу Божью ко спасению». Лютер напоминал нам, что церковь — это сообщество, которое нуждается в постоянной реформе, всегда испытывая себя — исполняет ли она поручение Христа как должно. Я уверен, что нам следует молиться не только о пробуждении, но также и о реформации, которая восстановит наше потерянное доверие к Кресту.

Что, если будет справедливо сказать об Америке так же, как Генрих Гейне некогда сказал о Германии? Что, если только крест Христов хранит нас от могущественных и жестоких сил,

которые, если высвободятся, то приведут в изумление весь мир? Разве мы уже не видим подобные силы в действии в распространении преступности, в нравственном упадке в наших школах и в разрушении наших семей?

Не забыли ли мы (я обращаюсь к тем из нас, кто является посвященными христианами), что сила Божья более явно проявляется в послании о Кресте, а не в каких-либо политических или социальных целях, которые мы могли бы придумать? Не может ли поиск какого-либо противоядия от наших тяжких проблем быть симптомом потери нами уверенности в силе Евангелия изменять людей изнутри? Держимся ли мы Креста с глубокой убежденностью, что он — не просто *часть* нашего послания миру, но по праву рассматривается как *все* послание?

Мы являемся свидетелями возрастающей враждебности по отношению к христианству со стороны общества в целом и от государственных организаций в частности. Былая воздержанность нашего христианского прошлого отбрасывается в сторону с циничной самоуверенностью. В попытке быть «значимыми» мы теперь сталкиваемся с искушением отклониться от своей миссии и начать делать то, что является *хорошим*, не принимая при этом во внимание то, что является *наилучшим*.

В чем, в конце концов, смысл Креста, о котором мы говорим? Почему христиане должны «держаться за старый крест», о чем напоминает нам известный гимн? Несомненно, мы можем думать, что переросли подобную сентиментальность, однако именно это определяет, стоит христианство или падает. Смысл Креста в том, что он дает христианству силу.

Крест — это не что иное, как само присутствие Божие для нас. Поскольку Бог избрал простить грешных людей, то сделать это Он мог только праведно. По словам Чарльза Крэнфилда, Он решил «направить на Себя в лице Своего Сына всю тяжесть того праведного гнева, который они заслуживали». ¹³⁸ Бог-Сын понес от Бога-Отца наказание за наши грехи, что и есть «спасение — от Господа».

Борьба Реформации была не чем иным, как борьбой за правильное понимание Креста. Когда Лютер, наконец, понял, что на кресте Христос взял на Себя беззакония всех нас и что грешники могут примириться с Богом только через веру, он, по его словам, был «возрожден и вошел во врата рая». Неудивительно, что после этого Крест всегда был в центре всего учения Лютера. На кресте приходит конец всякому самолюбованию, всяким попыткам удивить Бога, а радужные надежды на способность человека самостоятельно устроить лучший мир исчезают.

Христианин не может приближаться к Кресту с холодной отчужденностью. Крест выявляет тщетность всей нашей самоправедности. Он напоминает нам о том, что мы — грешники, неспособные примирить сами себя с Богом. Христос умер, чтобы спасти грешников, явить Божью любовь и победить зло. Перед этим Крестом мы можем только стоять со склоненной головой и сокрушенным духом.

И в этом кроется предупреждение. Форсайт, говоря о Кресте как центральной точке в Божьем деле для грешников, написал: «Если вы смещаете веру от этого центра, то вбиваете гвоздь в гроб Церкви. Тогда Церковь обречена на смерть, и ее кончина — это только вопрос времени». ¹³⁹ Церковь может жить и дышать только у Креста. Без него нет ни жизни, ни смысла существования.

Позвольте мне повторить предупреждение Форсайта: *Без Креста мы вколачиваем гвоздь в наш гроб!*

Две опасности

В нынешний переломный момент истории нам угрожают две опасности. Первая — это сказать, что мы должны отказаться от необходимости своих культурных и духовных сражений ради верховенства Креста. Такая точка зрения справедлива, если ставить ударение на том, что нашей главной миссией является проповедь Евангелия, однако она ошибочна, так как мы перестаем проповедовать сами себе.

После процесса над Скоупом¹⁴⁰ в Америке фундаменталисты по большей части отказались от искусства, общественного образования и политики.

Им было неловко от вовлечения в «мирские» дела. Как и церковь в Германии, многие верили в существование двух сфер, однако они продвинулись в этой доктрине на шаг вперед, говоря, что христианин должен прилагать все свои усилия только внутри «духовной» сферы. Выход за ее границы означал стать слишком «мирским» и слишком поглощенным тем, что является проходящим. Эти старые фундаменталисты были правы в том, что весть о Христе делали центральной, но ошибались, уча о том, что христианская вера должна практиковаться в изоляции от культуры и ее учреждений. **Таким образом, Крест, хотя и возвеличивался среди верных, был скрыт от мира.**

Вторая опасность заключается в том, что мы столь обременяем себя социальными и политическими программами, что наше послание теряется. Церковь всегда сталкивалась с искушением подкорректировать Евангелие или сделать его вторичным по отношению к сиюминутным политическим, философским или культурным вопросам. Когда это происходит, на культуру оказывают влияние христиане, но не Крест. И снова он оказывается скрытым.

Жак Эллул в книге «Ниспровержение христианства» пишет: «Каждое поколение думает, что, наконец, обнаружило истину... Христианство становится пустой бутылкой, которую последующие культуры наполняют всем, чем угодно».¹⁴¹ Печально, но христианская «бутылка» наполнялась разнообразными теориями. В ранней истории церкви Крест был затуманен сакраментализмом — представлением о том, что спасение — это благодать, данная через церковные обряды. Спасение больше не основывалось на личных взаимоотношениях с Богом, но было уменьшено до сотрудничества с церковной структурой. «Бутылка» была наполнена литургиями, которые никогда не могли привести душу к Богу. **Крест стал украшением, висящим на шее, а не инструментом, изменяющим сердце.**

В восемнадцатом веке в качестве плодов Просвещения возник рационализм и гуманизм. Они настаивали на том, что религия должна соответствовать нашему разуму. То, что выглядело противоречащим нашим органам чувств, исключалось. Чудеса, к примеру, не принимались во внимание как не согласующиеся с просвещенным культурным мышлением. Унитарии доказывали, что Бог слишком благ для того, чтобы отправить человека в ад, а универсалисты были уверены, что человек слишком хорош для того, чтобы быть отправленным туда. Крест стал символом сентиментальной любви, а не напоминанием о том, как Христос пролил Свою кровь, чтобы примирить человека с Богом.

Сегодня «бутылка» христианства часто наполнена философией. Благодаря Фрейдю, была устранена потребность в христианском покаянии. Мирские философы отрицают, что человек отпал от изначального состояния святости. Поскольку он не является падшим, то не нуждается в том, чтобы быть поднятым (по крайней мере, не Богом). Спасение — это просто вопрос обладания здравым представлением о самом себе. Крест Христов — это символ человеческой отчужденности от самого себя; напоминание о том, что человек должен примириться с тем собой, которым он уже является.

Движение «Нью Эйдж», объединяя христианство с самыми разнообразными восточными оккультными представлениями, вообще игнорирует Крест. В лучшем случае он — символ самоанализа, напоминания о нашей потребности быть в контакте с потусторонним миром. Согласно этому движению, Крест не унижает нас, а превозносит.

Некоторые политические активисты заполняют христианский «сосуд» планами проведения политических реформ. Спасение в этом случае представляется как избрание консерваторов в центральные или местные органы власти. Насколько бы важным это ни было, мы никогда не должны забывать о том, что Бог ни республиканец, ни демократ. Когда Крест обернут флагом политической партии, он всегда искажается или ослабляется. Даже для тех, кто ощущал его силу, Крест становится дополнением к тому, что считается более важным в данную минуту.

Мы должны принимать участие в политических процессах, но соблюдая дистанцию, сражаясь со злом и поощряя добро, где бы мы их ни обнаруживали. В конце концов, избирательная урна не может спасти нас — это может сделать только Бог. И Крест является центральным элементом Его замыслов.

Только когда Крест остается один, не обремененный другими религиями, философией или политическими идеологиями, он сохраняет свою силу. Крест Лютера имел силу смирать и спасать грешников. Крест в свастике превозносил и утверждал грешников. Первый приводил грешников в Царство Бога, а второй — в гибнущий *Рейх*.

Как же тогда мы можем возвеличивать Крест и в то же время оставаться вовлеченными в культурные и социальные конфликты нашего времени? Как нам избежать социальной пассивности и ошибки религиозных экстремистов, сжигающих клиники, в которых производят аборт?

Перед тем как ответить на вопрос о том, какими должны быть наши приоритеты, нам необходимо поразмышлять над некоторыми параллелями между церковью в Германии и нашими собственными культурными и политическими сражениями. Как всегда, в центре бури находится вековой конфликт между церковью и государством. На повестке дня свобода открытой проповеди о Кресте.

КРЕСТ ПРОТИВ МИРА

Гитлер стал диктатором страны, которая была христианской (по крайней мере, номинально). Перед ним стояла задача: как лишить миллионы людей их веры в Бога и Христа. От христианства не отказывались полностью, однако оно было заменено «позитивным христианством», которое могло бы комфортно сосуществовать с нацизмом. Как и многие в Америке сегодня, Гитлер был уверен, что христианство должно отказаться от своей уникальности с тем, чтобы Крест мог быть объединен с другими идеологиями. Он не мог выносить христиан, которые поклонялись исключительно Христу, поэтому максимально ограничил свободу выражения религиозных убеждений.

Это был в точности такой вид контроля, которого пытались избежать составители Американской конституции. Когда они рассматривали Первую поправку («Конгресс не принимает законов касательно учреждения религии и не запрещает ее свободное выражение»), то полагали, что защищают свободу вероисповедания, гарантируя, что люди могут свободно выражать свою веру. Как подразумевалось, эта фраза означает, что: 1) Конгресс (или государство) не должен вмешиваться в религиозные обычаи и что 2) не может

быть учреждена национальная церковь, которой обязан принадлежать каждый.

В руках элитной группы реформаторов эта поправка теперь переворачивается с ног на голову таким образом, что ее авторы содрогнулись бы. Сегодня наши суды часто трактуют свободу вероисповедания как свободу *от* вероисповедания. Вместо отделения церкви от вмешательства государства теперь подразумевается, что религиозные обычаи должны быть устранены из государства. Могущественные силы пытаются искоренить все признаки христианского влияния, переписать нашу историю и изгнать Бога из общественной сферы.

Каждый год в декабре адвокаты Американского союза за гражданские свободы ACLU проводят в нашей стране расследования, готовые запугать всякий малый или большой город, осмелившийся показать сцену рождения Христа, и энергично заставляют молчать школьников, желающих спеть рождественские гимны в школьной инсценировке. Конечно же, они не запрещают праздновать Рождество — но только без какого-либо выражения его значения. Как напоминание о Германии времен Гитлера, «Тихая ночь» должна быть заменена «Рудольфом, красноносым оленем», Рождество должно быть переименовано в «зимнее солнцестояние», а Христос должен уступить место Санта-Клаусу.

Конечно же, права других религий должны уважаться. Мы согласны с тем, что никто не должен быть принуждаем к участию в празднованиях Рождества. К сожалению, мы явно не способны создать атмосферу, в которой учащийся в классе может нарисовать облик Христа, не опасаясь, что этим он посягает на права какого-либо другого ученика. В Ферфаксе, штат Вирджиния, класс девочек-десятилеток нарисовал рождественские сценки на окнах своей классной комнаты. Однако от девочек потребовали смыть эти картины, потому что они изображали рождение Иисуса!

Точно так же как Гитлер переписал учебники Германии, чтобы привести их в согласие с национал-социализмом, сегодня наши учебники пересматриваются с тем, чтобы удалить наше христианское наследие и продвинуть гуманистические ценности. Таким образом секуляризм, однажды приведенный в движение, неуклонно захватывает все новые территории, пытаясь сокрушить религию любой ценой.

Если бы вы обратились к этим политическим либералам, то они заявили бы с видом благочестия, что верят в свободу вероисповедания, однако, по их мнению, единственным способом быть справедливыми по отношению ко всем религиям является полное устранение религии из общественной жизни. Будь то Китай или гитлеровская Германия, предпосылка остается той же: религия не может практиковаться в тех сферах, которые принадлежат государству. После утверждения этой предпосылки следующим шагом является расширение власти государства на то, чтобы прямо вторгаться в свободу соблюдения религиозных обычаев даже в «духовной сфере». Приведу примеры:

- В Сан-Хосе, штат Калифорния, городской совет постановил запретить установку рождественских яслей в общественном сквере и, в то же время, потратил помиллиона долларов государственных средств на сооружение статуи Кетзалькоатля — бога ацтеков, которому приносили человеческие жертвы.
- В Ирмо, штат Южная Каролина, студентке-отличнице сказали, что выполненный ею портрет Иисуса не может быть выставлен вместе с другими картинами из-за своего религиозного содержания.
- В Ладо, штат Миссури, группе студентов пришлось обратиться в суд, чтобы получить право на проведение в школе собрания. Они не хотели приносить в школу оружие или наркотики, а только — свои Библии.

- В Вирджинии директор сказал девочке-инвалиду, что она не может читать свою Библию в автобусе, поскольку это транспортное средство принадлежит школьному округу.
- В Калифорнии один гомосексуалист, уволенный из штата церкви, подал в суд иск о дискриминации. Тот факт, что церковь, в конце концов, выиграла этот процесс, является слабым утешением. То, что подобный судебный процесс мог состояться,— это уже серьезная угроза свободе вероисповедания.
- В Шанаане, штат Небраска, один судья поддержал право компании «U.S. West Communications» на увольнение своей сотрудницы Кристин Уилсон за то, что она носила на работу значок, выражающий протест против аборт. Этот судья сказал, что у компании могли бы возникнуть нежелательные трудности с тем, чтобы «приемлемым образом уладить вопрос с соблюдением женщиной религиозных обрядов или ритуалов».

В 1941 году Исповедующей церковью была распространена инструкция, описывающая ситуацию в Германии в то время. В ней было указано, что на государственных выставках нет христианских произведений искусства, а в газетах нет статей, выражающих христианскую точку зрения, и что «Церковь должна что-то сказать о тех вопросах, о которых немецкий народ совершенно не беспокоится».

Затем в этом материале приводится комментарий, который звучит так, как будто он был написан об Америке в 1990-х годах: «Государство исключает церковь из всего, что оно рассматривает как принадлежащее политической сфере. В то же время, от церкви ожидается, что она сожмется до пустоты». [142](#)

Параллели между нацистской Германией и современной Америкой могут оказаться преувеличены, однако только слепой к окружающей нас реальности может отрицать, что это сообщение из Германии времен Гитлера содержит зловещие предупреждения для Соединенных Штатов сегодня. Врагов религии даже не удовлетворяет устранение ее из государства, допуская в то же время свободу вероисповедания в церквях и синагогах. Целью является абсолютный контроль — полное подчинение церкви деспотическим моральным прихотям политических правящих кругов.

Можно ожидать, что это вторжение судебной власти в духовную сферу будет продолжаться. Поскольку Америка скатывается в язычество, на церковь будет оказываться давление с тем, чтобы она проводила однополые бракосочетания. Проповеди против аборт, гомосексуализма и других религий будут определены как «словесное насилие». Если социальные прожектеры будут действовать в том же духе, церкви и христианские школы окажутся вынуждены брать на работу гомосексуалистов для выполнения требования о квоте найма. Будут приняты новые законы, ограничивающие людей в том, чтобы свидетельствовать о Христе в торговых центрах и даже по радио. Враждебно настроенное государство, если оно не может уничтожить послание о Кресте, попытается, однако, подавить его.

Свободы также будут ограничены и на рабочем месте. Орегонское Бюро труда выдвинуло обвинения против Джеймса Мельтбека, владельца художественного магазина в Орегоне, в том, что он приглашал своих сотрудников в церковь и сказал одной паре, что они живут во грехе и пойдут в ад, если не пожениются и не станут посещать церковь. Бюро постановило, что его замечания создавали «запугивающую и оскорбительную рабочую атмосферу». Невероятно, но оно заявило, что переход из одного вероисповедания в другое — это физическое деяние, которое может регулироваться государством. Свидетельство может быть запрещено, если окажется, что оно «нарушает важные общественные обязательства и вредно для добропорядочности». Мельтбеку пришлось заплатить 3000 долларов штрафа и повесить в своем магазине специальный знак, говорящий о запрете дискриминации». [143](#)

Опыт Мельтбека может оказаться стандартной политикой, если инструкции Комиссии по вопросу равных возможностей занятости станут федеральным законом. В то время как я пишу эти строки, противостояние этому новому закону не допускает его принятия Конгрессом. Однако, поскольку история повторяется, его сторонники вернутся, когда политические условия станут более благоприятными. Свободы будут забраны под прикрытием создания «свободного от религии рабочего места».

Даже сейчас работодатели могут выражать свои религиозные убеждения только под «огромным риском ответственности и потенциальной потери предприятия». ¹⁴⁴ Некоторые работодатели, опасаясь этих новых инструкций, не позволят петь рождественских песен на рождественских вечеринках в своих компаниях. В соответствии с новыми инструкциями, религиозные символы, наподобие распятий или Библий, могут быть объявлены вне закона. Фактически, людям будут говорить, что когда они входят в офис, то должны оставлять свои самые заветные убеждения за его стенами. Подобно христианам в нацистской Германии, мы можем сказать: «От церкви ожидается, что она сожмется до пустоты».

Невероятно, но тех, кто хочет сохранить свободу, клеймят как тех, кто хочет ее уничтожить. В статье под заголовком «Новое право вредит» Преподобный Роберт Минейли организовал атаку на экстремистов и рьяных религиозных фанатиков, которые распространяют «дьявольские деяния и... ужасные преследования... отвратительные преступления и политический хаос». Джеймс Добсон, который стал особой мишенью этих нападков, отмечает, что Минейли говорит не о воинственном исламском «джихаде» (и я добавлю — даже не об Адольфе Гитлере), а о христианах, которые имели смелость высказаться об актуальных вопросах нашего времени.

Минейли говорит, что подобные христиане являются большей угрозой для демократии, чем бывшая угроза коммунизма. Фактически, он настаивал на том, чтобы христиане не имели права высказывать свое мнение по политическим или социальным вопросам. Если они будут держать свои идеи при себе, то это будет приемлемо, однако высказывание их «*verboden*» — запрещено. ¹⁴⁵

В действительности, либеральные социальные прожектеры хотят просто подчинить нас, обещают закрыть нам рты, чтобы мы держали свою точку зрения при себе. Это напоминает об одной немецкой женщине, стоящей в руинах своего города в конце Второй мировой войны. Когда мимо нее проходили британские солдаты, она с горечью сказала им: «Ничего этого не произошло бы, если бы вы сдались в 1940 году!».

Подобное отношение поддерживается, по большей части, благожелательно настроенными средствами массовой информации, решившими превратить Америку в светское государство, которым, по их убеждению, и должна быть нация. Это объясняет результаты некоторых опросов общественного мнения, согласно которым больше половины американцев уверены, что права на вероисповедание следует опасаться как силы, которая лишит нас свобод. Тот факт, что так называемое «Христианское право» по большей части просто пытается сохранить некоторые былые свободы, которыми обладал этот народ, просто игнорируется. Либералов никогда не клеймят как «Радикальных либеральных левых», но всегда рекламируют как защитников наших свобод.

Цель наших новых «защитников свободы» — удостовериться, что если христианство и выживет в Америке, то оно будет начисто очищено от своей уникальности. Это — американская версия «позитивного христианства» Гитлера, которое совместимо с любыми религиями и нравственными воззрениями. Тот, кто верит, что крест Христов требует от них абсолютной верности, не сможет выразить свою веру открыто. Ричард Нойхаус отмечает, что причиной этому является вера некоторых людей в то, что государство должно быть «лишено

религии, и что религия допускается только тогда, когда она герметично запакована в сфере личной жизни». 146 Радикальные атеисты только тогда успокоятся, когда иудео-христианские принципы будут вырваны из сердец и умов западной культуры.

Мы не знаем, когда все это закончится. Нам известно только то, что мы обладаем высшей честью представлять Христа среди этих идеологических потрясений. Нам брошен вызов подняться в этот час невероятных проблем и возможностей.

Так как же мы можем сохранять превосходство Креста и в то же время выражать свою веру на рынке идей? Что должна делать церковь во времена, когда так много сил пытается нейтрализовать ее влияние и ограничить ее свободы?

КРЕСТ ПРЕВОЗНЕСЕННЫЙ И ДЕЙСТВЕННЫЙ

Сейчас — пора расставить приоритеты в наших усилиях, чтобы совершить в оставшееся время как можно больше вечного добра. Во что бы то ни стало мы не можем позволить влиянию церкви «сжаться до пустоты». На протяжении большей части своей двухтысячелетней истории церкви приходилось страдать за свою веру, однако в этой стране мы, в основном, избавлены от преследований. С уверенностью в Боге мы можем смотреть в будущее с радостью и надеждой.

Благословения и опасности единства

Апостол Павел жаждал услышать отчет, который удостоверял бы его в том, что церковь в Филиппах «стоит в одном духе, подвизаясь единомысленно за веру Евангельскую» (Филиппийцам 1:27). Выражение «вера Евангельская» относится к тем доктринам, которые сосредоточены на Христе и на том, что Он делает для нас. Павел знал, что слово «вера» и слово «борьба» неразрывно объединены.

Решение «единомысленно подвизаться» за чистоту Евангелия должно всегда быть нашим высочайшим приоритетом. Если Евангелие — это наше самое драгоценное владение, то мы с ним никогда не пойдем на компромисс, даже если наши ряды сократятся и наши «крестовые походы за мораль» окончатся провалом. Да, в количестве есть сила, однако не в таком количестве, которое разбавляет чистоту евангельского послания. Когда христианские лидеры в Германии решили, что Крест может быть использован для поддержки идеологии, способной реформировать нацию, Евангелие было потеряно.

При защите Евангелия единство среди верующих всегда необходимо, особенно когда есть давление, принуждающее к компромиссу. Когда шестой Собор Исповедующей церкви решил, что пришло время каждому пастору самому решить, будет он давать клятву в верности Гитлеру или нет, он вручил Фюреру потрясающую победу. ***Люди, стоящие в одиночестве, как бы мужественны они ни были, не могут оказать такое же влияние, как тысячи, если не миллионы людей, стоящих вместе.***

Существует также еще один вид единства, обладающий своими плюсами и минусами. Многие годы евангелисты сотрудничали с широким спектром религиозных групп в борьбе с такими бедствиями, как аборт, порнография и издание специальных законов, поддерживающих гомосексуалистов. Они работали вместе, чтобы сформировать центры кризисной беременности и кормить голодных. Эта работа, конечно же, достойна одобрения,

поскольку в условиях демократии мы должны объединять силы со всеми, кто придерживается семейных ценностей, независимо от их религиозных взглядов или отсутствия таковых.

Мы можем организовать «крестовый поход за мораль», поднять флаг и трудиться со всеми, кто приветствует его. Однако давайте не будем столь наивными, чтобы думать, что именно в этом состоит великая надежда для Америки. Тьма может быть рассеяна только светом, а свет приходит через Евангелие Божьей благодати. ***Давайте никогда не будем забывать о том, что величайшая нужда этого мира — всегда видеть Иисуса, чтобы понимать, почему только Он один может примирить нас с Богом.***

Даже когда мы вступаем в наши культурные или политические сражения, наша главная цель должна заключаться в том, чтобы дать миру возможность увидеть Христа. Да, мы можем быть признательны за наши политические или правовые победы, однако что мы выиграем, если люди не познакомятся со Спасителем, Который может примирить их с Богом? Это не означает, что мы проповедуем каждый раз, когда посещаем Ассоциацию защиты прав детей или помогаем молодым женщинам решиться дать жизнь своему нерожденному ребенку. Это означает, что мы ведем себя таким образом, чтобы нам верили, когда мы делимся Благой Вестью.

И если потребуется сделать выбор между победой в нашей «культурной войне» и сохранением нашего посвящения чистому Евангелию, мы должны позволить культурным сражениям занять второе место, чтобы Крест нашел отклик в сердцах мужчин и женщин. Конечно же, этот выбор никогда не бывает четко очерчен, однако мы должны помнить о том, что Бог поместил нас на этой земле не для того, чтобы спасти Америку, а для того, чтобы спасти американцев.

Когда в восемнадцатом веке Англия пришла в упадок и в ней расцвели алкоголизм, эксплуатация детей и необузданная безнравственность, Бог милостиво послал духовное пробуждение через проповедь Джорджа Уайтфильда и Джона Уэсли. Некоторые историки уверены, что это пробуждение избавило нацию от участи, подобной участи Французской революции.

В то время, как мы молимся и ожидаем пробуждения, мы не можем сделать ничего лучше, чем восстановить свою веру в Крест, который силен сделать то, чего не может сделать нравственная реформа. То, что евангелисты опять входят в политику, достойно одобрения, однако давайте не будем забывать, что это — не ответ. Это — только средство получения ответа. В какой бы роли ни выступали евангелисты — юристов в суде, людей, протестующих в демонстрации против аборт, или политиков — любая профессия является мостом к свидетельству о спасающей благодати Божьей во Христе.

Глядя за пределы наших стен

Бонхёффер утверждал, что церковь ответственна за всех людей — даже за тех, которые находятся за пределами ее стен. Когда он смотрел на преследования евреев, то видел в том преследования Христа. Он был уверен, что церковь обязана «ставить палки в колеса», чтобы государство не могло совершать свои ужасные дела без борьбы. Даже если церкви суждено проиграть эти сражения, в них все равно необходимо вступить. Мы не должны отступать в постыдном молчании. «Итак, доколе есть время, будем делать добро всем, а наипаче своим по вере» (Галатам 6:10).

Каким является Христос ***нам*** сегодня? Определенно — в образе нерожденного ребенка,

обиженного ребенка, матери-одиночки, расовых меньшинств. Однако Христос для меня — и моя жена, и мои дети, и мои соседи. Каждый христианин должен определить, каким образом ему следует оказывать помощь другим, но участие каждого человека — это не вопрос выбора. Если крест Христов — это величайшее выражение Божьей любви миру, то те из нас, которые следуют за Ним, так же должны являть свою любовь миру.

Наступило время, чтобы христиане вновь заняли когда-то утраченное ведущее положение в искусстве, образовании, политике и законе. Давайте не повторять ошибок церкви в Германии и не отделять духовную сферу от политического, социального и культурного мира. Бонхёффер критиковал церковь, когда единственным ее интересом была защита самой себя. Нас должно характеризовать умение давать, а не прятать.

Поскольку мы живем на этой планете со всем человечеством, то должны восстановить лидерство во всех тех сферах, где христиане часто были на лидирующих позициях. Образование, политика и закон — в этих сферах мы должны обретать доверие, чтобы мир прислушался к нашему посланию. Крест должен быть виден везде, где есть христиане.

Патриотизм и гражданское неповиновение

Мы должны поддерживать свое правительство и быть готовы и критиковать его, или даже противостоять ему в случае необходимости. Патриотизм похвален, когда все свершается справедливо. Каждый народ имеет право защищать себя, право ожидать от правительства действий, направленных на самое лучшее для своих граждан. Тем не менее, если пример церкви в Германии научил нас опасностям слепого повиновения правительству, то мы должны остерегаться бессмысленной философии «это моя страна — хороша она или нет».

Ни один человеческий институт не может занять место Бога. Мы все должны разобраться с собственными представлениями, чтобы видеть, где провести черту. Протестуем ли мы против клиник, совершающих аборт? Отправляют ли родители своих детей в общественную школу, хотя их будут там учить безнравственности? Соответствуют ли студенты-христиане университетской идеологии «политкорректности»?

Сегодня в Америке все еще распространено выражение: «Он — прекрасный христианин и хороший гражданин». Часто на протяжении истории церкви эти две похвалы не могли ужиться. Нам, подобно церкви в Германии, возможно придется сделать выбор в пользу одной из них.

Сила добрых дел

Апостол Петр писал: «И провождать добродетельную жизнь между язычниками, дабы они за то, за что злословят вас, как злодеев, увидя добрые дела ваши, прославили Бога в день посещения» (1 Петра 2:12).

Мы не можем много сделать для того, чтобы исправить восприятие обществом христианства после того, как оно было отфильтровано через мирские средства массовой информации. Мы не можем ничего поделать с тем фактом, что наш образ был запятнан присутствующими среди нас радикалами. Но что же мы *можем* сделать? На этот вопрос есть только один ответ. Каждый отдельно взятый христианин должен быть активным, принимая на себя деликатную задачу отстаивать основные вопросы стойко, но с любовью, а также дарить духовное исцеление обществу, пораженному болезнью под названием «грех».

Послание о Кресте не будет принято до тех пор, пока оно не будет подтверждено в жизни

истинного верующего. Мир должен видеть наши «добрые дела». Многие американцы думают, что не знают лично никого, кто был бы рожденным свыше христианином. Они не знают никого, кто выступает против абортот и, в то же время, относится с любовью к женщинам, совершившим абортот. Они думают, что не встречали никого, кто противостоял бы ценностям гомосексуализма и, в то же время, относился с любовью к гомосексуалистам. Они никогда не встречали того, кто противостоял бы оккультным учебным планам в государственных школах и, в то же время, был искренне заботливым человеком. На самом деле, они, скорее всего, знакомы с таким человеком, однако тот остается безмолвным из страха прослыть фанатиком или религиозным психом.

Помните: нашей целью всегда должно быть завоевание внимания среди циников нашего времени, которые думают, что Бог неуместен в этом просвещенном веке.

Подготовка к противостоянию

Еще Петр писал: «Господа Бога святите в сердцах ваших; будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением» (1 Петра 3:15).

Каждый верующий должен быть способен дать разумное обоснование своей веры, защищая верховенство Христа над всеми остальными альтернативами. Мы не можем больше думать, что быть христианином означает просто ходить в церковь, слушать проповеди и петь гимны, какими бы важными эти занятия ни были. Христиане должны начать осознавать, что все хорошие аргументы — на их стороне.

Мы должны учить родителей, учителей, медсестер, банкиров и адвокатов поддерживать библейские ценности. Мы не должны стыдиться «выйти из окопов», чтобы позволить людям узнать, что не все еще куплены относительными ценностями нашей распадающейся культуры. Христиане должны держаться вместе, чтобы победить мирское представление о том, что в Библию верят только те, кого «Вашингтон пост» описывает как «бедных и необразованных, легких в управлении».

Мы должны врачевать, а не ранить. Мы должны объединять, а не разделять. Мы должны примирить наши церкви, чтобы этот мир увидел, как выглядит сообщество искупленных. Мы должны защищать Евангелие, а не себя. Никакой мести, никаких угроз, никакой жалости к самим себе. Только стойкость, терпение и любовь.

Смирение и чистота

Мы должны понять, что наша общественная эффективность в основном базируется на наших личных взаимоотношениях с Богом. Церковь во многом замешана в тех же грехах, что и мир. Наша страсть к Богу угасает, и наше видение искажается. «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Матфея 5:8).

Когда мы приходим к подножию Креста, то это именно то место, где мы сломлены окончательно. Это место, где мы учимся достигать беспорядочный и страдающий мир вокруг нас. Крест разбивает преграды между нами и всей человеческой расой. И тогда мы больше не видим себя сражающимися с ACLU, со средствами массовой информации или с политиками. Мы должны избавиться от мышления, которое, по сути, говорит: «Если бы мы только избавились от них, то все было бы хорошо». Вовсе нет. Как сказал Ос Гинесс, слабость этой позиции в том, что «не существует проблемы в более общей культуре, которой нельзя было

бы увидеть в христианской Церкви. Труха в нас, а не просто вне. И христиане совершают огромную ошибку, превращая все в культурные войны. Этот кризис гораздо более глубокий».

147

Наконец, мы подошли к сути вопроса. Крест напоминает нам о том, что сражение ведется не столько между церковью и государством, сколько внутри наших собственных сердец. ***Если все мы принадлежим Христу, если Крест стоит выше политики и мира, как об этом напоминал Бонхёффер, то мы победим, невзирая на цену.***

Как христиане, мы можем приветствовать нападки на наши свободы до тех пор, пока рассматриваем этот конфликт как возможность стать истинным свидетельством Христа. Не приуменьшая всего ужаса происходившего в Германии, факт, тем не менее, заключается в том, что без страданий мы никогда бы не услышали о Нимёллере, Бонхёффере или о Корри тен Бум, чья семья, очень рискуя, скрывала евреев, и которые обнаружили, что «как бы ни была глубока яма, Божья благодать все равно глубже».

Мы также не прочитали бы о тысячах храбрых пасторов, матерей и отцов, продолжавших жить для Бога огромной личной ценой без какого-либо видимого воздаяния при этой жизни. Без страданий Бог не увидел бы их веру, которая для Него «драгоценнее золота».

И в последнем конфликте, когда занавес упадет на решающий для Земли «Gotterdammerung» («День Гнева»), Христос все поставит на свои места. Тот, кто был верен Ему и Его Кресту, будет вознагражден «радостью неизреченною и преславною». Все конкурирующие кресты будут выявлены и осуждены, и каждое колено преклонится и «всякий язык исповедает, что Господь Иисус Христос в славу Бога Отца».

Но до того момента Бог прославляется нашей стойкостью. Если мы страдаем, оставаясь верными, Крест возвеличивается в мире. Бонхёффер был прав, когда сказал, что ***мир трепещет перед Крестом, а не перед нами.***

Sola Gloria!— Ему Вся Слава!

О книге

Личность Гитлера по праву считается одной из самых зловещих, но и наиболее загадочных в истории человечества. Кровавый след, оставленный Третьим Рейхом — концлагеря, Холокост, десятки миллионов отнятых и искалеченных жизней, — едва ли будет когда-нибудь забыт. И хотя мы знаем, что во многом причиной стала демоническая способность Фюрера одурманить народ Германии, все же остается вопрос: а где же была в это время церковь? Как случилось, что в стране, где 95 % населения считали себя христианами, творились столь чудовищные преступления? Как верующие люди — миряне и пастыри — могли поддерживать политические замыслы нацистов?

В книге «Крест Гитлера» автор исследует те уроки, которые можно извлечь из истории церкви Третьего Рейха:

- Цена подмены высшей миссии церкви интересами государства

- Опасность для христиан перестать быть «солью» и «светом» в обществе
- Роль Бога в трагедиях отдельных людей и наций
- Истинные мотивы ненависти Гитлера к евреям и другим народам
- Очевидные параллели между эпохой Гитлера и грядущим приходом антихриста

Для читателей из стран бывшего СССР эта книга интересна и ценна еще и тем, что при очевидных различиях, в истории тоталитаризма нацистской Германии и Советского Союза есть много похожего. Изучая уроки церкви Третьего Рейха, можно гораздо лучше понять то, что происходило с верующими в СССР. Ведь многого мы до сих пор по-прежнему не знаем...

«История нацистской Германии — это рассказ о реальном конфликте между двумя спасителями и двумя крестами»

«Крест напоминает нам о том, что сражение ведется не столько между церковью и государством, сколько внутри наших

собственных сердец» — Эрвин Люцер

Переведено по изданию:

Erwin W. Lutzer

Hitler's Cross

Moody Press, Chicago

Перевод с английского: *Сергей Пальцун*

Редактирование: *Игорь Котенко*

Издано: *Киев, СПД Ефетов А.В. (Изд. группа «Нард»), 2005.*

ISBN 978-966-8795-03-9 (русск.)

ISBN 0-8024-3583-1 (англ.)

В книге использованы фотоматериалы из частных коллекций и с любезного разрешения владельцев информационных сайтов среды Internet:

Об авторе

Эрвин Люцер с 1980 года несет служение старшего пастора церкви Муди в Чикаго, постоянный участник программ национальной Библейской вещательной сети в США и Трансмирового радио. Родился и вырос на юге Канады. Автор нескольких десятков книг, издающихся многотысячными тиражами во всем мире. Известен русскоязычному читателю по книгам «За порогом смерти», «Крест Гитлера» и другим публикациям.

Об издателе

Созданная в 2004 году христианская издательская группа «НАРД» выпускает книги, рассказывающие о характере Бога, жизни в благодати, практических вопросах веры, семейных отношениях и истории христианства. Они призваны нести здоровое и конфессионально сбалансированное учение для укрепления верующих в их повседневном хождении перед Богом.

www.nard.com.ua

www.facebook.com/nardbooks

Копирайт и права

Внимание! Все права защищены Международной и Всеамериканской конвенциями по авторским правам. Внеся соответствующую плату, Вы получили не подлежащее передаче другим лицам право загрузить эту электронную книгу и читать ее на экране Вашего устройства. Никакая часть текста этой книги не может быть воспроизведена, передана, загружена, декомпилирована, сохранена в или представлена на каком-либо информационном хранилище или системе воспроизведения ни в каком виде и никаким образом, будь то электронным или механическим путем, как уже существующим, так и изобретенным впоследствии, без письменного согласия Издательской группы «НАРД»

© The Moody Bible Institute of Chicago, USA, 1995

© Видавнича група «Нард», видання рос. мовою, 2006-10.

Всі права захищені.

Примечания

Адольф Эйхман — офицер СС, который спланировал и организовал массовое истребление еврейского населения Европы в период правления Гитлера в Германии. После войны скрывался в Латинской Америке, был выслежен, схвачен и доставлен в Израиль группой израильского спецназа под командованием Питера Малкина. По приговору суда был повешен в 1962 г.

2

«Холокост» — устоявшийся термин для обозначения массового уничтожения евреев нацистами во время Второй мировой войны. Это греческое слово, обозначающее в Библии на греческом языке (Септуагинте) жертву всежжения, является аналогом еврейского «ола», вознесение в дыму.

3

William L. Shirer, *The Rise and Fall of the Third Reich* (New York: Simon & Schuster, 1960), 48.

4

Adolf Hitler, *Mein Kampf*, перевод Ralph Manheim (Boston: Houghton Mifflin, 1943), 161

5

Цитируется в Shirer, *Rise and Fall of the Third Reich*, 98.

6

Frau Forester Nietzsche, *The Life of Nietzsche* (New York: Sturgis & Walton, 1921), 2:656.

7

«The Gay Science» в *The Portable Nietzsche*, под редакцией Walter Kaufman (New York: Viking, 1954), 125.

8

Ravi Zacharias, *A Shattered Visage* (Brentwood, Tenn.: Wolgemuth & Hyatt, 1990), 22.

9

Shirer, *Rise and Fall of the Third Reich*, 111

10

Victor Frankl, *The Doctor and the Soul: Introduction to Logotherapy* (New York: Knopf, 1982), xxi; цитируется по Ravi Zacharias, *Can Man Live Without God?* (Dallas: Word, 1994), 25.

11

Штурмовыми отрядами (*Sturmabteilung*; SA) назывались военизированные формирования нацистской партии, главной целью которых было осуществление социалистической революции в Германии. Комплектовались на добровольной основе из ветеранов Первой мировой войны, безработных и всех тех, кто разделял взгляды нацистов. Со временем превратились в мощную силу, насчитывая в своих рядах до четырех с половиной миллионов человек. Возглавлял СА Эрнст Рём, капитан кайзеровской армии, пользовавшийся авторитетом у солдатских масс. После смены руководства отряды СА были использованы для

выполнения функций полиции и конвойной охраны, занимались допризывной подготовкой населения.

12

Shirer, Rise and Fall of the Third Reich, 226.

13

Gerald Suster, Hitler: The Occult Messiah (New York: St. Martin's, 1981), 135.

14

Adolf Hitler, Mein Kampf, trans. Ralph Manheim (Boston: Houghton Mifflin, 1943), 3.

15

William L. Shirer, The Rise and Fall of the Third Reich (New York: Simon & Schuster, 1960), 349.

16

Ronald Lewin, Hitler's Mistakes (New York: Quill, William Morrow, 1948), 15-16.

17

Trevor Ravenscroft, The Spear of Destiny (York Beach, Maine: Weiser, 1982), 95.

18

Wilhelm Busch, Jesus Our Destiny (Basel, Switzerland: Brunnen, 1992) 195-96.

19

Shirer, Rise and Fall of the Third Reich, 8.

20

Shirer, Rise and Fall of the Third Reich, 77.

21

Shirer, Rise and Fall of the Third Reich, 1056.

22

Shirer, Rise and Fall of the Third Reich, 1069.

23

Robert G. Waite, Adolf Hitler: The Psychopathic God (New York: Basic Books. 1977), 17.

24

Benjamin Wirt Farley, The Providence of God (Grand Rapids: Baker, 1980), 31.

25

Hugh Ross, *Creation and the Cosmos* (Colorado Springs: NavPress, 1993), 47-48.

26

Robert G. Waite, *Adolf Hitler: The Psychopathic God* (New York: Basic Books, 1977), 261.

27

Dusty Sklar, *Gods and Beasts: The Nazis and the Occult* (New York: Dorset, 1977), 23.

28

William L. Shirer, *The Rise and Fall of the Third Reich* (New York: Simon & Schuster, 1960), 44.

29

Trevor Ravenscroft, *The Spear of Destiny* (York Beach, Maine: Weiser, 1982), 91.

30

Trevor Ravenscroft, *The Spear of Destiny* (York Beach, Maine: Weiser, 1982), 92.

31

Trevor Ravenscroft, *The Spear of Destiny* (York Beach, Maine: Weiser, 1982), 176.

32

Sklar, *Gods and Beasts*, 54.

33

Waite, *Adolf Hitler*, 21.

34

Waite, *Adolf Hitler*, 29.

35

Sklar, *Gods and Beasts*, 53.

36

Waite, *Adolf Hitler*, xi.

37

Цитируется в Ravenscroft, *Spear of Destiny*, 64.

38

Цитируется в Ravenscroft, *Spear of Destiny*, 9.

39

Цитируется в Ravenscroft, *Spear of Destiny*, 3.

40

Sklar, Gods and Beasts, 3.

41

Sklar, Gods and Beasts, 72.

42

Цитируется в David Hunt, Peace, Prosperity and the Coming Holocaust (Eugene, Oreg.: Harvest House, 1983), 128.

43

Gerald Suster, Hitler: The Occult Messiah (New York: St. Martin's, 1981), 77.

44

Цитируется в Hunt, Peace, Prosperity and the Coming Holocaust, 141.

45

Ravenscroft, Spear of Destiny, 188.

46

Hunt, Peace, Prosperity and the Coming Holocaust, 131.

47

«A Global Ethic», 1993 Parliament of the World's Religions, 9.

48

СС (Schutzstaffel) — элитные охранные подразделения нацистской партии, «Черный орден». Были созданы в структуре СА в 1925 г. как группы охраны руководства партии, а в 1934 г. под началом Гимmlера стали самостоятельной организацией для осуществления внутривпартийного контроля и реализации решений партии нацистов и лично Гитлера. Войсковые подразделения СС отличались исключительной жестокостью и высокой профессиональной подготовкой. В отличие от армейских подразделений имели свою организационную структуру и особые правила поведения, напоминавшие средневековые уставы тайных обществ.

49

Robert Van Kampen, The Sign (Wheaton, 111.: Crossway, 1992), 209.

50

Цитируется в Texe Marrs, Mega Forces (Austin: Living Faith, 1988), 24.

51

Trevor Ravenscroft, The Spear of Destiny (York Beach, Maine: Weiser, 1982), 251.

52

Trevor Ravenscroft, *The Spear of Destiny* (York Beach, Maine: Weiser, 1982), 29-30.

53

Цитируется в Kevin Abrams, «The Lambda Report», August 1994, 9.

54

Kristallnacht — «Хрустальная ночь» или «Ночь разбитых стекол» — так называлась волна еврейских погромов, прокатившаяся по всей Германии, Австрии и другим подконтрольным нацистам территориям в ночь 9 ноября 1938 года.

55

Martin Luther, *Luther's Works*, trans. Martin H. Bertram (Philadelphia: Muhlenberg, 1962), 47:268-72.

56

Martin Luther, *Luther's Works*, trans. Martin H. Bertram (Philadelphia: Muhlenberg, 1962), 45:229.

57

Цитируется в Ravenscroft, *Spear of Destiny*, 116.

58

Цитируется в Ravenscroft, *Spear of Destiny*, 116.

59

Цитируется в Ravenscroft, *Spear of Destiny*, 147.

60

Dusty Sklar, *Gods and Beasts: The Nazis and the Occult* (New York: Dorset, 1977), 91.

61

Dusty Sklar, *Gods and Beasts: The Nazis and the Occult* (New York: Dorset, 1977), 151-53.

62

George M. Kren and Leon Rappoport, *The Holocaust and the Crisis of Human Behavior* (New York: Holmes & Meier, 1980), 70.

63

Ravenscroft, *Spear of Destiny*, 251.

64

Sklar, *Gods and Beasts*, 91.

65

Johannes Aagaard, «Hindu Scholars, Germany and the Third Reich», in Update (September 1982).

66

Curt Young, *The Least of These* (Chicago: Moody, 1983), 7-8.

67

David A. Rausch, *A Legacy of Hatred* (Chicago: Moody, 1984), 168.

68

Eberhard Bethge, *Dietrich Bonhoeffer* (New York: Harper & Row, 1970), 191.

69

Richard Pierard, «Radical Resistance», *Christian History* 10, no. 4 (1991): 30.

70

J. S. Conway, *The Nazi Persecution of the Churches 1933-1945* (New York: Basic Books, 1968), 48.

71

Robert G. Waite, *Adolf Hitler: The Psychopathic God* (New York: Basic Books, 1977), 317.

72

Там же, 16.

73

Richard Grunberger, *The 12-Year Reich* (New York: Holt, Reinhart & Winston, 1971), 439.

74

John Toland, *Hitler: The Pictorial Documentary of His Life* (New York: Doubleday, 1978), 47.

75

Oswald J. Smith, «My Visit to Germany», *The Defender* 11 (September 1936): 15; quoted in David A. Rausch, *A Legacy of Hatred* (Chicago: Moody, 1984), 101.

76

James Dobson in a letter to his supporters, March 1993.

77

William L. Shirer, *The Rise and Fall of the Third Reich* (New York: Simon & Schuster, 1960), 234.

78

Conway, *Nazi Persecution of the Churches*, 15.

79

Shirer, Rise and Fall of the Third Reich, 249.

80

Shirer, Rise and Fall of the Third Reich, 241.

81

Shirer, Rise and Fall of the Third Reich, 268.

82

Rausas J. Rushdoony, Law and Liberty (Fairfax, Va.: Thoburn, 1971), 73.

83

Shirer, Rise and Fall of the Third Reich, 238.

84

Shirer, Rise and Fall of the Third Reich, 240.

85

Цитируется в John Warwick Montgomery, The Law Above the Law (Minneapolis: Bethany, 1975), 25-26.

86

Eberhard Bethge, Dietrich Bonhoeffer (New York: Harper & Row, 1970), 228.

87

Mary Bosanquet, The Life and Death of Dietrich Bonhoeffer (London: Hodder & Stoughton, 1968), 121-22.

88

Geffrey B. Kelly, «The Life and Death of a Modern Martyr», Christian History 10, no. 4 (1991): 11.

89

Bethge, Dietrich Bonhoeffer, 232.

90

Bethge, Dietrich Bonhoeffer, 241.

91

Kelly, «The Life and Death of a Modern Martyr», 13.

92

Peter Matheson, ed., *The Third Reich and the Christian Churches* (Grand Rapids: Eerdmans, 1981), 39-40.

93

Dietmar Schmidt, *Pastor Niemoller* (New York: Doubleday, 1959), 94. This helpful biography is the source of the story of Niemoller's meeting with Hitler.

94

Schmidt, *Pastor Niemoller*, 96.

95

Schmidt, *Pastor Niemoller*, 97.

96

Arthur C. Cochrane, *The Church's Confession Under Hitler* (Philadelphia: Westminster, 1962), 14.

97

Barmen Confession; quoted in Matheson, ed., *The Third Reich and the Christian Churches*, 46.

98

Bosanquet, *Life and Death of Dietrich Bonhoeffer*, 163.

99

Matheson. *Third Reich and the Christian Churches*, 50.

100

Bosanquet, *Life and Death of Dietrich Bonhoeffer*, 165.

101

J. S. Conway, *The Nazi Persecution of the Churches 1933-1945* (New York: Basic Books, 1968), 377.

102

Dietrich Bonhoeffer, *Ethics* (New York: Collier Books, 1963), 65.

103

Цитируется в J. S. Conway, *The Nazi Persecution of the Churches 1933-1945* (New York: Basic Books, 1968), on an opening unnumbered page.

104

Mary Bosanquet, *The Life and Death of Dietrich Bonhoeffer* (London: Hodder & Stoughton, 1968), 166.

105

Peter Matheson, ed., *The Third Reich and the Christian Churches* (Grand Rapids: Eerdmans, 1981), 58-60.

106

William L. Shirer, *The Rise and Fall of the Third Reich* (New York: Simon & Schuster, 1960), 239.

107

Dietmar Schmidt, *Pastor Niemoller* (New York: Doubleday, 1959), 110-11.

108

F. Burton Nelson, «Family, Friends & Co-conspirators», *Christian History* 10, no. 4 (1991): 20.

109

Eberhard Bethge, *Dietrich Bonhoeffer* (New York: Harper & Row, 1970), 504.

110

Conway, *Nazi Persecution of the Churches*, 223.

111

Conway, *Nazi Persecution of the Churches*, 220.

112

Shirer, *The Rise and Fall of the Third Reich*, 240.

113

Цит. в David A. Rausch, *A Legacy of Hatred* (Chicago: Moody, 1984), 169.

114

Conway, *Nazi Persecution of the Churches*, 87.

115

Helmut Thielicke, «The Great Temptation», *Christianity Today*, 12 July 1985, 24-31. My summary of the message is taken from this longer version.

116

Cited in Arthur. C. Cochrane, *The Church's Confession Under Hitler* (Philadelphia: Westminster, 1962), 40.

117

Cited in Arthur. C. Cochrane, *The Church's Confession Under Hitler* (Philadelphia: Westminster, 1962), 41.

118

Cited in Eberhard Bethge, *Bonhoeffer: Exile and Martyr* (New York: Seabury, 1975), 155.

119

Cited in Eberhard Bethge, *Bonhoeffer: Exile and Martyr* (New York: Seabury, 1975), 155.

120

Tim Stafford, «Campus Christians and the New Thought Police», *Christianity Today*, 10 February 1992, 19.

121

Roger Manvell and Heinrich Fraenkel, *The Men Who Tried to Kill Hitler* (New York: Coward-McCann, 1964), 209-11.

122

Roger Manvell and Heinrich Fraenkel, *The Men Who Tried to Kill Hitler* (New York: Coward-McCann, 1964), 177-80.

123

Helmut Gollwitzer, Kathe Kuhn and Reinhold Schneider, eds., *Dying We Live* (New York: Pantheon Books Inc., 1966), 162.

124

Bethge, *Bonhoeffer*, 156-58.

125

Bea Stadtler, *The Holocaust: A History of Courage and Resistance* (West Orange, N.J.: Behrman House, 1974). The book is filled with stories of the resistance; I allude here to only a few.

126

David P. Gushee, «Why They Helped the Jews», *Christianity Today*, 24 October 1994, 32-35. I've included a summary of his conclusions.

127

Dietrich Bonhoeffer, *The Cost of Discipleship*, trans. C. Kaiser (New York: Macmillan, 1949), 45-46.

128

Mary Bosanquet, *The Life and Death of Dietrich Bonhoeffer* (London: Hodder & Stoughton, 1968), 65.

129

Mary Bosanquet, *The Life and Death of Dietrich Bonhoeffer* (London: Hodder & Stoughton, 1968), 109.

130

Geffrey B. Kelly and F. Burton Nelson, eds., *A Testament to Freedom* (San Francisco: Essential

Writings of Dietrich Bonhoeffer, 1990), 538.

131

Bosanquet, *Life and Death of Dietrich Bonhoeffer*, 121.

132

Bonhoeffer, *Cost of Discipleship*, 111.

133

Bonhoeffer, *Cost of Discipleship*, 112.

134

Dietrich Bonhoeffer, *Ethics*, trans. Neville Horton Smith (New York: Collier Books, 1949), 77.

135

Bonhoeffer, *Cost of Discipleship*, 148.

136

Geffrey B. Kelly, «The Life and Death of a Modern Martyr», *Christian History* 10, no. 4 (1991): 8.

137

Roger Manvell and Heinrich Fraenkel, *The Men Who Tried to Kill Hitler* (New York: Coward-McCann, 1964), 220-21.

138

Цитируется в John Stott, *The Cross of Christ* (Downer's Grove, Ill.: InterVarsity, 1986), 134.

139

Цитируется в John Stott, *The Cross of Christ* (Downer's Grove, Ill.: InterVarsity, 1986), 44.

140

Скоуп — американский преподаватель, арестованный и отданный под суд в 1925 г. за преподавание в школе теории эволюционного развития Дарвина, что было официально запрещено законами штата Теннесси. Этот судебный процесс получил название «обезьяньего», так как законы штата запрещали учить в школе, что человек произошел от обезьяны. Дискуссия на суде между защитником Скоупа Дэрроу и его обвинителем Брайаном, выступавшим от лица христианских фундаменталистов, которые буквально понимают текст Писаний о сотворении мира в 6 дней, привела к тому, что обвинитель допустил возможность сотворения мира в течение гораздо большего периода времени. Скоупа присудили к штрафу в 100 долларов.

141

Jacques Ellul, *The Subversion of Christianity* (Grand Rapids: Eerdmans, 1986), 18.

142

Nicholas P. Miller, «Religion Free Workplaces?» Liberty (December 1984): 12-15.

143

Nicholas P. Miller, «Religion Free Workplaces?» Liberty (December 1984): 12-15.

144

Nicholas P. Miller, «Religion Free Workplaces?» Liberty (December 1984): 12-15.

145

James Dobson, «Freezing the Linebacker», Liberty (October 1994): 14-17.

146

Richard Neuhaus, National Federation of Decency, August 1987, 3.

147

Как приводится в «Religion & Politics: A Round Table Discussion», Modern Reformation (September/October 1994): 25.